

ОГОНЁК

№ 40 ОКТЯБРЬ 1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КОММУНИСТЫ

Голосуют делегаты XXIII съезда партии, голосуют от имени
12 МИЛЛИОНОВ 471 ТЫСЯЧИ КОММУНИСТОВ.

Сейчас, в канун великого праздника, в рядах КПСС уже свыше
12 МИЛЛИОНОВ 800 ТЫСЯЧ КОММУНИСТОВ.

В этом номере «Огонек» рассказывает о судьбах, делах и заботах представителей нескольких поколений Ленинской партии.

П Л Е Н У М Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Г О К О М И Т Е Т А К О М М У Н И С Т И Ч Е С К О Й П А Р Т И И С О В Е Т С К О Г О С О Ю З А

26 сентября 1967 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал и обсудил доклад Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «О мерах по дальнейшему повышению благосостояния советского народа».

Пленум заслушал и обсудил доклады заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана

СССР тов. Н. К. Байбакова «О проектах Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1968 год и планов развития народного хозяйства СССР на 1969 и 1970 годы» и министра финансов СССР тов. В. Ф. Гарбузова «О проекте Государственного бюджета СССР на 1968 год».

По этим вопросам Пленум принял соответствующие постановления.

Решения XXIII съезда КПСС о дальнейшем повышении материального благосостояния советского народа неуклонно воплощаются в жизнь.

Наш народ с воодушевлением приветствует Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по дальнейшему повышению бла-

госостояния советского народа», Указы Президиума Верховного Совета СССР: «О расширении льгот для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и в

Пленум ЦК полностью одобрил разработанные Политбюро ЦК КПСС мероприятия по дальнейшему повышению благосостояния советского народа.

В связи с избранием тов. А. Н. Шелепина председателем ВЦСПС Пленум ЦК освободил его от обязанностей секретаря ЦК КПСС.

ПРЕЗИДЕНТ ПАКИСТАНА В МОСКВЕ

25 сентября Москва тепло встретила Президента Пакистана фельдмаршала Мохаммеда Айюб Хана, прибывшего в нашу страну по приглашению Советского правительства. На Внуковском аэродроме высокого гостя встречали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и другие официальные лица. Президент Пакистана нанес в Кремле визиты Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному и Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину. 25 сентября в Кремле состоялись советско-пакистанские переговоры. На них участвовали: Переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Президентом Пакистана фельдмаршалом Мохаммедом Айюб Ханом.

Фото В. Кошевого (ТАСС).

ПОД ЧИСТЫМ НЕБОМ БАКУ

А. СОФРОНОВ

И снова — Баку. Снова этот удивительно красивый город — и морской, и каменистый, окруженный нескончаемым строем нефтяных вышек, сосчитать их невозможно да и ни к чему. Снова бакинская мягкая осенняя ночь. Словно вымытые, блестят мостовые. Едешь с аэродрома — и кажется, проезжаешь по большим лабораториям. Город спит, все тихо... Лишь там и тут шагают по улицам молодые люди...

Но открывается день, и город наполнен бурным кипением жизни, шумом и говором. Баку — город революционных традиций, мощных пролетарских выступлений против самодержавия.

Баку — город развитой промышленности, город нефти, город широких проспектов и новых жилых

ансамблей. Одним словом, Баку есть Баку. И, конечно же, не случайно Международная научная конференция, созданная Академией наук СССР, Академией наук Азербайджанской ССР, Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки, Азербайджанским комитетом солидарности, открылась здесь и привлекла известных ученых и политических деятелей Африки, Азии, Латинской Америки, социалистических стран Европы...

Это не итог, а некоторый взгляд на прошедшие десятилетия, анализ влияния идей Октября, опыта русской революции на национально-освободительное движение народов угнетенных и зависимых стран, анализ характера и путей этого движения — вот, собственно, в чем главное содержание докладов и выступлений на этой конференции.

— Народ Объединенной Арабской Республики высоко ценит помощь, которую оказывает ему советский народ в трудный период нашей истории, вызванный израильской агрессией, — говорил

видный общественный деятель, председатель Комитета сторонников мира ОАР Халед Мохи эд-Дин. — Мы знаем, что великий дух интернационализма советского народа рожден самими принципами Октябрьской социалистической революции, принципами солидарности наций в борьбе против империалистической агрессии.

Представитель Коммунистической партии Бразилии Нельсон Содре заявил:

— Бразильский народ с первых же дней победы Октябрьской революции с восхищением следит за успехами Советского Союза. Его пристальный интерес вызывают не только достижения в области экономической жизни, но и вдохновляющие идеи первой в мире страны социализма.

— Великая Октябрьская социалистическая революция нашего продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить, — говорил член ЦИК и член Национального совета Компартии Индии Сардисай. — Октябрь положил начало кризису империалистической колониальной системы, на карте мира появились десятки молодых государств. Победоносное учение марксизма-ленинизма оказало и продолжает оказывать могучее влияние на формирование взглядов во всех уголках земного шара, в том числе и в Индии.

Замечательный поэт, нежный лирик и одновременно трибун,

член ЦК Фронта освобождения Мозамбика Марселино Дос Сантос обратил горячие слова благодарности к советскому народу:

— Народы, ведущие вооруженную борьбу за свое освобождение, вдохновляются идеями Великого Октября, внимательно изучают опыт стран социалистического лагеря. Мы высоко ценим материальную, моральную и иную помощь, которую оказывают борющейся Африке социалистические страны, и в особенности Советский Союз. Значительная часть оружия, которым пользуются наши воины, пришла из социалистических стран. Я хочу воспользоваться случаем, чтобы от имени наших борцов и всего нашего народа выразить горячую благодарность советским людям за ту помощь, которую оказывают они нам в борьбе с колониализмом.

— Для нас Баку — очень близкий город. Все у нас знают, что здесь сейчас живут и воспитываются двести наших ребятшек... Это — наше будущее.

— О будущем вьетнамского народа хорошо говорит новая программа Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, — сказал товарищ Ахундов. — Это важнейший документ, который призван сыграть большую роль в борьбе за построение независимого демократического мирного нейтрального Южного Вьетнама... Трудящиеся Азербайджана, как и весь советский народ, будут и впредь оказывать всемерную поддержку южновьетнамским патриотам, а также Демократической Республике Вьетнам в их борьбе за свободу и независимость. Мы восхищаемся вашим героизмом. Никогда никакие средства истребления не смогут сломить волю народов.

— Эта новая программа является программой сплочения всего нашего народа и одновременно программой строительства Южного Вьетнама, его освобождения. Тот факт, что советские люди дают ей такую высокую оценку, является для нас очень важным. Мы во

освобождения Южного Вьетнама в СССР Данг Куанг Миня...

В один из дней работы конференции товарища Данг Куанг Миня принял первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана В. Ю. Ахундов.

Данг Куанг Минь сказал: — Для нас Баку — очень близкий город. Все у нас знают, что здесь сейчас живут и воспитываются двести наших ребятшек... Это — наше будущее.

— О будущем вьетнамского народа хорошо говорит новая программа Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, — сказал товарищ Ахундов. — Это важнейший документ, который призван сыграть большую роль в борьбе за построение независимого демократического мирного нейтрального Южного Вьетнама... Трудящиеся Азербайджана, как и весь советский народ, будут и впредь оказывать всемерную поддержку южновьетнамским патриотам, а также Демократической Республике Вьетнам в их борьбе за свободу и независимость. Мы восхищаемся вашим героизмом. Никогда никакие средства истребления не смогут сломить волю народов.

— Эта новая программа является программой сплочения всего нашего народа и одновременно программой строительства Южного Вьетнама, его освобождения. Тот факт, что советские люди дают ей такую высокую оценку, является для нас очень важным. Мы во

Вьетнаме продолжаем дело, которое вы начали пятьдесят лет назад. Американцы терпят сейчас поражение за поражением. Несмотря на это, они еще продолжают агрессию. Мы не закрываем глаза на трудности. Мы знаем, что война становится еще более ожесточенной. Мы это имеем в виду, но, главное, мы знаем и рассчитываем на помощь, которую нам оказывает Советский Союз. У нас большие трудности, но и победа будет большая. Американцы с каждым днем увеличивают количество своих войск. Сейчас в среднем на каждый квадратный километр территории Южного Вьетнама, которая находится под оккупацией американцев, насчитывается 16 американских солдат, а есть районы, где на каждые пять местных жителей приходится один американский солдат. Это нелегко, но мы знаем, что самая тяжелая участь когда-то выпала на долю русского народа. Советский Союз вел борьбу, находясь в капиталистическом окружении. Револю-

ционное и национально-освободительное движение тогда еще не были столь объемны и широки. Империализм еще мог тогда сдерживать борьбу народов. Сейчас борьба во Вьетнаме идет при поддержке всего социалистического лагеря, иначе говоря, мы ведем борьбу хотя и трудную, но в благоприятных условиях. Революционное движение делает огромные успехи. Жизнь и наша борьба научили нас трезво смотреть на события. Наша дружба и доверие друг к другу крепнут с каждым днем.

Все это говорил товарищ Данг Куанг Минь спокойно, будто взвешивая каждое слово. ...Встреча в Баку закончилась. Это была встреча борцов, единомышленников, ведущих непримиримую борьбу со старым миром, борьбу с империализмом и колониализмом. Встреча была озарена идеями Великой Октябрьской социалистической революции, распространившими свой животворный свет на весь земной шар.

ОГОНЕК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО- 45-й год издания

ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО- № 40 (2101)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 1 ОКТЯБРЯ 1967

С. П. Королев и В. Николаева-Терешкова.

НА РАССВЕТЕ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА

Инженер В. ВЛАДИМИРОВ

Заря космической эры. Она разгорелась на наших глазах. Мы сами, можно сказать, «зажигали» ее. Ведь нам выпала честь своими руками готовить запуск первого в мире искусственного спутника Земли! Сейчас солнце космической эры уже поднялось над горизонтом, но из памяти никогда не изгладятся те незабываемые дни осени 1957 года, когда человечество сделало первый шаг к звездам. О тех днях напоминает мне и памятная медаль с профилем нашего великого соотечественника К. Э. Циолковского, нетускнеющее золото которой поблескивает на моем письменном столе. В каждом новом космическом старте я вижу отблеск того зарева, которое поднялось над космодромом рано утром 4 октября 1957 года.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ МАТЧ

Начало сентября 1957 года. Солнце припекало с самого утра, хотя по календарю наступила осень. В местах, где расположен космодром, сентябрь, как правило, очень теплый. Для жителей средней полосы такая погода могла бы показаться даже жаркой.

Жизнь у нас в этот день шла, как обычно. С утра занятия и работы на технике, а вечером...

Испытателей я застал за подготовкой и футбольной встрече с извечным противником — стартовой командой. Игра в футбол здесь была самой распространенной. Играли мы и летом и зимой. Во многом этому способствовал климат: снегу здесь почти не бывает, хотя ртутный столбик термометра зимой опускается до минус 30°. Правда, наш футбол несколько отличался от обычного: и размером поля — оно было меньше и нестабильностью тайма — он продолжался от 30 минут до полутора часов, и формой игроков — обычно играли в спецодежде и редко кто надевал бутсы. А однажды, я помню, вратарь появился даже в меховой куртке и валенках.

До начала встречи оставалось несколько минут. Ко мне подошли один из лучших футболистов нашей команды и капитан команды «противника» и попросили быть арбитром. Не успели представители команд выйти из комнаты, как раздался телефонный звонок. Я снял трубку и услышал голос руководителя стартовой команды:

— Через несколько минут у меня начнется совещание. Прошу быты..

Так футболисты остались без судьи.

Направляясь на совещание, я вспомнил какую-то взволнованность, звучавшую в голосе Николая Александровича. И говорил он быстрее обычного, как будто торопился куда-то.

В кирпичном одноэтажном здании неподалеку от стартовой площадки жизнь бурлила, как горная речка. Здесь часто шли оживленные споры между конструкторами и инженерами-испытателями по самым различным вопросам, разбирались вновь внесенные изменения в конструкцию, обсуждались и принимались решения по выявленным недостаткам, раздавались частые звонки телефонов и следовавшие за ними довольно длительные разговоры с различными службами космодрома. Почти непрерывно хлопала входная дверь — одни заходили, другие выходили. Внешне оно напоминало улей. Впрочем, так его частенько и называли.

Здесь нас и поджидал «газик». Стартовую площадку опоясывала дорога. Хотя по форме она и не была похожа на круг, однако все ее называли кольцевой. Тут же была бетонная площадка, которая служила стоянкой для автомашин. Монтажный корпус космодрома, вытянувшийся на несколько десятков метров параллельно дороге, виден издали. Он сооружен из железобетона, кирпича и стекла с учетом всех последних достижений строительной техники. Вот и нему-то и подкатил нас «газик».

Когда все вошли и усьелись, руководитель космодрома не спеша встал, обвел взглядом присутствовавших, подавая этим как бы сигнал к началу совещания, и негромким, но твердым голосом произнес:

— Товарищи!

В комнате сразу воцарилась тишина. Все приготовились слушать. Тот продолжал:

— Нашему коллективу поручено подготовить и провести запуск первого в мире искусственного спутника Земли...

Он помедлил, дав нам несколько секунд осмыслить услышанное, а затем добавил:

— Я уверен, что коллектив выполнит это исключительно ответственное и почетное задание Коммунистической партии и правительства! Заключительные слова прозвучали в напряженной тишине, как клятва, как призыв сделать все возможное для его выполнения.

Для нас, испытателей космодрома, это был первый день на заре космической эры. Но для ученых, конструкторов, инженеров, техников и рабочих — всех создателей ракеты-носителя и первого искусственного спутника Земли — этот день наступил значительно раньше.

ОТСЧЕТ ВРЕМЕНИ НАЧАЛСЯ

На втором этаже монтажного корпуса было тихо. Лишь изредка кто-нибудь из специалистов стартовой команды или конструкторов торопливо проходил по коридору, заглядывая то в одну, то в другую комнату. В них размещались различные лаборатории и пульты-вые корпуса. Из открытых дверей доносилось жужжание работающих уфимформеров, гироскопов, генераторов. Оно дополнялось щелчками коммутирующей аппаратуры и различных реле. Среди этих звуков слышались отрывистые команды руководителей лабораторий и ведущих инженеров-испытателей. Началась подготовка оборудования к проверкам спутника и ракеты-носителя. Вот почему специалисты, в основном инженеры-испытатели, узнав об ответственном задании, сразу же, не теряя времени, приступили к неотложным делам.

...Шел двадцатый день. Заканчивались регламентные проверки оборудования. В этот день инженеры-испытатели и начальники групп должны были отметить в формулярах, паспортах и бортовых журналах объем выполненных регламентных работ. Это не было простой формальностью: правильные и своевременные записи позволяли в любое время установить фактическое состояние оборудования, его готовность к работе.

Обходя стартовую площадку, мы с руководителем стартовых команд наблюдали ту же картину: на всех агрегатах и системах, в пультных и рессиверных, газификаторных и насосных кипела работа — специалисты служб заканчивали заключительные операции регламентных проверок. Надо было видеть, с какой тщательностью, придирчивостью и скрупулезностью специалисты проводили каждую операцию! Мы задержались около двух расчетов — гидропривода и автоматич. пускового устройства и управления заправкой. Это были наиболее сложные и ответственные системы в нашей службе.

Расчетом управления заправкой руководил выдержанный и спокойный молодой инженер-испытатель Виктор Михайлович. Здесь было сосредоточено управление всеми операциями по заправке ракеты-носителя. Руководитель стартовой команды не случайно уделял этому расчету больше внимания, чем другим. Малейшая ошибка операторов расчета могла привести к аварийным ситуациям и тяжелым последствиям.

Не менее ответственной была и задача пускового расчета.

ЗА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ...

Наступил день комплексных занятий. Мы проводили их и раньше, но теперь они были особенными. Это была последняя, генеральная проверка людей и техники перед запуском спутника.

Вот стартовая площадка. Солнце поднялось из-за горизонта. В его лучах вырисовывались силуэты различных сооружений. В эти утренние часы площадка выглядела особенно величественно. В центре располагалось мощное пусковое

устройство. Ажурные фермы, переплетения труб.

С двух сторон к пусковому устройству примыкали фермы обслуживания. Сейчас они были опущены. Фермы с многочисленными площадками напоминали какое-то плавучее сооружение с парусами.

В середине площадки против пускового устройства лежала учебная ракета, почти такая же, как та, которая несколько дней спустя должна была вынести в космос первый в мире искусственный спутник Земли. Справа и слева от нее размещались различные агрегаты для заправки ракеты-носителя.

Гладкое бетонное покрытие площадки блестело под лучами солнца, как оконное стекло после дождя. От оборудования пахло свежей краской.

До начала занятий — 30 минут, но на площадку уже прибыли все специалисты. Они заняли рабочие места на агрегатах и системах, у пультов управления и распределительных устройств, в насосных и газификаторных. Обстановка на космодроме напоминала мне подготовку к одному из больших наступлений на Северо-Западном фронте во время Великой Отечественной войны. Проверка танковых экипажей на исходных позициях перед атакой, я видел примерно такую же картину. Каждый член экипажа был занят своим делом. Старший механик-водитель подгонял сиденье; стрелок-радист проверял питание радиостанции; командир орудия раскладывал поудобнее первые снаряды, чтобы через несколько минут выпустить их по врагу. Экипаж другого танка осматривал моторное отделение, протирал запотевшие перископы командирской башенки...

Так было и сейчас. В поведении людей чувствовалась приподнятость, какая-то особая торжественность. И было отчего: ведь это был последний экзамен перед первым шагом к звездам.

Пора! Взглянув на часы, я отправился в бункер — в пульттовую. Надев шлемофон и включившись в циркулярную связь, объявил в микрофон:

— Внимание! Внимание! Всем занять рабочие места!

Сделав небольшую паузу, громче обычного повторил:

— Всем занять рабочие места! Приступаем к занятиям!

Несмотря на все старания, мне все-таки не удавалось скрыть волнение.

Я продолжал:

— Семидесятый! Подать ракету к пусковому устройству!

— Есть! — услышал ответ.

Комплексное занятие началось... Подходил к концу пятый час. Кончалась первая часть занятий. Специалисты энергично выполняли заключительные операции перед пуском. Не успел я сделать на графике заправки отметку о выполнении очередной операции, как услышал в наушниках:

— Пятый! Я семидесятый! Докладываю: все заключительные операции закончены.

— Всем в укрытия! — объявил я.

И снова доклад:

— Пятый! Все расчеты эвакуированы с площадки и находятся в укрытиях.

ПУТЬ «К ПРИЧАЛУ»

Шел последний день перед вывозом спутника на стартовую площадку. Он был не менее напряженным, чем все предыдущие. Предстояло еще изучить график установки ракеты-носителя на пусковое устройство, графики комплексных проверок, заправки и пуска. У монтажного корпуса я застал одного из помощников Сергея Павловича Королева. Он что-то энергично докладывал собеседникам. На ходу я услышал: «Это только начало. Добавим одну ступеньку, и тогда...» Я догадался, что речь шла о новом искусственном спутнике, который можно вывести в будущем на околоземную орбиту.

Надев белоснежные халаты, мы направились в зал монтажного корпуса. Десятки светильников и прожекторов на потолке и колоннах излучали потоки света, направление и мощность которых можно было регулировать в зависимости от места работы. Пол и стены блистали чистотой. Монтажное, танцевальное и другое оборудование занимало строго определенные места и находилось в образцовом состоянии. Обилием света, чистотой

и порядком зал напоминал хорошую лабораторию для испытания точных механизмов. В левой половине зала стоял поданный еще утром транспортный агрегат с разведенными захватами. Он был готов принять в свои объятия ракету-носитель. А она, белоснежная красавица, занимала большую часть правой половины зала. В трех-четыре метрах от нее на специальном стенде слегка покачивался искрящийся шар с несколькими отходящими от него такими же блестящими металлическими штырями. Это и был первый в мире искусственный спутник Земли.

Закончены сборка ракеты, комплексная проверка оборудования, стыковка ракеты со спутником. Ракета-носитель с контейнером, внутри которого ждет своего часа первый посланец человечества во Вселенную, подготовлена и переезду на стартовую площадку.

...Утро 3 октября 1957 года. Меня разбудил телефонный звонок. До выезда на стартовую площадку оставалось еще много времени, а в зале уже собрались инженеры-испытатели, конструкторы. Все ждут торжественного момента.

— В добрый путь, — наконец говорит Сергей Павлович Королев. — Пойдемте провожать первенца.

Эти слова он произнес с какой-то грустью, так, словно надолго прощал близкого человека.

Прощальный сигнал тягача, и ракета-носитель медленно начинает свой путь. Нарастающий ронот двигателя тягача потонул в буре аплодисментов, возгласах одобрения и напутствия: «Счастливого пути!», «Ни пуха ни пера тебе, дорогой!», «В добрый путь!».

Последние шаги спутника по Земле. Последние часы перед стартом. В лучах солнца сверкает обтекатель ракеты, прикрывший спутник.

Как-то он завтра выйдет на орбиту, облетит нашу планету?

ПУСК

Утро выдалось прохладное. Пред- рассветная тишина площадки постепенно наполнилась звонкими, молодыми голосами специалистов, громкими разговорами инженеров-испытателей и конструкторов, которые даже сейчас не оставили жарких дискуссий.

Приближалось время заправки. У астрономов геодезической лаборатории запрашивается точное время, и мы устанавливаем его на своих часах. Теперь необходимо сообщить его всем службам космодрома, которые участвуют в подготовке и пуску.

— Внимание! Внимание! Через минуту будет дана проверка времени!.. Сейчас по местному времени 5 часов 45 минут! Сорок пять минут! — повторил я в тот момент, когда до исхода их оставалось три секунды.

— Всем службам готовность 2 часа 15 минут! Подготовиться и заправить!

Начать заправку!

Площадка сразу огласилась гулом включенных электромоторов различной мощности — от десятков до нескольких сот киловатт, насосов и вентиляторов, звуками открывающихся и закрывающихся заправочных клапанов, напоминающими глухие выстрелы из пистолета.

Шипел воздух, выходящий из заправочных баков ракеты. Щелкали команд-аппараты, магнитные пускатели и реле. И поверх всего — четкие команды руководителей служб и начальников групп, доносящиеся из громкоговорителей.

Операции сменялись с такой быстротой, что я с трудом успевал отмечать их выполнение на графике.

Заправка подходила к концу.

Вскоре на площадке все пришло в движение. Только ракета-носитель, как исполненный столб, прикрытый фермами обслуживания, продолжала покоиться на пусковом устройстве. Около нее трудилось более десятка специалистов: один отводил заправочные устройства и убирал их в безопасное место; другие готовили двигательные установки и запуску; третьи проверяли надежность подсоединения штекеров к ракете; четвертые готовили и опускали площадку ферм обслуживания.

Чем ближе момент пуска, тем меньше специалистов на площадке. Расчеты, закончившие свою работу, направлялись в укрытия.

Громкоговорители разносили по округе очередную готовность. Пятнадцать минут.

Последний агрегат покинул площадку.

Раздалась команда:

— Опустить фермы!

Из репродуктора донеслось:

— Готовность пять минут!

Услышав ее, я переключился на циркулярную связь. Все находившиеся на наблюдательном пункте, ожидавшие пуска в укрытиях, сосредоточили внимание на одиноко стоявшей ракете. Наступили томительные минуты ожидания.

— Готовность одна минута!

До пуска считанные секунды. Сотни глаз впились в одну точку. Наступила какая-то необычная, настороженная тишина: прекратились разговоры, умолк где-то вдали ронот тягача, треск электросварочного аппарата, гул токарного станка в ремонтной мастерской. Все вокруг замерло. Слышны только отсчеты секунд да удары наших сердец. И вдруг тишину нарушила первая команда на пуск:

— Дренаж!

Она, как раскаты грома, разнеслась из десятков громкоговорителей.

Ракета и оборудование площадки начали оживать: специальные устройства выбросили из своих гнезд штекеры кабелей, по которым до этой секунды велось управление приборами ракеты-носителя (далее вся бортовая аппаратура работала автоматически по заранее заложенной программе), мачта отвела их на безопасное расстояние.

Еще несколько команд. И, наконец, долгожданная:

— Пуск!

— Есть пуск! — услышал я в наушниках ответ главного оператора.

Одновременно из камер сгорания вырвался сноп ослепительно яркого пламени, сопровождаемый клубами черного дыма. Еще мгновение — и до нас донесся гул. С каждой секундой он нарастал. Ракета, на три четверти окутанная клубами дыма, пронизанного языками пламени, еще несколько секунд стояла на пусковом устройстве. Казалось, она сгорит сейчас, так и не поднявшись.

Но двигатели набрали тягу, и ракета медленно, словно нехотя, начала свой разбег. Подъем ее трудно описать. Видно было, как отошли фермы, страховавшие ракету, и наконец она сама вышла из бушующего урагана. Гул двигателей на сотни метров вокруг сотрясал воздух и землю. Ракета все дальше и дальше уходила ввысь, унося драгоценный груз — первый советский спутник.

А затем из репродуктора донеслось:

— Отделение спутника прошло нормально. Спутник вышел на орбиту.

На пункте управления — аплодисменты, крики «Ура!».

Вскоре на площадку прибыли С. П. Королев, ученые, инженеры. И снова поздравления, рукопожатия, объятия.

Когда на площадке собрались все участники пуска, к ним обратился Сергей Павлович.

— Дорогие товарищи! — начал он взволнованно. — Сегодня свершилось то, о чем мечтали лучшие умы человечества. Пророческие слова Константина Эдуардовича Циолковского сбылись. Сегодня на околоземную орбиту выведен первый в мире искусственный спутник. С выводом его начался штурм космоса. И первой страной, проложившей дорогу в космическое пространство, явилась наша страна — Страна Советов!

Разрешите мне поздравить всех вас с этим историческим событием. Разрешите особо поблагодарить всех младших специалистов, техников, инженеров, конструкторов, принимавших участие в подготовке ракеты-носителя и спутника за их титанический труд. Еще раз большое вам русское спасибо!

Последние его слова потонули в буре аплодисментов.

А вскоре вся планета, прослушав сообщение ТАСС, настраивалась на «Бип-бип-бип...» — первого в мире спутника Земли.

А мы? Мы уже мечтали о новых стартах.

[Печатается с сокращениями, полностью будет опубликовано в журнале «Авиация и космонавтика».]

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ УЧИТЕЛЯ

Этот снимок сделан в прошлый понедельник в 230-й московской школе. Урок вела Ирина Николаевна Колоколina.

Фото Л. Шерстенинова.

ОТКРЫВАЮЩИЙ

МИР

Учитель... Он был у каждого. В городе, в деревне, в партизанской землянке, в юрте. Он приходил — и мы вдруг постигали удивительное свойство букв складываться в слова: «Мы не рабы... Рабы не мы». Он вводил нас в далекие страны, делал нас зорче, умнее и сильнее. Он открывал нам мир, громадный и сложный.

Учитель... Он был у каждого, потому что сейчас Советский Союз, по существу, стал страной сплошной грамотности. Когда-то, сравнительно не так давно, три четверти населения дореволюционной России было неграмотно, четверо из пяти ребятишек не могли ходить в школу. Слово «учитель» было для них и загадкой, и тайной, и мечтой. Людей, носивших этот «загадочный» титул, немного было в старой России.

Сейчас в нашей стране более двух с половиной миллионов учителей. Сегодня их поздравляют соросом во всем с лихим миллионами учеников. Поклон вам, люди, открывающие мир! Многомиллионное вам спасибо!

Машинный зал Братской ГЭС.

Фото А. Гостева

БРАТСКИЙ ПОДАРОК

В прошлое воскресенье строители Братской ГЭС передали энергетикам символический ключ от уникального гидротехнического сооружения. Самая крупная в мире гидроэлектростанция сдана в промышленную эксплуатацию!

Выступивший на митинге, посвященном этому событию, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко от имени ЦК КПСС и Советского правительства горячо поздравил строителей с выдающейся победой и огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Братской ГЭС имени 50-летия Великого Октября.

С радостным волнением выслушали участники митинга приветствие Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР строителям, монтажникам, эксплуатационникам — всем, кто принимал участие в сооружении Братской ГЭС.

ЦК КПСС принял решение соорудить в Братске памятный обелиск в честь строителей гидроэлектростанции.

Гигант на Ангаре — отличный подарок строителей к юбилею Октября.

Торжественный момент. А. П. Кириленко разрезает алую ленточку.

ПЕВЕЦ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Трудящиеся Армении широко отмечают семидесятилетие со дня рождения своего выдающегося соотечественника, талантливейшего армянского поэта Егише Чаренца. На празднование юбилея певца Октябрьской революции сюда прибыла делегация Союза писателей СССР, представители литератур братских республик, литераторы Венгрии, Польши, Болгарии, Франции, Алжира, зарубежные армянские писатели.

* * *

В стихотворении Егише Чаренца «Эпическое утро» мы читаем такие строки:

Хорошо подняться рано
И глядеть, как над трубой,
Разрывая мглу тумана,
Дым струится голубой.
Знать, что ждет тебя

забота,
Путь, и тяжен и далек,—
У меня идти охота
По труднейшей из дорог.

Строки эти могут быть поставлены эпиграфом и к жизни и к творчеству поэта.

Егише Чаренц родился в 1897 году в городе Карсе. Он поднялся рано, «до звезды», он прошел по жизни и поэзии трудными и трагическими путями, и он создал немеркнущие ценности, входящие в золотую сокровищницу армянской, всеобщей и всемирной культуры.

Мир был накануне крутых переделов, но до поры до времени еще царил гнет и мрак. Кроме прямых врагов, эксплуатации, войны, у народа были еще незримые

враги: собственническая психология, мещанские нравы, узколюбый, разъединяющий национализм. Впоследствии Егише Чаренц заклеймил этих врагов в своем блистательном сатирическом романе «Страна Наири».

Молодой поэт не впадал в отчаяние. Он видел смутную еще полоску света, восходящую над горными кручами зарю.

Свет залил мир в Октябре 1917 года. Егише Чаренц вступает добровольцем в Красную Армию, становится коммунистом. Он нашел верный путь для своих песен, он формулирует завет и для себя, и для своих современников, и для всех будущих поэтов:

...дыханьем времени ты
будь!

И каждым нервом
привяжись

К эпохе, к веку, к нашим
дням,

Люби всегда живую жизнь
И лире сам не изменяй!

В поэмах и лирических стихотворениях Егише Чаренц славит восставшие массы («Сомы», «Неистовые толпы»), их окрыленные надежды, их яростный напор, их бой и их победу.

Однако Егише Чаренц не стирает личность трудового восставшего человека в безликих множествах. Он умеет выделить в неисчислимых толпах и поденщика Погоса, и пахаря Сако, и товарища своего детства Липарита («История пахаря Сако», «Мой товарищ Липо»).

Егише Чаренц всем существом своим чувствует и передает в великолепных стихах традицию прошлых веков и в истории и в поэзии. В стихотворении «Гимн нашему великому мастеру» Чаренц обращается к своим предшественникам:

Внушите слову мощь и
покажите путь,
Ведущий к мастерству,
что дышит глубиной.
Хочу, как ученик, внимать
вам без конца,
И строки вырезать
сеченьем золотым,
И рифмы сдвигать, как
цепью, в два кольца,
Их, как алмаз, гранить
по правилам простым.

Егише Чаренц был учеником и Пушкина, и Туманяна, этого армянского Пушкина, и Генриха Гейне. Имя Пушкина Чаренц не раз вспоминает в своих стихах. Стоит привести его слова из дневниковой записи: «Больше всего я люблю читать Пушкина. Когда мне грустно

и, уставший, хочу вознаградить себя величайшим наслаждением, я закрываю двери своего дома, ложусь и начинаю читать Пушкина — любое его произведение».

Но Егише Чаренц прекрасно сознавал, что поэт не может просто подражать великим шедеврам прошлого, воплотившим в себе уже ушедшую жизнь. Новое время требует новых песен, революционная перестройка действительности требует не только нового содержания, но и соответствующих ей новых поэтических структур.

В цикле «Ars poetica» Чаренц называет как своих поэтических учителей не только художников, но еще Маркса и Ленина:

Привет вам, привет вам,
Ленин, Маркс,
И Шекспир, и Данте!
Прозрачней, светлей
Теките, часы!
Вдохновляйте вы нас,
Стучите, входите
в миллионы дверей...

Так, Егише Чаренц встречается с Маяковским, учится у него — и творит новые формы конгениально с ним. Как мастер, Чаренц знал, что материал, будь то железо, мрамор или слово, всегда противится творцу, что творец подчиняет себе материал во имя своей цели, во имя своего идеала.

Егише Чаренц был большой личностью, с определенным и трудным характером, с огненными страстями, но он никогда не был эгоцен-

триком. Он был певцом рабочего класса, трудового народа, он сознательно служил народу и считал себя его сердцем, его глашатаем, его призывным голосом. Он обращался к восставшему и побеждающему народу:

Сердце мое
подобно тебе!
Год за годом, за часом час
буду петь
о твоей судьбе!
Я — с тобой,
я всегда с тобой!
Я пою
славу твою.
Лучших песен на свете
нет!
Силен я
лишь твоей судьбой...

Егише Чаренц был мудрый поэт. Как поэт, он представлял себе будущее не в социально-политических категориях, а в образных видениях. Он знал, что век грозит еще опасностями, что может прийти на землю новый Атилла, который погонит железным посохом миллионы на гибель и истребление.

Безвременно и трагически ушел Егише Чаренц из наших рядов. Прошли годы, наследие его проверено временем. Наследие его бессмертно. Вместе с Александром Блоком и Владимиром Маяковским Егише Чаренц принадлежит к ярчайшим и талантливейшим певцам нашей великой революции, пятидесятилетие которой мы празднуем в эти дни.

В. КИРПОТИН

Многоязыкий мир поэзии

смыслу; странно, но иной раз мы их не видим или по-настоящему не ценим. Возможно, это происходит потому, что не всегда такие явления лежат на поверхности; возможно, потому, что у нас до многого не доходят руки, и порой мысль исследователя, ученого отстает от бурных событий революционной жизни.

Когда мы приступали к выработке планов изданий, посвященных славной годовщине, то подолгу искали путь к книгам, которые наиболее полно выражали бы жизнь народа, поистине сказочные перемены, происшедшие и происходящие в нашей стране. В таких поисках родилась книга, о которой пойдет здесь речь.

Издательство «Художественная литература» сдало в печать антологию под названием «Песня, ставшая книгой». В сборнике — творчество 313 поэтов, представителей 41 нации и национальности нашей Родины.

В чем главная особенность этой антологии и почему выпуск ее приурочен к великому 50-летию?

В сборник вошли поэтические произведения многих народов нашей страны, которые до Октября 1917 года не имели даже своей письменности. Факт этот поразительный; трудно найти еще более сильное доказательство того, какие глубочайшие преобразования происходят в идейной, художественно-творческой, культурной жизни советского народа. Буржуазное общество не знает и не может знать чего-либо подобного.

Нации и национальности, которые не имели письменности, в своем устном творчестве создавали и хранили настоящие шедевры искусства. Недавно в Улан-Уде Бурятское книжное издательство выпустило линогравюры художницы А. Сахаровской. Их тема — народный бурятский эпос «Гэсэр». Так зовут героя. Он умен, силен, бесстрашен. Эпос «Гэсэр» родился в далекие времена. Народ веками хранит все лучшее, что создано его гением.

Появление письменности народов означало великий поворот в культурном, духовном развитии — во всей их жизни. С одной стороны, эти народы приобщились к передовой культуре, науке. С другой стороны, впервые в истории их творчество вливалось и вливается в общую сокровищницу многонациональной советской культуры, без нее нельзя представить мировую культуру.

Вот подтверждение того поразительного факта, о котором было сказано выше, что порой некоторые явления нашей жизни мы не замечаем.

Пролетали столетия, сменялись тысячи поколений — жизнь шла в темноте, невежестве, безграмотности. Теперь даже страшно представить себе, как может человек быть неграмотным, как может он умственно, нравственно существовать в условиях темноты, отрезанный от великих достижений культуры, науки, искусства. А между тем так было и, к великому несчастью, так еще остается до сих пор во многих странах, находящихся под пятой империализма, продолжающих жизнь в оковах колониального гнета.

Вернемся к сборнику. Безусловно, выход его будет иметь принципиальное политическое и художественное значение. Книга покажет на конкретных примерах, что дала народам Советская власть. Книга несет в себе живое воплощение ленинской идеи дружбы народов, уважения больших и малых народов. Эта поэтическая книга представляется солнцем, лучи которого — тысячи строк поэзии, согревающей человека и зовущей его в дорогу, поиски, борьбу за народное счастье.

В ней представлены многочисленные образцы поэтического творчества. Вся она проникнута духом радости, оптимизма, яркого мироощущения, доброго отношения к человеку труда.

С глубокой любовью авторы стихотворений говорят о своей Родине-матери, каждый по-своему, с разными интонациями, богатым, различным по своему характеру образным языком. Ненцу так же дорог клочок его родной холодной земли, на которой он родился, как дорог клочок земли человеку, выросшему в Чувашии или Башкирии, на Кавказе или в республике Средней Азии.

На алтайском языке воспевает свой родной край Сазон Суразанов:

Перевал. Гляжу с его вершины
На цветущие вокруг долины...
До чего ж красив Алтай мой милый!
Не сдержат мне радости своей.
И кричу с горы я что есть силы:
Э-э-эээй!

Наши годы вновь заблестели,
Все пышней цветет родимый край.
Мы в горах хозяевами стали,
Э-э-эй, мой солнечный Алтай!

Кайсын Кулиев, стихи которого широко известны глубиной мысли, отточенностью и яркой образностью, по-патриотически страстно воспевает свою родную балкарскую землю.

В тебе тепло есть материнской груди
И запах трав родных тебе полей,
Вся свежесть роц в твоих словах
пребудет,
Как молоко балкарских матерей.

Вкус испеченного родимой хлеба
И взоров материнских теплота,
Тепло родного очага и неба,
Где майского рассвета чистота.

Лавины снежной грохот одинокий
И турий бег, отвесная скала,
Удар меча героя и далекий
Тот клекот ввысь летящего орла,

Звон родника, раскаты бури снова,
Звон солнца и вечерний мир полей,
И голос гнева в час беды суровой,
И воркованье нежных голубей.

В день горя ты, как посох, нам хорош,
В день радости ты, как зурна, поешь,
Родной язык, ты юности язык,
Родной язык, ты верности язык.

Характерная черта сборника — чувство огромной ответственности художника перед страной за свой труд, за то, чтобы жизнь не прошла бесплодно, без толку, чтобы жить в мире больших и светлых идей.

Салчан Тамба пишет на тувинском. В двенадцати поэтических строках он выразил свою программу, свое отношение к жизни:

Богатство мое — не в одежде,
Не в полном кармане денег,
Не в пыльном дворце, похожем
На торт или абжур.

Богатство мое — серп и молот
Со звездочкой пятиконечной,
Богатство мое — в работе,
Которой я не боюсь.

В моих ясноглазых детях,
В семье — большой и сердечной,
В простой чистоте и верности
Всех моих мыслей и чувств.

Юван Шесталов шлет свои стихи из Сибири. И он видит смысл своего творчества в битве за великие идеи, за правду трудового народа. Вот его стихотворение, написанное на языке манси:

Нет у меня ружья,
Нет у меня ножа,
Лук мой тугой потерян.
Стрел давно не точу:
Ни птицу, ни злого зверя
Я убивать не хочу.

Но заманется если
Кто-то на правду мою,
Срежу такого песней,
Словом его убью.

Прекрасно говорит о своей ответственности поэт Сайфи Кудаш из Башкирии:

Все сильнее плечи мне сгибают,
Что за ноша только, не пойму:
Торба добрых дел отягощает
Иль грехов я накопил суму?

Мне шагать труднее год от года,
Хорошо еще, спина крепка...
Может, уважения народа
Тяжесть оказалась велика?

Я в раздумье ныне целый вечер,
Что со мною, не возьму я в толк,
Может, это давит мне на плечи
Пред народом неоплатный долг?

Еще одна примечательная черта сборника — стремление найти философское обобщение, увести читателя в мир больших чувств и мыслей.

Вот с какими словами обращается тувинец Могуш Доржу к своему другу:

Жизнь — неисследованная гора:
Нет к ней торной тропы.
Счастье — река без мостов,
переправ,—
Нет тут легкой судьбы.

Гору не пробовал ты одолеть,
Не говори трудна,—
Смело взбирайся, себя не жалея,
Думай ночами без сна.

Если не плыл незнакомой рекой,
Не говори: бурна,—
Режь ее волны прямой рукой,
Чтобы сдалась она.

Стихи нанайца Акима Самара «Туча»:

Ты зачем же, туча,
Солнце затмевашь?
Ты зачем же, туча,
Месяц закрывашь?

Думаешь, без солнышка
Хватит нам тепла?
Думаешь, без месяца
Будет ночь светла?

Ты идешь в безмолвии,
За тобою гром,
Ты черна, а молнии
Влещут над бугром.

Туча, солнца ты не трогай,
Проходи своей дорогой:
Солнца не затмить!
Что ни думай,
Что ни делай,—
Месяц ясный,
Месяц
Будет нам светить!

С большой силой в сборнике звучат слова любви к партии и ее создателю. Иначе и не может быть, потому что именно партия, Ленин открыли народу путь к свету, новой жизни. Об этом написал свое публицистическое стихотворение тувинец Юрий Кюенгеш:

Песней славлю Октябрь,
День рождения нового мира!
Люди крылья растят,
Все могучее крылья, все шире.
Нам полет по плечу:
Наши крылья — любовь Ильича!

Здесь представляется случай сказать и о другом сборнике, который только что вышел в издательстве «Советский писатель». Это — поэзия в большевистских изданиях 1901—1917 годов. Уже летом 1902 года типография «Искры» публикует сборник «Песни революции»; книгу переправили нелегально и с помощью искровской агитурсы распространили по всей России.

Читатель узнает из сборника, что к оружию поэзии во имя пролетарской революции прибегали Г. Крижановский, В. Куйбышев, С. Киров, М. Фрунзе, С. Шаумян, А. Гастев, П. Лепешинский. Стихи рождались в камере тюрьмы, на пересыльном пункте, на этапе. Их записывали на клочках бумаги, обертках из-под чая, на обрывках газет.

Какая это высокая честь для поэзии!

И какая есть прямая духовная связь между двумя поэтическими сборниками! Они представляют веками большой дороги, которую прошли наша партия и народ.

Сборник «Песня, ставшая книгой» вызывает много размышлений. Например, исследователям, искусствоведам, литературоведам стоит еще глубже заняться изучением литературного творчества братских народов нашей страны и создать такие работы, которые помогли бы миллионам читателей глубже осознать все значение и все итоги колоссальной идейно-воспитательной работы, которую осуществляет Коммунистическая партия.

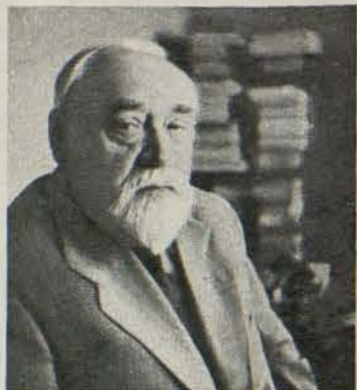
Нашим композиторам стоит чаще обращаться к поэзии братских народов для того, чтобы лучшие ее образцы получили музыкальное воплощение.

И, уж конечно, в поэтических ежегодниках, которые теперь издаются и во всеобщем и в республиканских масштабах, обязательно надо представлять значительно шире поэтическое творчество всех наций и национальностей нашей Родины.

В преддверии 50-летия Великого Октября нам особенно важно поведать итоги созидательной работы, осмыслить исторические свершения партии и народа. Это тем более необходимо, что опыт революционных преобразований в нашей стране имеет международное значение; только наши враги пытаются представить Октябрь 1917 года как явление чисто российское. Но эти попытки беспочвенны и антинаучны.

В жизни Советской страны есть явления замечательные по своему

КОММУНИСТЫ

Ф. Н. ПЕТРОВ,
Герой Социалистического Труда,
член КПСС с 1896 года

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Четыре года назад в редакции «Огонька» была интересная встреча. За круглым столом собрались ветераны партии и молодежь. Тогда не было выступлений и речей, шла общая беседа, затянувшаяся, помнится, она надолго и закончилась уже на улице у редакционного подъезда. Нам не хватило для разговора трех часов, и все были немного взволнованы — и мы, седые, много повидавшие на своем веку люди, и совсем еще юные, только-только вступающие в жизнь.

Сейчас уже трудно вспомнить все детали и подробности этой встречи, но в памяти очень живо чувство полнейшего взаимопонимания старых и молодых. Я не зря употребил слово «чувство». Дело не только в том, что молодежь интересовалась наши воспоминания, а нас — дела и заботы двадцатилетних собеседников. Это было, и это понятно. Взволновало другое: ощущение, очень острое ощущение родства мыслей, устремлений, взглядов людей двух поколений.

Далеко не всегда за всю мою долгую жизнь я вот так быстро находил общий язык даже со своими сверстниками. Наоборот, своеобразная полоса отчуждения отделяла меня от многих идейно мне чуждых. Те, многие, смотрели на меня враждебно, а я на них — с ненавистью. И объяснение такому неприятию друг друга — классовая борьба.

Хозяева заводов, где я работал, были чужды мне и моим друзьям рабочим. Два непримиримых лагеря, люди, стоящие по разную сторону баррикад. С одними я сражался и устно и врукопашную, другие были моей жизнью и моей совестью. Порою достаточно было одного слова, взгляда, намека — и ты узнавал друга и товарища.

Однажды во время пятнадцатиминутной прогулки во дворе Шлиссельбургской крепости где-то в начале 1913 года увидел я заключенного, которого не встречал прежде. Я сразу обратил на него внимание, потому что новичок явно не умел носить кандалы, они били его по ногам. Я к тому времени имел уже многолетнее «образование» в этой области и дал незнакомцу полезный для него совет. Разговор наш был короткий.

— Большевик? — спросил он.

— Большевик, — ответил я. — Петров.

— Ну, а я Орджоникидзе, он же Гусейнов, он же Серго, — ответил он, улыбаясь.

Следующий раз мы встретились как друзья и соратники. Г. К. Орджоникидзе рассказал о Пражской конференции, о работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Слово «большевик» было для нас и паролем в подпольной работе и мандатом на верность, на дружбу, на борьбу с угнетателями. За этим словом стояла когорта единомышленников, партия, Ленин, наши революционные идеалы, которым мы посвятили свою жизнь.

Все на свете имеет свою историю. Даже чувства, такие, о которых я говорю. Люди не могут жить одним разумом, они негодуют, радуются, питают к кому-то симпатии, а к кому-то нет. Когда-то — это было задолго до октября 1917 года — чувство родства мыслей и дел я мог разделить с немногими. В России только складывались марксистские кружки, куда мы собирались небольшими группами. Теперь у каждого коммуниста миллионы единомышленников и соратников во всем мире. Марксизм-ленинизм от небольших кружков шагнул к широкому коммунистическому движению, охватившему всю нашу планету.

Великая Октябрьская социалистическая революция — событие громадное, начало эпохи революционного обновления мира, историческая веха в развитии государств и народов, событие, вошедшее в жизнь сотен миллионов людей. Вошло это событие и в мою жизнь, вернее, вся жизнь отдана революции, ее суровые годы были и для меня суровыми, ее радости и победы ощущал и я.

Рабочим пареньком с киевского завода «Арсенал» пришел я в мар-

ксистский кружок. Азам политической грамоты меня учил токарь Мартынов, из его уст я впервые услышал про «Манифест Коммунистической партии», потом прочел эту маленькую книжку, давшую мне и силы, и уверенность, и цель жизни. Потом я сам руководил кружком и чувствовал, как растет и крепнет армия российского пролетариата, как положения «Манифеста», идеи Маркса и Ленина становятся вполне реальной силой, как крепнет наша партия и все больше рабочих становится под ее знамя, как растет ее авторитет в народе. Политика нашей партии, ее программа отвечали интересам всего трудового народа, и я чаще и чаще встречал единомышленников среди рабочих, крестьян и солдат. Слова «коммунист», «большевик» стали знаменем времени, и старый мир в Октябре 1917 года капитулировал перед партией Ленина, перед коммунистами, сплотившимися вокруг себя трудовой люд России.

Поэтому я не знаю более почетного и более ответственного звания на земле, чем коммунист, член партии, руководившей величайшей в истории революцией, которая стала крутым поворотом в судьбах мира. И если раньше слово «большевик» было паролем в подпольной работе и мандатом на борьбу с угнетателями, то сегодня слово «коммунист» стало символом самого светлого, самых лучших надежд и устремлений передовых людей всей Земли.

Не просто быть коммунистом, надо делами оправдать высокое звание члена партии, которая идет нехоженными тропами, руководит строительством первого в мире коммунистического общества. Партия, как кровь, питает все клеточки громадного организма нашей страны, она освещает светом ленинских идей труд и подвиг советского народа.

Я в свои девяносто с лишним лет чувствую себя сильным, как никогда, и молодым. Да, молодым, потому что коммунисты не могут быть стариками, ленинизм не знает старости. Когда я встречаюсь со своими двадцатилетними друзьями, то ощущаю в себе ту же потребность работать для революции, что и семьдесят лет назад при встречах со сверстниками — революционерами, соратниками по подпольной борьбе. Когда я сравниваю тех и других, то нахожу массу сходных черт характера. Время старит человека, но боец всегда остается борцом. Его лучшие черты — высокая принципиальность, самоотверженное служение народу, преданность идеалам коммунизма — передаются из поколения в поколение.

Сегодня редакция журнала «Огонек» познакомила меня с пятью рассказами о коммунистах, с судьбами пяти людей, которых я никогда не видел. В разное время стали они коммунистами, разные у них профессии, и далеко друг от друга они живут. Эти рассказы и напомнили мне встречу, которая состоялась в редакции четыре года назад, и заставили подумать о том, о чем я здесь написал. И снова пришло ко мне радостное чувство родства мыслей и взглядов с до сих пор незнакомыми людьми, пришло ощущение крепчайшей связи времен прошедших с настоящим и с будущим.

У великих событий, как и у великих рек, есть свои истоки. Великие события, двигаясь вперед, растут и ширятся. И их идеи нигде не останавливаются, не обрываются. Вечный поток, вечное развитие и вечное единство. Мечты революционеров прошлого живут в делах строителей коммунизма сегодня, эти дела — продолжение, развитие дел наших, начатых много десятилетий назад. Такова диалектика истории.

И вот перед вами пять судеб: рабочий — солдат революции, эстонская подпольщица, грузин — командир строительного батальона во время Отечественной войны, председатель белорусского колхоза и молодой инженер-москвич. Да, они очень похожи, эти разные люди. Чем?

Они коммунисты.

В. Буланкин. ОКТЯБРЬ.

Н. Горлов. ПОЭМА О РЕВОЛЮЦИИ.

ЭТО РАССКАЗ О СУДЬБАХ ПЯТЕРЫХ НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ, ОНИ НЕ ЗНАКОМЫ ДРУГ С ДРУГОМ И ЖИВУТ В РАЗНЫХ КОНЦАХ СТРАНЫ. НО БЫЛ В ИХ ЖИЗНИ ОДИН ДЕНЬ... С НЕГО МЫ И НАЧНЕМ НАШ РАССКАЗ.

А НАЧИНАЛОСЬ ТАК...

КОММУНИСТЫ

Год 1917-й

Павел СЕМЯЧКИН

Шел семнадцатый год. Тульского оружейника Павла Петровича Семячкина после ранения на фронте направили в 60-й запасный полк, расквартированный в Тамбове. Отсюда могли в любой момент отправить на фронт. В то время Павел Семячкин официально большевиком не был: заявление о приеме в партию не писал, тогда этого и не требовалось. Но на собраниях большевиков — а происходили они полулегально — бывал часто и вел самую обычную по тем временам партийную работу: распространял в войсках листовки, прокламации, воззвания, ходил агитатором по тамбовским деревням. И был в жизни Семячкина один, тот самый важный день. Как раз в октябре семнадцатого. Секретарь партийной ячейки Иванов вручил Павлу удостоверение. В нем говорилось, что он, солдат 60-го пехотного полка, принадлежит к РСДРП(б). Партийный билет он получил позже.

Год 1920-й

Ольга КЮННАПУ

Темный вечер, ставни закрыты, пусто на улицах, белая поэмка старательно замечает одинокие следы. В тихой комнате над книгой склонилась девочка. Через несколько минут в дверь осторожно войдет ответственный организатор подпольного ЦК Компартии Эстонии Мартин Ликеметс — он жил в ту зиму у них на конспиративной квартире — и скажет:

«Олль, сегодня мы приняли тебя в партию».

Ей было только семнадцать лет. Она не спросила, конечно, кто и где принимал ее в партию: она уже кое-что знала о конспирации. Ей и в голову не пришло спросить, кто рекомендовал ее или когда она получит партийный билет, — ничего этого тогда не было и быть не могло в том глубочайшем подполье, в котором находилась в декабре 1920 года Коммунистическая партия Эстонии. Просто с того вечера все, кому надо было, знали: дочь учителя большевика Антона Кюннапу, погибшего в гражданскую войну, стала коммунисткой и готова ко всем боям.

Год 1943-й

Ираклий ЦИЦИШВИЛИ

«Прошу считать меня коммунистом». На войне говорили именно так: «Прошу считать» — потому что через день, через час, через пять минут человека, пишущего эти строки на обрывке бумаги, могло не стать.

Прежде чем написать эти слова, он прошел трудный путь войны. Много видел, много пережил. В октябре 1941 года, когда минировал подступы к Москве; во время московского наступления, в лесах Старой Руссы и Новгорода, когда гатил непроходимые болота и мерз по пояс в ледяной воде. Он написал эти слова в марте 1943 года. Где-то между Орлом и Курском. Батальон под огнем врага строил оборонительное сооружение. Шли тяжелые позиционные бои. В свежоотрытом блиндаже, примостившись на каком-то ящике, он пишет: «Прошу считать меня коммунистом». И подписывается: «Капитан Цицишвили Ираклий Николаевич, рождения 1919 года, 17 декабря».

Год 1955-й

Владимир БЕДУЛЯ

Он родился в тот год, когда страна отмечала десятилетие Великой революции. Он стал солдатом в 1945-м. В мае, когда страна праздновала великую победу, ему исполнилось восемнадцать. Еще через десять лет наступил день, когда он на тетрадном листе написал: «Прошу принять меня в члены Коммунистической партии Советского Союза. Ее планы по строительству коммунизма — это и мои планы. Я готов отдать для претворения их в жизнь все свои силы».

2 марта 1955 года. В. Бедуля».

Год 1964-й

Юрий МАКЕЕВ

Нам запомнилась узкая спина молодого рабочего и лес поднятых рук, как бы символически подпирающих, поддерживающих, что ли, узкую эту спину. На самом деле ничего символического тут не было. Шло голосование. Слесаря-наладчика сборочного цеха Московского завода имени Орджоникидзе Юру Макеева единогласно приняли в партию.

Сразу же после голосования Макееву разрешили уйти: была важная лекция в институте. Юра учился на вечернем отделении. А собрание продолжалось. Мы были на этом собрании в декабре шестьдесят четвертого. И еще вернемся к нему...

Первый день пяти коммунистов... Таким сохранился он в памяти людей и в документах тех далеких и близких лет. Потом были другие дни и другие дела, трудные и радостные дни пяти коммунистов.

II

ПЕРВОЕ ПАРТИЙНОЕ ПОРУЧЕНИЕ ...

МЫ ПОПРОСИЛИ РАС-
СКАЗАТЬ ОБ ЭТОМ КАЖ-
ДОГО ИЗ ПЯТЕРЫХ. ОТВЕ-
ТЫ БЫЛИ ПРЕДЕЛЬНО КО-
РОТКИМИ, МЫ ПОСТАРА-
ЛИСЬ РАСКРЫТЬ ИХ.

П. П. Семячкин (третий справа) — политработник 11-й Петроградской дивизии. Снимок 1920 года.

ПАВЕЛ СЕМЯЧКИН:— РАЗВЕДКА

— Не трусишь, а? — спросил командир. — В самое логово бело-
гвардейцев посылаем. Смотри. Пой-
дете втроем: ты, Тетушкин и Ор-
лов. Ты за старшего. Ну как?

— Не сомневайтесь, — ответил
Семячкин и посмотрел на земляка
Тетушкина. — С таким и в пекло
не страшно. Вместе в губкоме пар-
тийные билеты получали. И Ор-
лов — парень что надо.

— Вот такое тебе задание, — го-
ворил командир. — Считай его пар-
тийным и революционным задан-
ием. Очень важным. Нам надо вы-
бить белых из Борисоглебска. И
как можно скорее. А сколько их
там? Где у них огневые точки?
Где заставы? На это ответите вы.
Инструкцию получите в штабе.
Желаю удачи.

В штабе назвали адрес явочной
квартиры, выдали штатскую одеж-
ду, валенки, шапки, полушубки.
Выехали на рассвете.

Ветрено. Морозно. Лошади рысью
мчатся по заснеженной степи. Ки-
лометров двадцать отмахали. Спе-
шились, подводу отпустили и пеш-
ком — к городу. Удастся ли пройти
заставу? Если задержат, смерти не
миновать. Шли молча, ежась от
колючего ветра. Кругом ни души.
И вдруг, как из-под земли, — всад-
ники, беляки.

— Стой! Стрелять будем! Про-
пуск!

— Господи! Братцы, какой там
пропуск? — запричитал Семячкин.

— У-у, темнота! — гаркнул уса-
тый дитина. — Откуда сами-то?

— Из Мучкапа, к родственникам
в Борисоглебск идем. На денек
только, вечером обратно домой.
Пропустите, служивый.

— Ну ладно, — сказал усач. — Ва-
ляйте.

По городу шли, точно знали его
с детства: вокзал, электростанция,
хлебопекарня... Но разведчиков ин-
тересовали, конечно, не пекарни,
а огневые точки. Бродили по ули-
цам, стремились ничего важного не
упустить из виду, прислушивались,
о чем гутарят солдаты.

Под вечер зашли на явочную
квартиру. Передали «привет». По-
говорили. Все проверили, уточни-
ли, получили дополнительные све-
дения. Партийное и революцион-
ное задание было выполнено.

Утром заохали орудия, загрохо-
тали по мостовой тачанки, с обна-
женными шашками проскакали
всадники. Красноармейцы ворва-
лись в город неожиданно, и к ве-
черу Борисоглебск перешел в руки
красных. Командир перед строем
благодарил Семячкина, Тетушкина
и Орлова за хорошую службу делу
революции, делу партии.

ОЛЬГА

КЮННАПУ:

— ПРОВОДНИК

— Если господа не дадут нам
возможности работать легально,
будем работать нелегально. Бур-
жуазия опять закрывает «Союз мо-
лодых пролетариев». Сегодня мы
организуем нелегальный Союз Ком-
мунистической молодежи Эсто-
нии. — Это говорит Яан Креукс,
член ЦК КПЭ, ответственный за ра-
боту с молодежью.

Немного, всего несколько чело-
век собралось тогда за городом в
лесу Люкати, словно бы погулять.
Шла теплая, неяркая, тревожная
весна 1921 года.

...Ольга и Яан ходят по узким
уличкам позади заводов и фабрик,
встречаются с рабочими, молодеж-
ными организаторами, с рабочими
старостами, передают нелегальную
литературу, советуют, учат.

Весной Ольга получила среднее
образование. Осенью она хочет про-
должать учиться. И она говорит
Яану: «Хочу уехать в Советскую
Россию — поступать в универси-
тет». Яан внимательно смотрит на
нее своими близорукими глазами
и отвечает: «Не забывай, Ольга,
что наш путь в Россию идет через
Русскую улицу».

Русская улица в Таллине — по-
эстонски Вене тэнав — называется
так давно, чуть ли не со времен
живших здесь новгородских куп-
цов. Но Яан имеет в виду вовсе не
название, а то, что на этой улице
находится следственная тюрьма.
Иногда удавалось обменивать по-
литзаключенных и переправлять
их в Советскую Россию. Такая,
значит, у нее перспектива.

— Было бы куда как просто, —
продолжает Яан, — всем нам уехать
к своим, учиться. А кто же здесь
будет вести работу?

У нее в то лето было первое и
далеко не безопасное партийное
поручение: всюду сопровождать
Яана Креукса. Дело в том, что он
был очень близорук и носил очки,
и очки эти фигурировали как при-
меты во многих документах охран-
ки. Ему пришлось изменить наруж-
ность и снять очки. А так как без
них он был все равно как без глаз,
то Ольге Кюннапу поручили во вре-
мя его выходов в город быть при
нем неотлучно. Сегодня — встреча
с несколькими рабочими староста-
ми, завтра — с активистами проф-
союза. Послезавтра — с комсомоль-

Ольга Кюннапу. Тюремная фото-
графия 30-х годов.

скими организаторами, а на сле-
дующий день — с распростране-
тиями нелегальной печати и под-
польными наборщиками. Словом,
Креукс вел кипучую деятельность.
Ольга ходила с ним целое лето,
каждый день из одного конца горо-
да в другой. Иногда натыкались на
сыщиков. Но Креукс так знал за-
водки, закоулки, сады и огороды
своего города, что неизменно
«стриживал» сыщиков, и назавтра
Яан и Ольга снова отправлялись
на очередную явку.

Ольга многому научилась в то
лето. Она видела из дня в день,
как жил этот удивительный чело-
век Яан Креукс, и она постепенно
становилась такой же, как он, и
все меньше оставалось мыслей о
себе. Позже она поняла: не столько
она нужна была Креуксу, сколько
его пример был нужен ей. В конце
лета она получила второе партий-
ное поручение — поступить в Тар-
туский университет и создать там
комсомольскую организацию. А
Креукс ездил осенью того года в
Москву — делегатом IV Конгресса
Коминтерна. Вернувшись, он про-
должал работать еще более дерзко
и неутомимо. После ареста и убий-
ства Кингисеппа в мае 1922 года
охранка кинулась разыскивать
Креукса. Его выследили и убили
предательским выстрелом в спину
в мае 1923 года...

ИРАКЛИЙ ЦИЦИШВИЛИ:—МОСТ

Пять дней и пять ночей пролегли, как один миг, на одном дыхании, без капельки сна. Да о каком сне могла идти речь! Его нет и сейчас, хотя друзья насильно увели командира в лесную сторожку, где размещался штаб, уложили на топчан. Второй мост, казалось, уже не так сложно строить. Правда, он должен быть на 200 метров длинней, но Днепр здесь не так глубок. И батальон стал богаче: к нему придали для защиты зенитные и химические подразделения. Можно отбиваться, можно устраивать дымовые завесы. И можно хоть час поспать. Но сон не идет. Вспоминается первый мост.

...Левее и выше, в районе Лютеля, перешла Днепр горстка отчаянных людей, зацепилась за берег, вросла в него, всеми силами стараясь продержаться еще час, еще день. А здесь, в густом лесу между Днепром и Десной, сосредоточились наши войска, ожидая моста, чтобы ринуться к Киеву. И этот мост поручили строить ему, командиру отдельного инженерного батальона Ираклию Цицишвили. Всего несколько месяцев назад комбату вручили партийный билет, и мост — это было его первое особой важности партийное поручение.

— Шесть суток, капитан. Даем вам шесть суток! — звучал в ушах приказ.

За эти шесть суток надо было перебросить часть батальона на тот берег, организовать поставку свай и балок к реке, достать — нет, изготовить! — не менее семи тысяч железных скоб и, самое главное, построить под огнем противника настоящий, крепкий мост. Немыслимый срок!

— Не шесть суток, а пять, — решил комбат.

Конец октября. Ночь. Огромная, холодная река. Пронизывающий ветер. Не видно ни зги. Саперы сбросили с себя одежду: все равно негде обсушиться, так уж лучше нагишом. Один седлает сваю, двое других подтягивают ее канатами. Монрое, скользкое бревно. Оно качается из стороны в сторону. Человек бьет по свае кувалдой, вбивая ее в речное дно. Сильное течение выталкивает сваю из воды, опрокидывает вместе с человеком. Канаты! Натянуть канаты! Снова сапер взбирается на сваю. Выдерживать такое долго не может никто. Команды меняются через каждые 30 минут.

Ночью темно, холодно, жутко. Днеп было бы легче, но сверху «мессеры» поливают огнем. Впрочем, строить надо и ночью и днем. Саперы и раньше не раз показывали свое полное презрение к смерти, но то, что делали они у Днепра, не походило ни на что. И комбат был все время с ними, на реке.

Герой Советского Союза Ираклий Цицишвили. Снимок военных лет.

На пятые сутки саперы капитана Цицишвили забили последнюю сваю моста, проложили последнюю доску настила. Над Днепром сомкнулась лента длиной в 550 метров.

К переправе прибыло командование. Предстоял последний, заключительный аккорд — испытание моста. Начальник инженерных войск армии сел в лодку с комбатом. Такова была традиция: вместе с мостом или пан или пропал. Они вышли на середину реки, подплыли под мост, привязали лодку к свае, опустили весла и принялись ждать. С берега послышался шум моторов. Заухали, затрещали, застонали балки. Гусеницы двух тяжелых танков медленно поползли по настилу, приближаясь к середине. Мост задрожал. Сваи глубже ушли в речное дно. А что если оседет? Нет, не должен. Темный Днепр сердито плескался у бревен. Прошел первый танк. Вот и второй на том берегу... Все. Мост готов.

Комбат сдает переправу новому хозяину — коменданту. Теперь надо строить другой мост. С ним тоже нельзя медлить. Комбат еще не знает, что именно сегодня, 30 октября 1943 года, опубликован Указ о присвоении ему, Ираклию Николаевичу Цицишвили, недавнему тбилисскому студенту, совсем молодому коммунисту, звания Героя Советского Союза.

— Это все хорошо, но только боюсь, медвежьей услугу сделаем мы Макаеву такими похвалами. Надо бы о другом подумать. Дать ему партийное поручение вот прямо сейчас, на собрании. Пусть, скажем, доклад о международном положении сделает.

Но тут в застекленной галерее, повисшей ласточкиным гнездом над сборочным цехом, поднялся неимоверный шум. Все рвались возразить. Все кричали, что, дескать, надо совесть иметь: парень работает и учится, да еще семья у него, да еще и живет он у черта на куличиках. А партийное поручение пусть будет такое: чтоб хорошо закончил институт.

Тогда взял слово начальник цеха Николай Сергеевич Чикирев. — Правда, я вам, наверное, поднадоел сегодня, ведь докладчиком был, — начал он, — а все-таки, по моему, неправы те, кто выступает против партийного поручения Макаеву. Да, Макаев учится, да, мы все хотим, чтобы он хорошо закончил институт, а партийное поручение, думаю, не помешает ему, напротив, поможет и при защите ди-

ше было мутно: собрание получилось нескладное, бестолковое. Голосовали несколько раз, сбивчиво и сумбурно.

— Как думаешь, почему? — спросил Владимир. — Почему не хотели отпустить прежнего «зама»?

Николай наматывал длинную соломинку на палец, молчал. Потом кивнул в темноту: «Слушай!» Где-то предательски громко скрипела телега, а с другой стороны, приглушив мотор, крался грузовик.

— Колхозное добро тащат... — Николай со злостью разорвал соломину. — Вот тебе и ответ: почему некоторые не хотят, чтоб уходили «пред» и «зам».

Назавтра Бедуля рассказал обо всем, что узнал и увидел, в райкоме партии.

— Не подумайте, что я подсиживаю председателя... Пришлите комиссию. Пусть проверит. И вам надо все знать и мне.

В райкоме ответили, что разберутся.

На следующее утро председатель пошел на заместителя в атаку. Бедуля приехал на бригадный двор. Колхозники уже собирались на наряд. Появился председатель. Издали, чтоб все слышали, крикнул Владимиру:

— Слезай с коня и убирайся вон отсюда! Ты незаконный...

Бедуля усмехнулся. — Зачем же вы так? Какой же я незаконный? Отец мой, Леонтий Каллистратович, венчался с Анной Варфоломеевной — моей матерью. Все у них получилось по закону... Так что напрасно...

— Я не родителей твоих имею в виду, — взорвался председатель, не поняв шутки. — Тебя избрали с нарушением...

Кто-то из стоявших около конюшни хмыкнул: «Спентакль!»

А Бедуля еще спокойнее: — Зря шумите. Избрали меня правильно. А если собрание шиворот-навыворот вышло, чего же вы там молчали? Не вы ли тон на нем задали? А вон я отсюда просто так не пойду. Только, если собрание постановит.

И вскоре действительно состоя-

Председатель колхоза В. Л. Бедуля.

лось собрание — сместило председателя. Но и Бедуля оставался там недолго. Его избрали председателем другого колхоза — «Советская Белоруссия». Собрание единогласно проголосовало «за».

...Новый председатель склонился над бумагами и уже в который раз машинально обводил пером несколько выписанных на листке цифр. Показатели! Зерновых — 5,9 центнера с гектара; надой — по 905 килограммов в год от коровы, а на 100 га — по 42 центнера; доход — 140 тысяч. Вот тебе бухгалтерия... Поле деятельности широкое. Второе партийное задание коммуниста Бедули. Трудное задание. Но уже есть и знания и опыт. Хорошо, что первое партийное поручение не было легким.

ЮРИЙ МАКЕЕВ:—ДВЕ ЛИНИИ

Партийное собрание в сборочном цехе завода имени Орджоникидзе продолжалось. Юра Макаев, только что принятый кандидатом в члены партии, убежал на лекцию в институт, но разговор о нем не закончился. Кто-то вспомнил, как он мальчишкой поступил слесарем в этот же цех, затем призвали его в Советскую Армию. Отслужил. И прямо как был, в шинели, прибежал вновь к заводским своим товарищам. Хвалили его за то, что учится, хвалили за сиромотность. А потом поднялся один человек и сказал:

— Это все хорошо, но только боюсь, медвежьей услугу сделаем мы Макаеву такими похвалами. Надо бы о другом подумать. Дать ему партийное поручение вот прямо сейчас, на собрании. Пусть, скажем, доклад о международном положении сделает.

Но тут в застекленной галерее, повисшей ласточкиным гнездом над сборочным цехом, поднялся неимоверный шум. Все рвались возразить. Все кричали, что, дескать, надо совесть иметь: парень работает и учится, да еще семья у него, да еще и живет он у черта на куличиках. А партийное поручение пусть будет такое: чтоб хорошо закончил институт.

Тогда взял слово начальник цеха Николай Сергеевич Чикирев. — Правда, я вам, наверное, поднадоел сегодня, ведь докладчиком был, — начал он, — а все-таки, по моему, неправы те, кто выступает против партийного поручения Макаеву. Да, Макаев учится, да, мы все хотим, чтобы он хорошо закончил институт, а партийное поручение, думаю, не помешает ему, напротив, поможет и при защите ди-

плома и когда он вернется к нам, но уже на новую должность. Собственно говоря, мне бы хотелось с вами посоветоваться, товарищи коммунисты. Есть в цехе у нас вакансия ведущего инженера. Макаев институт закончит через год, через год также закончится и его кандидатский стаж, так вот я бы предложил эту должность Макаеву сейчас, сразу после партийного собрания.

И тут Чикирев показал глазами на цех, заставленный до отказа несданными заказчиком автоматическими линиями, агрегатными станками, различным оборудованием.

— На дворе декабрь, но кто из нас рискнет сказать, что вся эта продукция уйдет из цеха до наступления нового года? Никто. Это особенно стало ясно после нашего сегодняшнего партийного собрания. Мы ведь и собрались по этой вот причине, что сильно задолжали и заводу и заказчикам, всей стране. Что могут сделать коммунисты? Лишь одно: больше и лучше работать. Но мы и так, по секрету сказать, иногда сутками не выходим отсюда. Самым узким местом у нас следует считать две автоматические линии. Так вот я бы, например, без зазрения совести поставил на этот участок ведущим инженером Макаева. Лучшего партийного поручения для такого парня не сыскать.

Предложение действительно было необычное. Еще ни разу подобных партийных поручений цеховая организация никому не давала.

Юра Макаев выполнил поручение коммунистов: помог быстро сдать важный заказ.

ВЛАДИМИР БЕДУЛЯ:—КОЛХОЗ

Первое большое партийное поручение Владимир Бедуля выбрал себе сам. Помните, заявление о приеме в партию он написал в марте 1955 года. А через два месяца подал еще одно заявление. На этот раз в обком партии. Просил направить его в числе тридцатитысячников в отстающий колхоз.

Его пригласили в обком. Побеседовали, обещали рекомендовать, предупредив, однако, что, возможно, не сразу председателем, поскольку он еще молод и опытом,

считай, не вооружен. Но Бедуля и не претендовал на председательское место, понимал, что практика армейского комсомола и навыки секретаря горкома комсомола в Бресте — еще не основа.

Собрание в колхозе имени Дзержинского, на котором его избрали заместителем председателя правления, кончилось поздно. Но Владимир чувствовал, что скоро не уснет, и пошел с колхозным комсоргом Колей Кречко побродить, подышать свежим воздухом. На ду-

У ЧАС ИСПЫТАНИЙ

ВРЕМЯ, КОГДА ПРОВЕ-
РЯЕТСЯ ТВОЯ ПРИНЦИ-
ПИАЛЬНОСТЬ, КОММУ-
НИСТ... ВРЕМЯ ТРУДНЫХ РЕ-
ШЕНИЙ... ЧАС ПРОВЕРКИ
ТВОИХ УБЕЖДЕНИЙ.

КАКИМ ОН БЫЛ У ВАС,
ПЯТЕРО НАШИХ ДРУЗЕЙ?

ПАВЕЛ СЕМЯЧКИН: — БОРЬБА ЗА ВСТРЕЧНЫЙ.

Однажды на ленинградский Металлический завод приехал Сергей Миронович Киров. Заглянув в цеха, поговорил с рабочими. Очень это была полезная и волнующая встреча.

В тот же день секретарь парткома завода Павел Петрович Семячкин спросил у заводского комсорга Алексея Иванова:

— У тебя какие планы на вечер?

— Да никаких.
— Пойдем погуляем. Белую ночь посмотрим.

...Пустынный Невский. Безлюдные набережные. И двое горячо спорящих. О чем? О встречном промфинплане. О том самом встречном, о котором позже заговорит вся страна и о котором будет создан знаменитый фильм.

Ни Семячкин, ни Иванов ни капельки не сомневались в реальности этого плана, хотя многим он казался совершеннейшей утопией. Шутка ли? Завод выпускал в год паровых турбин общей мощностью 140—160 тысяч киловатт, а «встречники» говорят: можно 800 тысяч! Той белой ночью партгор и комсорг думали о том, как сломить сопротивление людей, мешавших рождению нового плана. Старые специалисты ершились, перекладывали заказы на крупные турбины зарубежным фирмам, завод специализировали на мелких машинах, загружали изделиями, не имеющими никакого отношения к основному профилю предприятия. Встречный промфинплан вносил техническую революцию в отечественное турбостроение: ударные темпы производства, избавление от иностранной зависимости, создание турбин своей, советской конструкции, воспитание инженерных кадров на базе втуза.

Утром у себя в кабинете Семячкин еще раз перечитал записку о новом плане, составленную инженерами, мастерами, рабочими. Конечно, он доставит много хлопот, и не потому ли некоторые специалисты так сопротивляются, не признают его. Размышления прервал звонок. Из проходной сообщали: на завод приехали Орджоникидзе и Киров. Семячкин взял со стола записку, положил в карман. Гости шли вдоль турбинного цеха вместе с управляющим «Маштреста» Михайловым-Ивановым и директором завода Пенкиным. Семячкин подошел, представился.

— Это тот самый секретарь, о котором я тебе говорил,— обращаясь к Серго, сказал Сергей Миронович.

— Михайлов хвастается, что завод к шестнадцатому съезду партии даст стране первую турбину — двадцать четыре тысячи киловатт. Это так? — спросил Орджоникидзе.

— Мы не только такие можем

делать, но и более мощные — пятьдесят тысяч киловатт, если только спецы из «Маштреста» будут правильно планировать производство, — ответил Семячкин.

— Фантазия секретаря, — резко оборвал Михайлов.

— Вот наш встречный. — Семячкин вытащил из кармана записку. — Послушайте, что говорят заводские специалисты.

И стал читать вслух. Все оставились.

— Почему же фантазия? — удивился Серго, взял записку и положил в боковой карман своей длинной шинели. — Не будем здесь спорить, потом разберемся.

Орджоникидзе разобрался. С трибуны XVI съезда партии он подробно рассказал о записке секретаря парткома Металлического завода. В Кремле, на съезде, выступил и П. П. Семячкин.

...Целую неделю комиссия парткома собирала предложения, обобщала, подсчитывала. Все расчеты повезли в «Маштрест». Там полистали, посоветовались и сказали: «Филькина грамота».

Созвали техническую конференцию. Пригласили и специалистов треста. Опять убеждали и доказывали.

— На поддержку других заводов не рассчитывайте, — сказал управляющий.

— Но это же все равно, что отвергнуть весь встречный. Без помощи других, без кооперации с предприятиями встречный не реален!

Опять целый день совещались. Сопротивление не сломали. Семячкин созвал партком. Решили послать делегатов прямо на заводы, попросить рабочих найти нужные станки, помочь всем, чем могут. На «Большевик» нашли станки для обработки крупных заготовок, они проставили без дела с 1917 года. Обещали помочь неские сталевары, металлурги Таганрога и Мариуполя.

По настоянию коммунистов собрался технический совет «Маштреста». Снова спорили до петухов, и снова специалисты не признали встречный. Но партком металлистов не сдавался. Он летел авторитетную комиссию в Москву, в президиум ВСНХ. Возглавляет комиссию вчерашний рабочий, предзавкома Степан Кайрук. В ВСНХ очень внимательно рассмотрели план, изучили цифры, расчеты, удивились высокой эконоимической грамотности. Но... Но специалисты «Маштреста» вновь сказали свое категорическое «нет». И опять часы и часы жарких споров. Окончательного решения, однако, в тот вечер не приняли; но чувствовалось, что победа как никогда близка. И в самом деле, вскоре заводская газета сообщила: «Упрямство сломлено! Инициатива ЛМЗ подержана! ВСНХ утвердил встречный».

Наступили горячие дни. Где возникали трудности, туда на помощь спешили коммунисты. Семячкин всюду успевал. Словно его стоптанные, старые ботинки были новой моделью сапог-скороходов. Никто не знал, где его можно найти. Но если где-то случалась какая-то заминка, он был тут как тут. Советовал, обещал помощь, и каждый был уверен, что так и будет.

Как раз в разгар этих событий,

когда создавалась первая паровая турбина в 50 тысяч киловатт, на заводе появились Эрмлер и Юткевич. Они начинали работать над фильмом «Встречный».

На всю страну прогремели творцы встречного плана, высокое признание заслужили и те, кто создал правдивый фильм о подвиге турбостроителей.

ОЛЬГА КЮННАПУ: — «ИНТЕРНАЦИОНАЛ».

Конвойные с примкнутыми штыками ведут Ольгу по булыжной мостовой. Надзиратель толкает ее ногой и отправляет в карцер за то, что она сорвала ромашку по дороге из тюрьмы в баню. Потом тысячу дней сидит она в темной одиночке с асфальтовым полом — два с половиной шага в длину и полтора в ширину. Тысячу дней не слышит человеческого голоса, и, когда попадает в общую камеру после трех лет одиночки, голос у нее словно заржавел и слова не подчиняются мыслям...

«Дни, как каменный груз...» — говорит она теперь о пятнадцати годах заключения в тюрьмах буржуазной Эстонии.

Следствие тянулось до ноября 1924 года, а в ноябре начался «Процесс 149», редкостный по своей несправедливости и необоснованности суд: никаких фактов подпольной деятельности подсудимых у следствия не было, буржуазия судила рабочих за легальную работу. Заседания происходили в зале Солдатского дома. Слева от судейского стола на длинных скамейках сидели 149 обвиняемых.

— Вставай! Суд идет!

— «Вставай, проклятьем заклейменный!» — словно гром, грянул «Интернационал». В нем билось напряжение всей прошлой, настоящей и будущей борьбы, и растерянный суд стоял, слушал его как вкопанный. Потом судьи опомнились и один за другим высочили из зала. Сто сорок девять допели «Интернационал» до конца. Суд не появлялся, стало понятно: бояться входить, бояться нового «Интернационала». Это была победа. Потом заключенных вывели во двор, заковали в кандалы, четыре часа держали под холодным ноябрьским дождем, а когда поодиночке снова ввели в зал, суд уже сидел на месте. Додумались! И с места в карьер суд начал зверствовать. Одиннадцать подсудимых из зала суда были отправлены в карцер. Яна Томпа вывели за то, что она отказалась признать себя «виновным» перед буржуазным судом. В дверях он воскликнул: «Да здравствует правительство рабочих и крестьян!» За это он был предан военно-полевому суду и расстрелян. Тридцать три подсудимых, в их числе и Ольга Кюннапу, были приговорены к пожизненной каторге.

Приговор не испугал их. Решения в камерах было единым: не трата попусту ни дня, учиться! Им не давали бумаги, отнимали книги,

запрещали читать. Они боролись за это право и учились так же одержимо, как раньше боролись. С утра до вечера в камерах они обучали друг друга всему: эстонской грамматике, четырем действиям арифметики, сложнейшим законам марксистской политэкономии, философии, русскому, английскому, французскому языкам. Есть теперь среди тех, кто выжил, доктор наук, государственные деятели, с широтой и точностью научного предвидения строящие свою республику. Выжила, все выдержала, дождалась воли и Ольга Кюннапу.

Когда мы спросили Ольгу, какое событие глубже всего врезалось в память, она и рассказала об «Интернационале», спетом в первый день суда.

ИРАКЛИЙ ЦИЦИШВИЛИ: — ПОБЕДИТЬ СЕБЯ.

Это было вскоре после войны. Как-то летом он поехал в экспедицию археологов и вдруг почувствовал, что это и есть она, его любовь, и страсть, и счастье, и смысл всей его жизни: археология.

Но в городе было второе и тоже нечуждое ему дело, к которому он вернулся сразу же после войны, первого сентября, по звонку. В городе был Политехнический институт, кафедра архитектуры, и он там работал. И вдруг еще одно — то ли увлечение, то ли профессия. Скорее и то и другое. И две должности. И он уже многого достиг, многое нашел и написал, работая в Институте истории Академии наук республики. Уже была защищена диссертация на степень доктора искусствоведения, И. Н. Цицишвили заведовал кафедрой архитектуры. Но настал день, пришлось оглянуться, пришлось положить на весы тысячи всяких раздумий и выбрать: или она, его страсть, археология, открытия, находки, академическая ученость, кабинетная тишина — или институт, кафедра, учебные планы и штатные расписания, споры и огорчения, радость за молодых друзей.

Надо было выбирать, посвятить себя чему-то одному. Идти туда, где он нужнее, — так требовал долг коммуниста. Он-то знал, где будет покой и где мятежность, понимал: настоящая работа со студентами требовала куда больше сил. Вправе ли он уходить от них, бежать туда, где легче будет ему? На фронте все было проще, там был враг его отечества, и Цицишвили готов был отдать жизнь для победы. Теперь опять сражение. На этот раз с самим собой. Быть может, это самое трудное — суметь победить себя.

Семь лет назад Ираклий Николаевич пришел в академию и по-

просил учинить расчет. А на кафедре в Политехническом институте в том же учебном году появилось бюро экспериментального проектирования. В бюро засели молодые ассистенты и студенты старших курсов. Для начала они выпросили у какой-то организации задание — сделать проект сельской школы-интерната. Работа понравилась. Они создавали учась и учились создавая. Молодость рвалась из старых архитектурных канонов.

Прошло несколько лет. Из бюро вышел проект памятника защитникам Кавказа, погибшим на Марухском перевале, проект Алазанской оросительной системы, высотные дома, заводы, наконец, современная дислокация торговой сети в столице Грузии. Сейчас получен заказ на проект застройки большой горной террасы в Тбилиси. Заказам нет конца.

И он, который все это заварил, живет и радуется радостями своих учеников. Вот их плоды. Новый двухэтажный мост через Куру, Дворец бракосочетаний. Его студенты — участники международных конкурсов. На Московском международном — диплом первой степени за планировку села в Сванетии у Вахтанга Давитая. На последнем, Пражском, признан выдающейся работой проект поселка, выполненный студентом Георгием Мурманишвили. Все это очень не просто: жизнь состоит не из одних только праздников. Есть и будни, нервозность, суета сует. И есть большое чувство удовлетворения и радости.

ВЛАДИМИР БЕДУЛЯ: — БЫЛА ОДНА КОЛЛИЗИЯ..

Бедуля и Трофимов сидели на пленуме райкома врозь. Председатель колхоза — в президиуме, а бригадир механизаторов — в зале. Но глазами они все время разговаривали друг с другом. Бедуля знал, что Сергея Егоровича волнует сейчас то же самое, что и его: дело идет к тому, что крепко достанется колхозной парторганизации на пленуме, а председателя наверняка проработать будут. А досадно. Были бы тяжкие грехи, серьезные ошибки. Так нет...

На трибуну вышел очередной оратор — председатель не очень крепкого колхоза, зато крупный специалист по части обличительных речей. Пустив длинную очередь трескучих фраз, он повернулся к президиуму и кивком головы показал на Бедулю:

— Вон сидит в президиуме председатель колхоза «Советская Белоруссия», член бюро. Партийно ли его поведение? На словах он за то, чтоб выполнять постановление о покупке колхозами элитарной техники, а сам покупать не хочет. Куда приведут такие коммунисты районную парторганизацию? Не смехивает ли, товарищи, подобный коммунист на тех, кто в свое время распылился: мы за Советскую власть, только без большевиков!

Бедуля вздрогнул. Поглядел на Трофимова. Ему показало, что в глазах бригадира слезы. Оба они ждали удара. Но не такового открыто демагогического.

...Когда вышло постановление о продаже техники колхозам, в колхозе «Советская Белоруссия» собрались коммунисты. Все обсудили, взвесили, и председатель высказал в районе общую точку зрения:

— Мы покупать повременим. Не потому, что против постановления: механизаторов в колхозе мало. Те, что работали в МТС, в основном из дальних деревень. Они теперь разъедутся по домам. Кого мы на машины посадим? А вернутся наши из других хозяйств, с учебы скоро подъедут, тогда сразу технику и купим... А взять и держать на приколе — ни нам, ни государству не выгодно.

Бедуля был убежден, что рассуждает с точки зрения экономической правильно. Однако он знал и другое. В жизни как складывается? Появляется постановление. Одобрят его одноклассники, а выполнят стремятся по-разному. Одни — с толком, другие — слепо. Те, что слепо, не разобравшись толком, начинают давить. Давят, чтоб побыстрее доложить «наверх». А каково председателю? Ведь в конечном счете все и «ауннется» и «откли-

Инженеры Елена Рыбакова, Юрий Makeев и начальник цеха Николай Сергеевич Чикирев. Снимок 1967 года.

Фото Б. Кузьмина.

кнется» на поле, на ферме... И что не так — первый спрос с него да с правления.

Владимир Леонтьевич долго втолковывал в районных инстанциях, что колхозный актив вовсе не намерен идти наперекор решению правительства. Приводил примеры заметного подъема хозяйства. Однако... «Не смехивает ли, товарищи, подобный коммунист...»

И пошли в ход сравнения. Да какие! Того и гляди скажут: «Кладика, Бедуля, партбилет, не наш ты человек...»

Но он все же продолжал отстаивать свою правоту. К счастью, среди районных руководителей были люди, понимавшие, что истинная партийность вовсе не в умении бежать наперегонки с директивой. Эти люди поддерживали Бедулю.

Подошло время, и колхоз купил технику. Машины не «пригнали», как пригоняли в иные хозяйства. Был митинг. Комбайны и тракторы торжественно прошли перед колхозниками.

Вот такая произошла коллизия.

ЮРИЙ MAKEEV: — НЕИНТЕРЕСНЫЙ СЛУЧАЙ

Опять Московский станкостроительный завод имени Орджоникидзе. Мы еще не успели спросить о Makeеве, как вдруг случайно услышали телефонный разговор:

— Да брось ты шутить. Не может того быть, чтобы один и тот же человек сдавал станки и сам же их принимал... Makeев... Ма-

кеев... Ну, тут, знаешь, случай особый...

Когда говоривший положил трубку на рычажок, мы спросили, не о Юре ли Makeеве шла речь.

— О нем самом. Послушали бы, что Чикирев о нем рассказывает. Мы пошли к Чикиреву.

— Да ничего тут удивительного нет, — затянувшись дымом от сигареты, начал начальник цеха. — Уфимскому заводу по специальному заданию мы должны были сдать комплекс агрегатных станков для обработки блока мотора и головки нового «Москвича». Вы, возможно, знаете, как мы сдаем станки заказчику. После наладки прямо у нас же в цехе начинается выпуск той самой продукции, которая впоследствии станет серийной. Каждая деталь идет затем в лабораторию и тщательно проверяется. Предстояло сдать пятнадцать таких станков. А начальник участка, как на грех, ушел в отпуск. Кого, думаю, поставил вместо него? И решил предложить Makeева.

Заказчики приезжают всего на неделю, и за это время надо горы перевернуть. У Makeева было в распоряжении сорок слесарей-наладчиков. Уж не знаю, как он там распределял работу, но в скором времени станки были готовы к выполнению полного цикла. Начались испытания. Все шло хорошо. И вдруг задержка. Обычный инструмент, резцы, заготовки доставляют нам заказчики, а тут для некоторых станков не хватило режущего инструмента. Где-то застрял в пути.

Известно, какой придирчивый народ заказчики, но люди остаются людьми. Пока идет сдача готовой продукции, налаживаются хорошие или плохие отношения, воз-

никает доверие или недоверие. Так вот у Makeева, видимо, отношения были хорошие с уфимцами. Срок их командировки истек, и они сказали, что согласны принять станки без испытаний, что они уверены: никаких недоразумений не будет.

Что и говорить: для нашего брата сборщика ничего лучшего не придумаешь. Сразу освобождаются производственные площади, план выполняется досрочно, много других очень приятных последствий. Словом, сами понимаете... И вот является ко мне Makeев. Как всегда, был краток. Но, скажу вам, краткость на сей раз была особая.

— Очень прошу вас, Николай Сергеевич, не отправлять эти станки, оставить их до прихода инструмента и произвести полный цикл испытаний.

— А ты что, не уверен в них, в этих станках?

— Почему же не уверен? Все в полном порядке. А испытания все-таки произвести надо.

Тем временем уфимцы уехали домой. Инструмент действительно прибыл дней через пять, и Makeев начал испытания в отсутствие заказчика. Случай беспрецедентный. Был при этом Makeев куда придирчивей самых привередливых заказчиков. Видели его то в лаборатории с деталями, то в цехе. Не успокоился, пока не произвел полного испытания, не составил акт. Все действительно было в ажуре, но... Вы спросите, к чему я вспомнил именно эту подробность? Как пример коммунистического отношения к своему делу и, если хотите, будничной принципиальности коммуниста, государственного подхода.

Сам Makeев сказал нам так: «Не пишите об этом. Неинтересный случай».

День самый обычный,

Давно расстался с Металлическим заводом Павел Петрович Семякин. Но его помнят. И часто можно услышать от рабочих и инженеров рассказы о неугомонном коммунисте, секретаре парткома завода, герое популярного кинофильма «Встречный». ...Найти Павла Петровича было не так-то просто.

— Попытайтесь застать его дома. Правда, он собирается в Хибины, — сказали нам на заводе и дали адрес.

Мы долго бродили по дачному поселку и никак не смогли найти нужного дома. Выручила нас старая песня из кинофильма, звонкий девичий голос...

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река.
Кудрявая, что ж ты не рада
Веселому пеню гудка...

Мы пошли на голос и нашли того, кого искали.

— Дедушка! К тебе пришли! — крикнула девушка.

На веранду вышел небольшого роста, загорелый коренастый мужчина в резиновых сапогах и шляпе. Из-под широких бровей на нас смотрели молодые глаза.

— Собрался часок порыбачить. Завтра в Кировск еду, тридцать лет не был там...

В Кировске он был секретарем горкома партии. В Отечественную оборонял Ленинград. Да и сейчас его нелегко застать дома. То беседе-

во время которого никаких особых событий в жизни наших героев и никаких встреч, кроме встречи с нами, корреспондентами «Огонька», не произошло. Мы рассказываем об этом дне, о том, как живут пять коммунистов сегодня, об их делах и заботах самых будничных.

ет с вновь вступающим в партию, то где-то читает лекцию... Неугомонный он человек, Семякин.

Таллин. Машина остановилась у вокзала, элегантная женщина прошла на перрон, и вот она приветствует иностранную делегацию. Это Ольга Кюннапу-Лауристин, председатель женской секции республиканского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Потом она повезет гостей по республике, и ей легко будет рассказывать им об изменениях, происшедших в Эстонии за годы Советской власти. Обычно гости в первую очередь интересуются социальным обеспечением — тут она большой знаток: после войны Ольга была министром социального обеспечения. Тем, кто интересуется успехами эстонского кино, кинофикации, она подробно расскажет, когда в республике была открыта киностудия и выпущены первые фильмы, сколько построено новых кинотеатров и подготовлено киномехаников: она была министром кинематографии. О коллективизации и развитии сельского хозяйства она тоже расскажет со знанием дела: все послевоенные годы Ольга Кюннапу-Лауристин постоянно бывала в деревне уполномоченным ЦК Компартии Эстонии. Есть ее заслуги и в развитии издательского дела, и в работе пионерской организации, и в работе среди женщин... Всего не перечислишь.

...В комнате полумрак. У отчаянно коптящей керосиновой лампы явно не хватает сил, чтобы его разогнать. В углу плачет женщина. Эта женщина — моя мать. От отца давно нет вестей. Он на фронте, бьет фашистов. Я рисую карандашом рогатое чудовище и протыкаю его красным штыком. Фашизм побежден... А мама плачет. Показываю ей рисунок. Хочу, чтобы она улыбнулась.

Почему я начинаю свои размышления с далекого детского воспоминания? Наверное, потому, что мне никогда его не забыть. Война была для меня первой серьезной жизненной школой. Не только для меня — для всех моих сверстников. Мы не дрались с фашистами в Великую Отечественную войну, мы только начинали жить. Но науку ненавидеть врагов мы познали глубоко и крепко. С ранних лет беды страны были и нашими бедами, по-своему, по-детски преломленными в нашем ребячьем воображении. И радости и победы народа были нашими радостями и победами.

Я отлично помню, как отец вернулся с войны, как сказал, войдя в дом: «Жив-то жив. Но вот руку оставили мне только для виду, только чтоб рукав пустой не болтался...» Тогда мне казалось, что и у меня болела эта рука.

Мы говорим: преемственность поколений, бессмертие революционных традиций. У каждого человека эти понятия — частица его самого.

Мы завидуем нашим дедам, свершившим революцию в Октябре 1917 года. Гордимся нашими отцами, разгромившими фашизм. Но разве не достойны уважения и дела молодых, подвиги моего поколения? Целина... Стройки Севера... Покорение Космоса... Разве в этих

деяниях не проступают черты характера строителей Комсомольска-на-Амуре, Магнитки, первых зимовщиков-папанинцев? Мы несем эстафету старших. И мы хотим быть достойны их в нашем общем деле — в строительстве самого справедливого на земле общества. Мы части единого целого, мы коммунисты.

Конечно, коммунисты и комсомольцы 20-х годов, начиная историческую стройку, действовали иначе, чем мы. У них были свои задачи и свои трудности. Они были детьми своего времени. Сегодня молодые люди, вступающие в партию, во многом не похожи на своих предшественников. Они тоже дети своего времени. Но и тех и других отличает энтузиазм, преданность делу коммунизма, потому что и те и другие — дети одной партии. Той партии, за одну принадлежность к которой полвека назад людей гнали в тюрьмах. Той партии, которая дала миру замечательных борцов за народное счастье. Партии Владимира Ильича Ленина. И молодой и старый, сталкиваясь с какими-то трудностями на своем пути, решая какие-то сложнейшие проблемы, может сказать словами Владимира Маяковского:

Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.

Я уверен, я твердо знаю, что и наши сыновья и дочери будут такими же, потому что бессмертны наши дела, бессмертна Великая Октябрьская социалистическая революция.

Героя Советского Союза профессора Ираклия Николаевича Цицишвили мы застали в горячие дни — накануне начала учебного года. В Политехническом институте он читает лекции по истории искусств и архитектуры, ведет курс марксистско-ленинской эстетики. Но заботы у И. Н. Цицишвили выходят далеко за рамки его основной работы. Он член президиума Союза архитекторов Грузии, член правления Союза архитекторов СССР, активный лектор общества «Знание», член президиума этого общества...

— Но главное — институт, — сказал он нам на прощание. — С нетерпением жду встречи со студентами. У нас так много планов...

Где найти председателя колхоза? Смешной вопрос. Конечно, в поле. Или в кабинете за счетами. Владимиру Леонтьевичу Бедуле есть что подсчитывать. Урожай зерновых в прошлом году по 18 центнеров с гектара на круг, надо по 3565 килограммов от коровы; денежный доход за год — полтора миллиона рублей, из них 624 тысячи — чистая прибыль. Цифры, цифры!.. Самые разные: новый Дворец культуры на 520 мест, 65 колхозников отдохнули в прошлом году на южных курортах и 42 совершили туристские путешествия, семь бригадных клубов, тысячи книг в колхозной и личных библиотеках...

Но первый раз мы увидели В. Л. Бедулю не в поле и не в кабинете за счетами, а во Дворце культуры на репетиции. Председатель колхоза читал со сцены Маяковского...

...Летний день. Ведущий инженер завода имени Орджоникидзе Юрий Макеев собирает с семьей в отпуск. Жена ушла на станцию за билетами, а ему поручила последние приготовления к учебному году.

— Как так? Вы же окончили институт! — удивились мы.

— Да, — улыбается Макеев. — Но учиться продолжает жена. В этом году сын пойдет в школу.

— Значит, в вашей семье всегда кто-нибудь да учится?

— Выходит, так.

Репортаж вели корреспонденты «Огонька» И. Месхи, З. Хирен, Н. Храброва, К. Черевков, А. Щербаков.

Рассказ о судьбах пяти коммунистов начал старейший член нашей партии Федор Николаевич Петров. Закончить этот рассказ мы попросили одного из самых молодых коммунистов, комсомольца шестидесятих годов, вступившего в ряды КПСС в этом, юбилейном году. Он работает в Новосибирске на металлургическом заводе. Совсем недавно был слесарем, сейчас — инженер, пятикурсник Новосибирского электротехнического института.

«...чтобы плыть
в революцию
дальше»

Василий МУСАТОВ,
член КПСС с 1967 года

Каким ролям у вас любимые?

— Мне часто задают этот вопрос, и, поверьте, всякий раз нелегко на него ответить.

Ведь роли, как дети, — все разные. Но в каждой есть что-то свое, что особенно дорого и близко. В каждой оставляешь частичку души, ради каждой мучаешься и для каждой в раздумьях и трудах ищешь нечто неповторимое. Кого же предпочесть? Может быть, Патрик Кэмпбелл, блистательную актрису, которая остроумием ума и тонкостью наблюдений могла соперничать с самим великим Шоу? Но будет ли это справедливо? Ведь я с наслаждением играю также и королеву Елизавету в «Марии Стюарт». А Бетси Твистерская в «Анне Карениной», а Зина в «Дядюшкином сне» или Ирина в «Трех сестрах» — разве я не любила их? И все-таки, уж так, очевидно, устроен актер: самую большую власть над его сердцем имеет та роль, над которой он в данное время работает. Для меня это сейчас Елена Кольцова в драме А. и П. Тур «Чрезвычайный посол» на сцене МХАТа.

Я не знаю, как я играю эту роль. Такова специфика нашей профессии, что сами мы не можем взглянуть на свое создание, оценить свою работу. Вместо нас это делают зрители и критики. Я просто хочу поделиться тем, что родилось во мне и вдохновляло меня в процессе работы над ролью, над чем я думала, что старалась донести.

Я хочу рассказать о моей героине, как женщина о женщине, как коммунистка о коммунистке.

Хотя у героини моей вымышленное имя и нигде не сказано, что в основе пьесы — факты подлинной жизни, для меня, лишь мы прочитали пьесу, образ Елены Кольцовой сразу и неразрывно слился с обликом и судьбой удивительной женщины, пламенной революционерки и государственного деятеля, первой в мире женщины-дипломата Александры Михайловны Коллонтай. Поэтому работа над ролью началась с изучения исторических материалов. Я стала читать книги самой Коллонтай, книги и воспоминания о ней, смотреть фотографии, кадры кинохроники... Все эти сведения копилась, откладывалась в ожидании своего часа на какие-то внутренние полочки. Но одно ощущение явилось сразу. В пьесе есть несколько сцен, где Елена Кольцова вспоминает прошлое: революцию, гражданскую войну... В октябре 1917 года Александр Михайловна Коллонтай было сорок пять лет. «Разве можно быть счастливой, разве можно радоваться жизни, — а в этом смысл жизни! — если кругом столько мук, несправедливости, угнетения!.. Вот почему я пошла в революцию и стала коммунисткой». Она уже прошла к тому времени нелегкий и непрямой путь жизни, мучительных, как тогда говорили, поисков мировоззрения, революционной борьбы.

Я решила не акцентировать внимания на возрасте моей героини. Но мне казалось совершенно недопустимым играть ее в сценах воспоминаний молодой, восторженной, наивной девушки. Нет, это взрослый, сложившийся человек, который может и ошибиться, но делает все сознательно, продуманно, серьезно. Мне очень хотелось в сцене «Петроград, 1917 год» принести, как говорят в театре, «шлейф» прожитой жизни, чтобы зритель почувствовал и поверил, что перед ним женщина, за чьими плечами годы эмиграции, годы ответственной работы революционного агитатора. И любовь, что приходит к ней, не первое, робкое и восторженное чувство, а скорее чувство последнее. Поэтому есть в нем и горечь, и сдержанность, и какое-то сомнение в самой возможности для себя личного счастья.

Личная жизнь моей героини... Для меня было очень важно понять женскую судьбу Кольцовой Коллонтай. Ведь в жизни не бывает так: вот здесь — работа, дело, а вот где-то в стороне — любовь, которая и работе и в делу отношения вовсе не имеет... В настоящей жизни все это очень тесно переплетается, образуя сложный, неразрывный узел. Значит, точно так же должно быть и на сцене...

Личная жизнь Александры Михайловны Коллонтай, прямо ска-

Я играю Коллонтай...

Народная артистка СССР
А. О. СТЕПАНОВА

жем, не задалась. В годы революции она встретила яркого, незаурядного человека, страстно влюбленного в революцию, балтийского моряка Павла Ефимовича Дыбенко. Он поражаал окружающих безудержной отвагой, самоотверженностью, романтизмом натуры, природенной стихийной талантливостью. Но так сложились обстоятельства, что оба эти любящих человека жили почти в постоянной разлуке. Встречались они редко и ненадолго. И обстоятельства убили любовь... На протяжении долгих лет Александра Михайловна тяжело страдала. Я считала, что и Елена Кольцова тоже должна чувствовать, как болит и ноет ее раненое сердце... С самой первой сцены, думала я, должна быть в Кольцовой какая-то тайна. Не ущербность, нет, но тайное страдание. Это должно придать особую значительность ее облику. Значительность всему, что она говорит и делает. Оттого не может быть она беззаботной или чрезмерно веселой. В ее репликах, порою остроумных, должен быть горьковатый привкус насмешливости, иронии.

И еще одна грань биографии Коллонтай не могла не занимать меня. Конечно, рассуждала я, жизнь у нее сложилась ярко, неповторимо. Но, как всякой женщине, ей хотелось иметь свой дом, свою семью. А как раз дома и семьи она была лишена. Александра Михайловна очень остро переживала свое одиночество, свою «неприкаянность». Эту грань тоже нужно было как-то высветить в моей Кольцовой. Но опять же здесь надобны такт и мера. Потому что незаурядность Коллонтай в том и была, что она все это могла превозмочь ради дела, которому служила. Была она удивительно энергична и жизнелюбива. И еще — она очень любила людей. Им отдавала неистраченную нежность своей души. Была заботливым другом всех сотрудников посольства. Ей доставляло удовольствие радовать окружающих неожиданным вниманием. В праздники она сама готовила детям подарки и сочиняла к ним веселые стишки и сказки.

Судя по фотографиям, кинокадрам, воспоминаниям, Александра Михайловна была женщиной необыкновенно привлекательной, обворожительной. Этими чертами необходимо было наделять и Кольцову. Но сразу же у меня возник вопрос: разве только при помощи своей женской красо-

ты завоевывала Коллонтай сердца людей?

В пьесе есть сцена, где посол СССР Кольцова вручает королю страны, куда она прибыла, верительные грамоты. Во время первой же встречи ей удается развеять холодок неприязни и недоверия короля. Как это сделать?.. Можно пойти по легкому для актрисы и — что греха таить — приятному пути. Кольцова пустила в ход свои «женские чары» — и король не выдержал, «сдался». Красивая женщина победила мужчину! Эффектно, но... несерьезно и фальшиво. Никогда Александра Михайловна Коллонтай не прибегала к помощи столь примитивного оружия! Ее обаяние, неотразимость были совсем иного качества.

У меня сложилось убеждение, что в этой сцене — да и в остальных сценах тоже — я не имею права позволить себе и тени кокетства. Потребна безукоризненная строгость внешнего поведения. Ни одной лишней улыбки, ни одного нескромного взгляда!.. Победить в поединке с королем нужно только тем, чем покоряла людей настоящая Коллонтай: широкой образованностью, воспитанностью, интеллектом, проницательным умом и находчивостью.

Как свидетельствуют все, знавшие Александру Михайловну Коллонтай, она была прекрасным собеседником. Речь ее блистала легкостью, изяществом, непринужденностью остроумием. Но она не только великолепно говорила — причем свободно на нескольких языках, — но и умела слушать собеседника, что делало разговор с нею особенно приятным. На приемы в советское посольство съезжалось всегда множество гостей. Среди них были, помимо официальных лиц, артисты, художники, музыканты, ученые, общественные деятели... И душой всех этих собраний была Коллонтай. Она удивительно тонко умела, по ее собственному выражению, «плисти кружева», ведя за чаем или обедом подготовленную работу с нужными людьми, незаметно для них самих склоняя их принять нужное, выгодное для нашей страны решение.

Интересы государства, его престиж были для Александры Михайловны на первом месте.

Признаюсь, мне повезло. Среди моих близких знакомых оказалась женщина, которая работала в Швеции, в посольстве, именно в те годы, когда Коллонтай была там нашим послом, и вот она познакоми-

ла меня с целым рядом маленьких черточек, присущих Коллонтай в быту, которые очень помогли мне в работе над ролью. Так, например, она рассказывала, что Александре Михайловне по долгу службы необходимо было иметь много нарядных платьев. Тратить государственную валюту на свои наряды Коллонтай считала невозможным. Однако она обладала редким женским талантом — одеваться нарядно за маленькие деньги. Как-то так умела она перековать и перешить старое платье, что оно становилось модным и элегантным. Из двух старых юбок у нее выходил красивый вечерний туалет. Сотрудники посольства то и дело портиничали под ее руководством. Но наступал момент, когда для поддержания престижа все же нужно было заказать «настоящее» платье. И тогда Александра Михайловна торжественно выезжала из посольства, чтобы заказать туалет в самом шикарном ателье. Впоследствии из этого платья она умудрилась скомбинировать еще четыре. Зато вся столица говорила, что советский посол шьет в самой дорогой фирме!

Умела Александра Михайловна и гостей принять так, что дешевая закуска на ее приеме казалась изысканной и вкусной. Недорогие цветочки она ставила в вазу так, что они выглядели необычайно элегантно...

Все эти рассказы добавляли краски и полутона к тому образу, который складывался во мне. Образу женщины большого, «мужского», что ли, как принято говорить в таких случаях, ума, умеющей мыслить широко, государственно. Женщины-коммунистки, сознающей огромную ответственность, возложенную на нее страной, и в то же время смелой, решительной в своих поступках. Женщины, наделенной незаурядным человеческим обаянием и высоким чувством собственного достоинства.

Но одно дело — «образ складывается во мне», а другое — воплощение его на сцене. В роли Кольцовой законом избрала я сдержанность. Даже скупость выразительных средств. Даже аскетизм. У Кольцовой все должно быть внутри. Вот поэтому у и текст стараюсь произносить так, будто за этими, порой не очень значительными словами героиня скрывает свои истинные, очень важные для нее мысли.

Я стремлюсь к тому, чтобы в Кольцовой ни на мгновение не прерывалась внутренняя жизнь, чтобы она все время думала «о своем», была внутренне собрана и сосредоточена. И это при внешней мягкости, внимании к окружающим, ко всему, что происходит вокруг...

Мне приходится представлять свою героиню на протяжении почти трех десятков лет. Последние сцены происходят во время второй мировой войны. Александре Михайловне уже семьдесят лет. Но по-прежнему, чуть забрезжит заря, она уже на ногах. Обязательна гимнастика, чашка кофе, и Коллонтай спускается на второй этаж, в кабинет. Здесь ждут ее газеты, почта. С десяти часов — ежедневный, обязательный прием посетителей. Затем деловые выезды. По-прежнему она не торопится, но и не опаздывает ни на минуту. По-прежнему она неутомима в работе. И по-прежнему всеми гранями сверкает ее талант дипломата.

Именно в эти трудные военные годы она вела в Швеции очень важную работу, стараясь парализовать усилия фашистов, пытавшихся втянуть Швецию в войну против СССР.

Я и хочу, чтобы в этих сценах у Кольцовой, несмотря на седые волосы, сохранилась молодая энергия, сохранилась молодость души. «Мир движется, нигде нет застоя, шевелится; идет, складывается новая жизнь. И я люблю то оглядываться назад на пройденный путь, то забегать вперед в то волшебное, прекрасное будущее, где человечество будет жить, расправив крылья, говоря: «Счастье, счастье для всех», — писала Коллонтай на склоне лет.

Спектакль наш уже идет. Труд всего нашего коллектива представлен на суд зрителей. Им решать, что получилось, что осталось лишь «добрыми намерениями»... Я же хочу еще раз повторить, что работу свою посвящаю светлой памяти Александры Михайловны Коллонтай — женщины и коммунистки, которая стала для меня идеалом и примером.

Николай А САНОВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

КАТАСТРОФА ОТМЕНЯЕТСЯ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Чердынцев с искренним сожалением смотрел вслед машине-амфибии, увозившей храброго капитана саперных войск.

Но вот Малышев исчез, словно растаял, как растаивали на просторе нового озера айсберги, оторвавшиеся от ледника, который пролежал под каменными моренами тысячелетия, чуть-чуть сдвигаясь на запад, а теперь нечаянно ожил, поднятый сумасшедшей водой, и настало время для размышлений и сопоставлений.

Проводив Малышева, Чердынцев долго стоял на деревянном причале, обраставшем ледниковым припаем из мелких льдин и льдинок. Он думал о том, что придется этот причал закрепить канатами и все время поднимать его выше и выше, иногда вполоборота смотреть на станцию, но видел только зашторенные окна. Женщины, что приехали с детьми, боялись, видно, простуды и, проводив понтоны и катер, заняли отведенный им верхний этаж и забронировались зыбкой преградой занавесок и штор, а то окно, что всего больше занимало Чердынцева, вообще не открывалось, будто там висели железобетонные занавеси.

Так он стоял на холоду, мерз, проклинал себя за нерешительность, а душа разрывалась на части, и одна часть толкала его к дому, а другая держала на берегу, заставляла камень в этой судорожной неподвижности. Никуда он не пойдет и никого ни о чем не спросит. Вот так и превратится в ледяной столб. И вдруг услышал шаг.

— Вы еще долго собираетесь стоять на своем посту?

Он оглянулся. Тамара Константиновна остановилась у самого обрыва. Она словно бы и не видела его, подталкивала носком красного ботинка камешки и смотрела, как они срываются вниз, в ледяную кашу, и тонут без всплеска. Она была в брюках, а поверх своей куртки накинула штормовку Галанина, самую маленькую, но и в ней утонула. Так как Чердынцев не ответил, она снова спросила:

— Что он вам сказал?

— Что вы его жена.

— Была. — Голос ее звучал сухо, бескрасочно. А ведь она умела модулировать его, как отличная актриса. По-видимому, этот разговор был нелегким и для нее.

— Этого он не говорил.

— Когда-нибудь скажет.

— А вы всегда уходите без предупреждения?

— Пойдемте лучше проверим показания ваших приборов. Галанин просил узнать, кому идти за данными. Но уж если мы здесь, так почему не сделать это самим? Кстати, вы покажете мне эти таинственные измерители, которые заставляют вас прозябать в пустыне вместо того, чтобы воевать в мире.

Только теперь он заметил, что она тоже говорит с ним на «вы». А ведь несколько часов назад...

Впрочем, часы ли прошли? Если время действительно относительно, то между тем и теперешним их состоянием прошли годы. Что годы? Прошла вся жизнь. Во всяком случае, жизнь Чердынцева... Но заговорил он о другом, спросил:

— А как ваша нога?

— Чепуха! — Она отмахнулась от его заботы, как от чего-то обидного.

Он промолчал и пошел за нею. Тут, на льду и на камнях, прогулочным шагом не ходят. Разве что след в след, как на минном поле. И разговаривать во время такой прогулки почти невозможно. Слова срывает с губ резкий ветер, и понять можно лишь с пятого на десятое.

Но шла она ловко. Правда, нога еще давала себя знать. Это Чердынцев замечал по той особой осторожности, с какой она двигалась. Так начинали ходить раненые в госпиталях. Но, выбрав ритм дыхания и ходьбы, Тамара Константиновна уже не теряла его. Так они дошли до проवेशенной линии, поставленной когда-то поперек ледника. Два «гурия» на скалах показывали неподвижные отметки. А вешки с флажками выгнулись дугой, центральная часть ледника ползла быстрее.

Чердынцев невольно присвистнул. За последние двенадцать часов ледник дал новую подвижку.

Собственно, Тамаре Константиновне знать об этом ни к чему, и он сжал губы. Но она уже шагнула к самописцам. И хотя они не должны были разговаривать с непосвященными, ей они что-то сказали.

— А ведь линия-то рвется! — Она оглянулась на Чердынцева. — Не собирается ли ваш ледник унести и вас и меня на своей спине, как взбесившийся конь?

Именно об этом Чердынцев и думал. При такой резкой подвижке ледник может либо толкнуть мореной завал и сорвать его, либо просто вытеснить воду, и тогда она сама перельется и размоет плотину. Еще одна неучтенная опасность!

— Но все-таки ваш великан еще не научился ходить! — сообщила она, просмотрев катушку самописца. — Ну что такое какие-то пятнадцать метров за двенадцать часов? — Она посмотрела на Чердынцева с надеждой, должно быть, поняла его молчание.

— Где вы научились читать показания приборов? — ни с того ни с сего спросил он.

— Ну, в наш век техники... — протянула она. И тоже неожиданно закончила: — А ведь если он двинется по-настоящему, он сотрет в порошок не только ваш домик со всем содержимым, но и эти горы и тот завал... — По ее телу пробежала дрожь. Чердынцев понял: человек импульсивный, она сразу представила себе все, что не договорила.

— Будем надеяться, что этого не случится!

— Надежда на бога — плохое утешение! — сказала она.

Записав показания приборов, Чердынцев кивнул на узкую тропинку, убегающую вверх, на каменистый склон.

Она смотрела на тропинку как будто с некоторым сомнением.

— Спускайтесь на станцию, — посоветовал он. — Кстати, передайте Галанину эти данные... — Листок бумаги сиротливо трепетал в его руке. Но — вот странность человеческого поведения! — ему совсем не хотелось, чтобы она отступила. Тамара Константиновна снова взглянула на тропинку, на него, сказала:

— Я уже давно замечала, что все ученые — как бы это помягче сказать? — психически неблагонадежны. Для своих наблюдений и опытов они выбирают самые трудные позиции. Ведь ясно же, если подвижка ледника зафиксирована здесь, то и вверху она тоже отмечена этими вашими доносчиками! — Она показала красной указкой на приборы.

— Доносчики? Ничего сказано! — Он

Продолжение. См. «Огонек» №№ 33—39.

К. Максимов. Н. А. ОСТРОВСКИЙ.

На развороте вкладки:
А. Плотнов. ЗИМНИЙ ВЗЯТ.

В. Нечитайло. В ГОСТЯХ У МОЛОДЫХ.

улыбнулся, но тут же снова стал серьезным. — Там эти доносчики, — он взглянул в гору, — могут показать нечто другое.

— Лед, он и есть лед, и ничто другое приборы не покажут! — пренебрежительно сказала она.

— А вы когда-нибудь задумывались над тем, что такое лед? — Так как она молчала, Чердынцев ответил сам противным «лекционным» голосом, которого так не любил у других: — Лед есть жидкость, попавшая в необычные условия. А в необычных условиях жидкость и ведет себя необычно...

Тамара Константиновна взглянула так, словно бегло оценивала оратора, и, видно, несколько повысила оценку. Перешагнула валун и пошла вперед, не оглядываясь.

Пока он закрывал коробки приборов, Волошина прошла шагов десять. На гребне морены она выглядела, как флаг или вспышка пламени: красное на темно-голубом небе. Он догнал ее со странным чувством: здесь, среди камня, льда и ветра, под темным от глубины небом, они были как в чужом мире. Космонавты на чужой планете. Двое в пустоте. И не потому, что вокруг была дикая пустыня, безлюдье, опасность, а потому, что этот мир ничем не был похож на земной, привычный, от которого она еще не успела отвыкнуть, и потому тосковала, а он никогда уже не мог по-настоящему привыкнуть и всегда тосковал об этой своей «космической» лаборатории, обстановке, по разреженному воздуху, внезапному холоду, словно бы проникавшему сквозь скудный слой атмосферы прямо из дальних, межзвездных миров. Такой он знал свою работу и такой ее любил. А что может привлечь здесь эту женщину?

Он как-то сразу забыл и о Малышеве и о своих сомнениях, видел только ее, следил за ее неспешными движениями, а она все-таки приспособилась к разреженному воздуху; видно, в тех альпинистских лагерях, где она непостижимым способом получила спортивный разряд, ее чему-то научили! Но даже и эти привычно скептические мысли уже ничего не могли изменить: он снова заболел тоской по ней, тоской по ее телу, ее рукам, губам, дыханию, хотя она была рядом. Протяни руку и возьми. Но тоска его потому и была тоской, болью, грозой, что все это близкое, видимое, легко достижимое мгновенно растаивало, как только он вспоминал о том, что у его чувства нет завтра...

Она по-прежнему шла мерным шагом вперед, не оборачиваясь, и только на поворотах тропинки он вдруг на мгновение видел ее лицо, безудельное, сосредоточенное, словно самым главным для нее было идти. Впрочем, может быть, она догадывалась, что он думает именно о ней? Вдруг она оглянулась, взглядела в его мрачное лицо, спросила:

— Вы любите стихи?

— В этом отношении я впал в анабиоз еще во время войны. Все, что было позже, меня уже не касается. И потом здесь опасно читать стихи: сразу сорвется дыхание. И петь романсы тоже не следует.

— Просто удивительно, как вы умеете отравить мечту. А я надеялась услышать гимн любви.

— А может быть, страданию?

— Уж вам-то не о чем жалеть! — с вызовом сказала она.

— И это вы называете любовью?

Она остановилась, как от удара или оттого, что споткнулась, но пересилила себя и пошла дальше. Только опустила голову, будто выбирала, куда ступить. Он выругал себя и замедлил шаги, отставая. Она сказала:

— Трусость вам не к лицу. И я не собираюсь ударить вас. — Голос ее звучал глухо.

— А что вы от меня хотите? — гневно крикнул он, забывая о собственных предупреждениях и уже не боясь сорвать дыхание. — Вы врываетесь в мою жизнь, делаете меня смешным! Ну что я вам, усталый, пожилой человек, прячущийся в горных пещерах, как подобало старым людям в те времена, когда их просто убивали, чтобы не кормить! Я только начинаю верить вам, как

является молодой, здоровый человек и говорит: «Она моя жена!» Я пытаюсь излечиться отрицанием, вы не отпускаете меня ни на шаг. Зачем я вам? И что, это любовь?

Он побоялся сказать о давнем подслушанном ночью в санатории разговоре, и так уже наговорил бог знает что. Но вот странно: по мере того, как он казнил ее и себя этими жестокими словами, спина Волошиной распрямлялась, голова поднималась все выше. Вот эта женщина идет так же гордо, как всегда, а оказавшись на повороте и взглянув в ее лицо тайком от нее, Чердынцев удивился еще более: она улыбалась какой-то тихой, почти мечтательной улыбкой. Он осекся. Значит, все его слова — для нее лекарство?

Теперь уже он шел, опустив голову, рассматривая носки башмаков. Вспомнились какие-то стихи о русских землепроходцах: «Бесноватый Ванька за Уралом шел да шел, смотрел на сапоги...» Пожалуй, Чердынцев тоже мог идти и идти за этой женщиной вокруг всего земного шара, лишь бы она не бросалась в сторону. Но вот поверить, что она не станет бросаться в сторону, он не мог.

Они долго шли молча, словно каждый погружался в свои мысли и забыл о спутнике. Тропинка все петляла, следуя изгибам ледяной реки, и опять вокруг были камень, лед, вода на льду, темное, словно пронизанное черным цветом космоса, небо, вершины гор в ледяных и снежных шапках, цвета грубые, резкие, прямые, каких не столь уж много на земле: черное, белое, голубое, голубое, черное, белое; но уж такой силы и первозданности были эти цвета, что ни один художник не рискнул бы нанести их на полотно, да и просто не нашел бы подобных красок. И вдруг она остановилась и словно выдохнула:

— Боже, как здесь прекрасно!

Он взглянул через ее плечо. Тут, в бухточке, где лед был почти прозрачен или казался таким от солнца и черных теней гор, находился второй мерительный пункт. На солнечной береговой стороне стояла временка с самыми дорогими приборами, а рядом, на льду, снова линия вех и огороженные колючей проволокой (порой по льду проходили дикие туры и джейраны) более грубые мерительные приборы. Только эти устройства и напоминали о человеке, все остальное как бы принадлежало первобытному миру: вода, лед, горы, небо. И еще необыкновенной яркости цвета. Цвета всего сущего.

Чердынцев снял перчатки, вынул дневник и принялся записывать показания, менять катушки. Волошина разглядела хижину-временку, спросила:

— А туда можно войти? — Голос у нее снова был музыкальный, добрый и мудрый, как будто и не было между ними ссоры. Чердынцев предупредил:

— Только не трогайте приборы.

Она медленно прошла к хижине, открыла дверь, постояла на пороге, глядя вась со света в темноту, и скрылась внутри. Чердынцев проследил за ней глазами, продолжая свою работу. Руки сразу ооченели, приходилось каждое движение делать осторожно, как ни хотелось побыстрее закончить работу и натянуть перчатки.

Наконец он кончил свою возню, взглянул на солнце. Пора было торопиться домой: в горах ночь начинается сразу.

Обернувшись к временке, чтобы кликнуть Волошину, он увидел дым, валяющийся из железной трубы, распахнутую дверь, из которой тоже валил дым, будто там все охвачено пожаром. Бросился было бегом и сразу перешел на медленный шаг: она же забавляется, сейчас она играет в жену охотника, ожидающую мужа, разжигает очаг, готовит обед... Жаль, что во временке нет ничего, кроме круп, сухарей и соли. А почему бы не доставить ей удовольствие? Ведь жены ждут охотников с добычей...

Обойдя временку так, чтобы его не было видно из оконца, он подошел к кромке ледника. Там была такая хитрая ледяная глыба, обложенная по краям валунами, а

рядом, спрятанный меж такими же валунами, лежал ломик. Чердынцев достал из тайника ломик, подсунул под ледяную глыбу и легко приподнял ее. Тут тоже был тайник. Не от людей: люди сюда не заходили, — а от зверей. Раньше гляциологи хранили продукты прямо во временке, но после двух или трех набегов маленьких гималайских медведей, начисто очищавших временку от еды, сочли за лучшее сделать этот тайничок. Чердынцев достал из тайника ногу джейрана, отрубил хранившимся тут же топором изрядный кусок мяса, вынул бутылку спирта, укрыл примитивный «ледник» плитой и пошел в домик.

Дым уже выдуло, печка гудела, в чайнике плавился лед, стол был обметен. Чердынцев сказал:

— Примите и мои приношения!

— О, мясо! — удивленно-радостно воскликнула Волошина. — Где вы его достали?

— Только что убил джейрана и вырубил седло. Вы знаете, что все индейцы ели только седло дикой козы? Вот, пожалуйста.

— Фу, господи! — Она весело рассмеялась. — Я же забыла, что гляциологи — это почти снежные люди...

— Ледниковые люди! — строго поправил он.

— Люди ледникового периода! — в свою очередь, поправила она. — Я могла бы понять, что в окрестностях есть тайник. Я ведь люблю тайны.

Дальше разговор мог стать опасным. Чердынцев принялся рубить мясо. Шампуры лежали на полке.

— Будем есть мясо по всем правилам хорошего тона, изобретенным во время великого оледенения Земли, — сказал он. — Приготовление мяса тогда было привилегией охотника, женщина получала только обглоданные кости. — Он встал на колени перед печкой и сунул шампуры прямо в огонь.

— Ой, сожжете! — жалобно воскликнула Волошина.

— Что говорил рыцарский кодекс того времени? — спросил Чердынцев. — Если женщина мешает приготовить настоящую охотничью еду, ее надо убить. И съесть! — яростно добавил он.

Мясо шипело и словно бы плавилось в огне. Огонь прыгал по кускам мяса. Чердынцев вытащил шампуры, присолил этот дикий «шашлык» и снова сунул в огонь. Волошина смиренно ставила на стол пиалы, отыскала вилки и ножи, заваривала чай. Чердынцев кивнул на бутылку, Волошина открыла ее и разлила понемногу спирту в пиалы. Чердынцев еще повертел свои «шашлыки» и подал один шампур ей. Мясо было розовым, чуть пахло дымом, но от этого казалось только вкуснее.

Разведенный спирт стал теплым. Но Чердынцев пил чистый, и она тоже сделала маленький глоток, замахала руками перед ртом, в котором словно бы забили пламя, еле сумела запить ледяной водой. Но и это было весело.

За едой разговаривали лениво, о вещах деловых и безразличных; сказывалась усталость от долгого подъема по леднику. А может быть, они чувствовали опасность другого разговора?..

Потом долго пили чай. Чердынцев учил ее пить зеленый чай без сахара, и Волошина в конце концов призналась, что горьковатый этот напиток действительно приятнее привычного черного чая с сахаром или конфетами.

Они как бы не замечали течения времени. Или делали вид, что не замечают, хотя оба искоса поглядывали на окно, за которым прыгал зеленый огонь зари по белым вершинам, сгустились фиолетовые тени от близких гор на леднике, и вот уже что-то черное, как траурный плат, легло у ближнего подножия.

Волошина оторвалась от окна, обвела взглядом дощатые стены, полки, печку, деревянный топчан в углу и сказала:

— А я бы с удовольствием прожила здесь несколько дней...

— Вы уже добились того, что останетесь ночевать.

Она вскочила со скамьи, схватилась за куртку.

— Почему же? Мы сейчас же пойдем.

— Не суетитесь. Ночью по леднику не ходят.

— А что они подумают?

В ее голосе не было испуга о том, что они подумают. Скорее в нем было торжество: пусть думают, что хотят. И опять Чердынцеву стало тоскливо: неужели она так и будет хитрить? Ведь она же знала, чего хочет, когда зашла в эту хижину, затопила в ней печь, притворилась хозяйкой.

Он вышел, предоставив ей возможность устроиться на ночлег, прошел на середину ледника вдоль линии вешек. Вешки стояли неподвижно, как он застал их, здесь подвижки не было. Не было и разрывов в теле ледника — об этом говорили приборы. Просто тело ледника вытянулось, как вытягивается под действием тяжести пружина.

Когда он вернулся, Волошина уже лежала на топчане, забравшись в спальный мешок и затянув завязки под подбородком. Только волосы, разметанные по изголовью из сложенной куртки и штормовки, были на свободе. Второй мешок был аккуратно уложен отверстием вверх возле погасающего камелька. Достаточно было встать ногами в отверстие, поднять за края горловину, завязать так же, как сделала это Волошина, а потом осторожно прилечь и спать, спать, спать... Он шагнул к топчану, сел на шершавые доски и зарылся лицом в ее волосы.

— Я думала, что вы ушли на базу и оставили меня одну, — пожаловалась она.

— Детей не обижают...

— Значит, я только глупый ребенок?

— Нет... Он выпрямился, глядя в ее блестящие даже в темноте глаза. — Но ведь и не искательница же приключений?

— А теперь вы обижаете во мне женщину...

— Но кто же вы?

— Та, которая вас любит, вас...

Он не понял, как ее руки оказались на свободе, но она уже прижала его лицо к своему, нашла губами его губы, и ему стало трудно дышать, и опять он ничего не чувствовал, кроме безмерной радости, нежности, отчаяния, потому что ведь все это должно было кончиться, кончиться поражением для него. Ведь настанет день, когда она уйдет, а он останется наедине с воспоминаниями, только с ними, хотя и попытается еще удержать ее словами, слезами, горем... Но победители обычно бывают безжалостны, а победитель — она.

Капитана Малышева он вспомнил под утро. Сначала вспомнил, как вздрогнули самолюбивые губы, потом слова: «Она моя жена!»

К утру во времянке стало холодно, а запас дров и угля Чердынцев полностью сжег, даже не подумав, что завтра кому-то придется тащить на санках или в заплочных мешках этот ненавистный груз, потому что времянка — единственное пристанище для того, кто задержится на леднике и не успеет добраться засветло до базы. Волошина снова закуталась по горло, но все не спала, смотрела на него своими блестящими глазами, и он думал: прощайтесь! Завтра появится ее муж и увезет ее. Если не на вертолете (а он может вызвать вертолет), то на своей амфибии в сторону Ташбая, а потом на грузовике дальше на восток, к цивилизации, легковым машинам, самолетам, гостиницам. Он ведь понимает, что задерживает ее здесь не статья или очерк, а что-то другое — обманутые мужчины догадливей своих соперников, — и сделает все, чтобы разлучить ее со станцией, если даже и не поймет, кого она выбрала. До этого можно и не докапываться, а на станции никто не произнесет ни одного имени, хотя сегодня утром все они станут молча переглядываться между собой, смотреть на пустые закрытые комнаты его и ее.

В окно медленно вливалась серая мгла, еще ничем не расцвеченная, но уже напоминавшая о наступлении дня. Чердынцев медленно обулся, пошевелил остывающую

золу в камельке, — даже искры и угли погасли, тихо сказал:

— Надо идти. Я еще раз проверю приборы, а ты успеешь одеться...

— Но почему? — Голос ее звучал жалобно, как у ребенка, когда отнимают игрушку. — Неужели ты боишься, что кто-то подумает о тебе дурно? Твои мальчики ни в чем не заподозрят нас.

— По-моему, они ангелы?

— Нет, но ты для них старик. А молодость самонадеянна.

Он невольно перебил ее излияния, боясь даже признаться, что они его обижают.

— Сегодня может приехать твой муж. Мы должны быть дома к завтраку.

— Я уже сказала тебе, что у меня нет мужа! — Теперь она гневалась, но он не очень верил в правдивость ее гнева.

— Однако он обязательно придет.

— И ты можешь отдать меня ему... мужу?

— Ты не рабыня. Тебя нельзя отдать или не отдавать. Выбирает всегда женщина.

— Господи, как это трудно — любить умного человека!

Он прикрыл дверь и не слышал больше ее причитаний. Но странно было, что она именно причитала, просто, по-бабьи, словно и не было тут властной женщины, привыкшей к почтению и поклонению. И было удивительно: голос причитающей женщины звучал правдивее и горше, чем голос той красавицы, какой она притворялась до этого. Но он уже не слышал слов, только жалобное причитание, он уходил по линии вешек к мерительным приборам. А там долго записывал показания, и, когда взглянул на избушку, Волошина стояла на пороге, оглядываясь назад, словно запоминая, и солнце, вдруг прорвавшееся из-за гор, внезапно осветило ее, словно хотело запечатлеть ее в памяти Чердынцева вот такой яркой, золотоволосой, с поднятым к небу лицом. Такой он ее и запомнил.

Обратно они шли быстро, но Волошина часто оглядывалась, будто что-то оставила там, в горах...

2

— Вчера мы вас ждали к ужину, — с некоторой долей робости сказал Галанин, увидев начальника на привычном председательском месте. — Вас вызывал Адылов...

— Тамара Константиновна не рассчитала свои силы, — небрежно ответил Чердынцев. — Пришлось заночевать в Ледовом приюте.

Тамара Константиновна молча кивнула головой.

— Я записал поручение Адылова, — торопливо сказал Галанин. Начальник видел, что радисту неприятен и этот разговор и объяснение ночевки в горах. Галанин протянул радиogramму.

— Они не теряют времени! — сказал Чердынцев, взглянув на радиogramму. — Скоро ваш плен кончится, Тамара Константиновна! — Он взглянул на Волошину и увидел, как она побледнела. Остальные делали вид, что едят с привычным аппетитом, но Чердынцев заметил растерзанные остатки пищи на тарелках. Да и Салим был непривычно тих. По-видимому, вчера они все переволновались, может быть, даже собирались выйти на поиски. И хорошо сделали, что не вышли!

— Что же пишет Адылов? — слишком спокойно спросила Волошина.

— Ах, да, вы же не знаете новостей! Сегодня в пятнадцать ноль-ноль капитан Малышев произведет первый взрыв на выброс в русло будущего канала. Адылов просит расставить наблюдательные посты у наших мерительных приборов. По-видимому, они не очень верят в устойчивость ледника.

Пересказывая содержание телеграммы, он смотрел только на Волошину, и не потому, что остальные уже знали содержание. Он умышленно подчеркнул фамилию капитана и почувствовал мстительное удовольствие от того, что Волошина опустила глаза. Но почему он должен мстить женщине,

которая отдала ему свою любовь? Или он так и не поверил в ее чувство?

Хорошо, что рядом сидят посторонние. Тамара имела полное право влечь к нему сейчас пощечину. Он рассеянно сунул радиogramму в карман и встал из-за стола. Есть ему не хотелось. Оказавшись в комнате, он громко, с чувством выругал себя. Ну что еще он может требовать от Волошины? Она отдала ему все!

Через коридор слышались сдержанные голоса, но разговор то и дело стихал, да и разговаривали его помощники сухо. Возможно, они о чем-то догадывались. Или просто осуждали Волошину. Ведь они приняли ее за ангела, а она, ровная со всеми, вдруг осталась где-то в горах с посторонним мужчиной... Да, он предвидел, что появление Волошиной разрушит ту добрую атмосферу товарищества, которая отличает общество мужчин от общества смешанного или просто женского. И вот все это происходит на его глазах, по его вине...

Он переждал, пока не стихли голоса. Кажется, все разошлись. И направился на радио.

Уже открывая дверь, он приостановился. В столовой разговаривали:

Галанин (чуть не шепотом). Никогда бы не подумал...

Каракозов: И не думай! Со стариком-то! Вот если бы с ней остался ты или Милованов, я бы беспокоился...

Галанин (погромче, с надеждой в голосе). Ты уверен?

Каракозов (с чувством превосходства). Ну, я-то их знаю... Вот в прошлом году во время конференции в Ташкенте... (и перешел на шепоток).

Чердынцев тихо прикрыл за собой дверь. Вот уж не думал, что Тамара и тут окажется права! Как это она вчера сказала, когда он напомнил, что на станции могут подумать... Ах, да! Никогда не подумают! «Почему?» — спросил он. — Потому, что они ангелы и им не хватает только крыльев?» «Нет, потому, что в их представлении ты старик. Они так боятся унижить себя в собственных глазах ревностью к человеку вдвое старше себя, что предпочтут ничего не замечать. И будут по-прежнему соперничать между собой в надежде завоевать мое расположение. Молодость самонадеянна и не признает поражений...»

А кто их признает, поражения? И не является ли его победа именно поражением? Об этом еще стоит подумать...

Он сделал вид, что давно уже углублен в работу, и, когда Галанин вернулся, начальник дочитывал вахтенный журнал. И вел себя Галанин опять мило, предупредительно, должно быть, разговор с Сашей Каракозовым окончательно рассеял его подозрения, если они были.

Из окна он видел своих помощников: они переносили причал повыше, его уже залило. Он поискал сводку Коржова: да, у инженера утонул уже весь городок, вода подпирает защитную стенку. Но закладывать вход в шахту инженер не спешит, работает предпраздничная смена, как он пишет, «горняки встали на первомайскую вахту...» О господи, Чердынцев и забыл, что завтра Первое мая!

— Сережа, приготовьте красные флаги, гирлянды с лампочками, вечером мы их повесим на фронтоне...

— Но... почему?

— Милый мой, завтра Первое мая...

— Первое... — Галанин вскочил. — Почему же никто не принес ни одной радиogramмы? Неужели все забыли? Я сейчас... — Он выскочил за дверь.

Чердынцев слышал, как он стучал в двери. «Тамара Константиновна, готовьте поздравительные телеграммы, я их передам немедленно... Как почему? Да Первое мая же!» — Потом выбежал на улицу, крикнул: «Ребята, где ваши телеграммы? Вечером я не смогу передать!» И опять ликующее, насмешливое: «А вы и позабыли, что завтра Первое мая?» Потом поднялся вверх, к гостям с рудника, поговорил с женщинами и вот уже вернулся, смеющийся, веселый:

— Как они у меня забегали! Я преду-

предил, что могу передать только до взрыва, до пятнадцати ноль-ноль, потом пойдут официальные материалы. А вы что же, Александр Николаевич? Ах, да, я и забыл, вы никому не пишете... — И извиняющимся тоном: — Я дам только одну, маме...

— Пожалуйста, пожалуйста! И в вахтенный журнал можете не записывать. Дирекция не щадит затрат...

Конечно, ему хотелось бы, чтобы одну или несколько телеграмм Галанин записал. Те, что пошлет Волошина... А может быть, она принесет свои телеграммы вот сейчас, и он еще успеет взглянуть или услышать, кому они адресованы... Во всяком случае, он еще долго возился с вахтенным журналом, увидел, как пришли повеселевшие «мальчики», — сейчас он про себя опять называл их так, но почему-то не вслух, — держа, как карты в игре, в растопыренных пальцах и по три и даже по пять радиogramм, и Галанин принялся за веселую работу, будто и не было ни опасности, ни угрозы. Но Волошина в радиорубке не появилась.

«Ну да, — подумал он, — позже вечером, когда она придет помогать Галанину, она и даст свои телеграммы. Сейчас она знает, что я сижу в рубке»... Но вышел из рубки только через час.

Обед подали рано. Список дежурств висел на стене, все торопились на места. Адылов предупредил, что к взрыву все готово.

Итак, Малышев пока что занят. А вот завтра, если взрыв пройдет удачно, он придет сюда. Прилетит. Приплывет. Как-нибудь, да доберется!

Волошина к обеду не вышла. Салим необыкновенно торжественно сообщил:

— Работает. Пишет. Попросила только кофе. Сама варит.

И все заговорили тихо.

Чердынцев проводил мальчиков на посты и вернулся к Галанину. Там уже шел оживленный разговор. Коржов спрашивал, не произойдут ли обвалы от такого мощного взрыва. Его люди не желают выходить из шахты.

Адылов требовал вывести всех нагора.

Уразбаев спрашивал Чердынцева, может ли взрыв увеличить подвижку ледника.

Чердынцев сообщил, что передаст данные только в шестнадцать часов: посты расположены на разном расстоянии. Сейчас ледник в напряженном состоянии, но обрывов и расколов нет.

Из Ташбая сообщали, что в горах снова началось ненастье, идет снег с дождем, че-

рез два часа напор воды из горных рек увеличится, и торопили со взрывом.

Лишь за пятнадцать минут до взрыва Чердынцев вспомнил о Волошиной.

Он постучался. Волошина сидела за столом. Два пустых джезве показывали, что она крепко отравилась кофеином. И верно, лицо было белое, глаза блестели, под ними темнели пятна. Стол был завален исписанными листами.

Чердынцев подошел к столу, положил руку на белый лоб. Руку словно опалило.

— Вам надо отдохнуть. Выйдемте, посмотрим взрыв.

— А разве отсюда будет видно?

— Мы еще успеем подняться в гору.

Она послушно обула башмаки, привычно надела штормовку Галанина. Чердынцев подал ей свой ледоруб.

Обзорную площадку он присмотрел раньше и даже очистил подход. Это было в тот день, когда Уразбаев сообщил, что канал будут прокладывать взрывом.

Он помог Тамаре Константиновне подняться и показал рукой на запад. С площадки отчетливо виднелась запруда завала. Озеро казалось зажатым между горами, и почему-то представлялось, что оно рвется уйти из этого плена. И невольно думалось о той бешеной силе, которая заключена в

этой стекловидной массе, нависшей над ущельем, над кишлаком, над всей долиной и всеми кишлаками и городами, прижавшимися к пустой сейчас реке.

Чердынцев видел, что Тамара Константиновна столь же отчетливо почувствовала эту сжатую силу, она даже вздрогнула, но сделала вид, что ей просто стало холодно, запахла потуже полы штормовки.

Он взглянул на часы. Было сорок пять, пятьдесят девять, и принялся механически отсчитывать:

— Шестьдесят. Пятьдесят девять. Пятьдесят восемь. Пятьдесят семь...

Волошина удивленно взглянула на него.

— Я думала, так считают только при пуске ракеты...

— Последняя минута всегда отсчитывается наоборот. И потом, этот взрыв по мощности не уступит никакой ракете. Неужели вы ни разу не видели взрывы, которые устраивает ваш муж?

— Я ни разу не была там, где он слушит...

— Я тоже не специалист по взрывам, но достаточно представить, что он намерен выбросить миллионы кубометров земли и камня в одну секунду, чтобы понять, какой силы и сложности этот взрыв. Я бы сказал, что вам повезло — иметь мужем такого человека...

— Когда он был моим мужем, он ничем не выделялся из тысяч других офицеров...

— А мне сказали, что его наметил для производства этих работ сам командующий. Они впервые говорили о Малышеве так свободно и даже благожелательно. И Чердынцев невольно подумал, а не делает ли человека большим или маленьким, приятным или неприятным именно то дело, которым он занимается. Вот ведь и Тамара Константиновна прежде всего заинтересовалась в нем, Чердынцеве, не красотой, не умом, а только необычностью его профессии. И какое, в сущности, ему, Чердынцеву, дело до того, муж ей Малышев или бывший муж, ведь ему, Чердынцеву, Тамара Константиновна нравится сама по себе, как нравится и ее работа, ее участие в его делах, участие к нему самому, к его судьбе. Так почему он все время пытается оттолкнуть ее, чуть ли не отдать на руки этому Малышеву, который, несомненно, заслуживает любви, несомненно, отличный работник, но который именно сейчас мешает Чердынцеву самим фактом своего существования.

Все эти мысли пробежали за тот короткий отрезок времени, пока он досчитывал: «Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Один!» На последнем слове под ними закачалась земля, а далеко на горизонте, за темным туловищем прилегшей на краю воды преграды в небо вырвался огромный длинный смерч огня и дыма, извиваясь и уходя все дальше и дальше. Впрочем, это им могло просто показаться. Но небо постепенно все наполнилось и наполнилось громом.

Чердынцев смотрел на гребень преграды с естественной боязнью: он мог и попользти от такого мощного взрыва. Но нет, этот молодой офицер отлично знал свое дело!

— Как великолепно! — наконец вымолвил он. И пояснил, как будто Волошина сама этого не понимала: — Такой направленный взрыв заменяет многомесячную работу тысяч человек...

— Мы же не знаем, удался ли он? — раздраженно сказала Волошина.

Она, кажется, завидовала тому, с каким удовольствием говорил Чердынцев о работе ее мужа, а может, и ревновала. Никогда не знаешь, что может придумать женщина, если почувствует себя оскорбленной!

— Я верю в опыт и талант этого человека! — твердо сказал Чердынцев и склонился над «доносчиками», как назвала Волошина его мерители. Сейсмографы показали незначительный, поверхностный толчок в полтора-два балла. Можно было не бояться ни сдвига ледника, ни осадки плотины. Но суммированный отчет придется передать только после возвращения остальных гляциологов.

Над станцией вспыхнула ракета. Чердынцев вызывал Галанина. Адылов радиовал:

«Взрыв проведен на редкость удачно. Во всех почти точках, предназначенных под вторые шурфы, порода выброшена вчистую. Начали углубляться снова. Крупные камни и остатки породы между шурфами убирают бульдозерами. Как у вас?»

Чердынцев ответил:

«Сейсмографы отметили такой незначительный толчок, что можно не опасаться сползания ледника. Дополнительные данные поступят позднее».

— Вы бы еще поздравили их! — сказала Волошина, читавшая радиogramму через его плечо.

Он оглянулся на ее злое лицо и добавил: «Поздравляю капитана Малышева с большим успехом. Чердынцев».

Перебросив радиogramму Галанину, он снова посмотрел на Тамару Константиновну. Губы ее были сжаты, лицо не обещало ничего доброго. Он пожал плечами и вышел из радиорубки.

Как он и предполагал, на всех мерительных точках все было в порядке. Зашел к себе, составил отчетную радиogramму со всеми данными и снова прошел к Галанину. Волошиной в рубке не было.

Не было ее и в столовой, где гляциологи шумно обсуждали успех взрыва. О взрыве рассказывал Салим: он влез на крышу станции, чтобы посмотреть на это чудо. По его словам, взрыв полз по земле, как огненный змей с черной гривой. Сначала Салим боялся, что змей поглотит кишлак, там жили его отец и мать, там жила невеста и ее родители и братья, но змей уполз вдоль реки мимо кишлака и исчез в ущелье. Чердынцев невольно подивился этому образному рассказу. Он видел то же самое, но совсем иначе.

И пожалел, что Волошина не слышит этого простодушного рассказа. А потом пожалел о том, что рассердил ее.

Он нарочно оставил свою дверь приоткрытой: знак смирения. Но ее шагов в коридоре не слышал. И в комнате у нее было тихо. Он с излишней тщательностью заполнил страницы своего служебного дневника, перелистал и подпisał или составил десятки каких-то мало нужных документов, а Волошиной все не было слышно, словно она исчезла или, что совсем уже страшно, умерла. Раз два принимался шагать по комнате, подходил к стенке с тяжелым пресс-папье в руке, намереваясь постучать, но так и не постучал, отступая с такой осторожностью, словно она могла увидеть его сквозь стену.

Часто поглядывал на часы, но они словно бы приостановили свой бег. Принимался читать что-то, не удерживая в памяти ни фразы, ни имени автора. Все это было похоже на перенесенную им однажды болезнь — тропическую лихорадку, когда и тело и мозг словно выжаты жаром, ни на чем невозможно сосредоточиться, хочется только холода, холода и воды, воды. Сейчас ему хотелось дышать тем воздухом, которым дышит она, видеть ее, говорить с ней, пусть даже она не слушает, но говорить для нее, говорить о ней. Он грубо рассердился на себя: опять эта сдача на милость! А ведь он же знает, что победительницы в этой битве никогда не бывают милостивы...

Салим загремел посудой в столовой, он всегда гремел тарелками, а потом еще колотил в гонг, когда все уже стояло на столе. Он любил свое дело и хотел делать его шумно.

Чердынцев вышел в столовую, когда ему показалось, что все уже сидят за столом. И ошибся: Волошиной не было.

Он сердито выговорил Салиму:

— Пригласите Тамару Константиновну!

— Она молчит! — с испуганным лицом ответил Салим.

Чердынцев подошел к двери, сильно постучал. Волошина не ответила. Тогда он толкнул дверь, заглянул в комнату. Волошина спала. Она лежала одетая, поверх одеяла, уткнувшись лицом в ладонь, но и от дверей было видно, что на лице бродит улыбка, словно она видит во сне нечто необыкновенно радостное.

А он-то думал!.. Да мало ли что мог подумать он! Ей не было никакого дела до того, что подумает Чердынцев о ее безмолвии. Ей больше всего хотелось поспать. Особенно после такой ночи, какая была перед этим, в Ледовом приюте. Он с досадой окликнул:

— Тамара Константиновна!

— А, что? — Это еще спросонья, а затем томительно, все с той же счастливой улыбкой: — Кажется, я заснула? — Тут она увидела свет в двери, мрачную фигуру Чердынцева, села на кровати, поджав ноги, строго спросила: — В чем дело?

— Вас ждут к ужину, — сухо ответил он.

— Да? Сейчас. — И ни следа сна ни в одном глазу, ни в голосе.

Ничего не оставалось, как прикрыть дверь.

Но и ее выход к столу не доставил ему удовольствия. Она появилась, розовая, улыбающаяся, кокетливая и мгновенно очаровала всех. Кроме Чердынцева. Его она словно не видела. Каракозова послала за гитарой, у Салима попросила вина: «Ведь сегодня праздник! Предмайский вечер! И потом, этот удачный взрыв!» Она словно бы мстила Чердынцеву за его недавнее восхищение капитаном Малышевым. И все бросились исполнять ее просьбы-приказы: Саша побежал за гитарой, Салим, даже не взглянув на начальника, будто его и на самом деле тут не было, принес несколько бутылок, «мальчики» окружили гитариста и Волошину, разлили вино, правда, стакан Чердынцева не обнесли, а потом и выпили, а так как Волошина поднесла стакан к губам, только помавав им в воздухе, а не чокаясь, то и другие не стали чокаяться, и вот уже прозвенела струна, пока еще нерешительно, но уже совсем по-праздничному...

Чердынцев отодвинул недоеденный ужин, отставил недопитый стакан, встал из-за стола, попрощался кивком и ушел к себе.

Вот так это и будет всегда, если ты позволишь ей взять твоё сердце! Уже не ты, а она станет средоточием жизни, центром Вселенной и того узкого круга, который, в сущности, и именуется кругом жизни. Твои друзья и твои помощники, ученики, если таковые будут, станут вращаться совсем не по той орбите, на которую ты их поставишь, а начнут перемещаться, сталкиваясь, может быть, страдать при катастрофах, а потом придет кто-то достаточно сильный, чтобы покорить и увлечь ее, и тогда ты, сам постаревший от разочарований и несчастий, собьешься с пути, и все, чем ты жил, покажется тебе не стоящим одного ее слова, голоса, дыхания... И это окажется концом для тебя, а для нее все еще будет лишь трамплином, с которого она сможет совершить новый прыжок: ведь ее прельщают не те мелочи быта и не те удобства, которые держат многих женщин, она рвется в космические высоты и ищет удовольствия не столько в чувстве, сколько в игре ума. Пусть даже и не своего ума, она согласна быть спутником при пылающей Звезде, но требует, чтобы свет Звезды все время падал на нее и освещал ее для посторонних глаз. А уж тогда она докажет, что заимствованным светом светит именно Звезда, а подлинный свет излучает она...

Так он думал, растянувшись на своей походной кровати, даже не сняв башмаков, и не понимал, чего больше в этих его размышлениях — недоверия к ней или ревности? Еще ничто их не связывало до конца, а он уже ревновал ее ко всему будущему и страшился, что оно, несуществующее, будет когда-нибудь разбито. Не слишком ли преждевременны эти мечтания? И эти страхи?..

Веселье в столовой становилось все более шумным. Там опять пели, кто-то передвигал стулья, видимо, собирались танцевать, слышно было, как звенели стаканы, наверно, чокались с Волошиной. Чердынцев встал, накинул куртку и бесшумно вышел через коридор и кухню на улицу.

Конечно, он сам виноват в том, что распустил мальчигов. Никто из них не вспомнил о вечерней проверке датчиков. Один Галанин вернулся в радиорубку, да и то, должно быть, по просьбе друзей: стучит

ключом, передавая праздничные поздравления.

Чердынцев включил фонарь и пошел по горной тропке вдоль края ледника, посвятившая под ноги. С мыса, от которого начался поворот по леднику на север, оглянулся. Станция сияла всеми окнами, как бывало в лучшие времена, когда его помощники не отплясывали твист или фокстрот, а работали, каждый в своей комнате, за своим столом, когда все распоряжения выполнялись без напоминаний, на дежурство выходили на пять минут раньше. Какое счастье было время! А сейчас все сидят в столовой, огни горят в пустых комнатах, даже об экономии энергии забыли. Пир во время чумы, и только!

Он ступил на морену и сразу отвлекся от сердитых мыслей. На морене нельзя ни о чем думать, кроме тропы.

Приборы равнодушно стояли на своих местах, самописцы терпеливо чертили свои линии. Можно было и не приходить сюда. Но Чердынцев упрямо перематывал все ленты, словно нарочно оттягивал возвращение.

И домой шел так медленно, как будто надеялся, что утро застанет его в пути.

Не доходя до мыса, посветил на свои часы: увы, еще и до полночи далеко! Но не бродить же всю ночь без дела по горным тропам! Вышел на мыс, вскинул глаза: станция была освещена, как и в тот вечерний час, когда он уходил. Видимо, веселье еще продолжалось. Следовало найти еще какое-нибудь дело.

Он спустился к озеру.

Водомерная рейка показывала прибыв воды за истекшие сутки почти на два метра. Трап, привязанный тросами к вбитым в лед пешням, всплыл: завтра придется подтягивать еще выше. Только определив эту последнюю заботу, Чердынцев поплелся в

гору, осторожно ступая на скользкие ступеньки.

Он вернулся через черный ход, в сушилке переобулся, повесил мокрые башмаки на спицы и обул домашние туфли. Пробираясь по коридору, мимоходом заглянул в столовую. Там было пусто, только Салим собирал посуду.

Открыв дверь в свою комнату, он остановился на пороге: так сжалось сердце. Волошина сидела на его постели, поджав ноги и накрыв их полами халата. Перед ней на стуле стояла электрическая плитка, а на плитке — в джезве — кипятился кофе. На столе, покрытом с угла белой скатертью, открытая бутылка коньяка и две рюмки. Волошина подняла на него насмешливые глаза, сказала:

— Смирная рабыня ждет прихода своего господина, — и склонила голову.

— Зачем вы так? — неловко пробормотал он, закрывая дверь.

— Потому что вы не зашли бы ко мне! — с вызовом ответила она. — Неужели вы думаете, будто я не заметила, как вы ревновали меня к своим мальчикам? Вы и любите и ревнуете одинаково неуверенно и печально. Для спасения вашей репутации мне пришлось даже пофлиртовать с ними.

— И вы пришли ко мне именно для того, чтобы сообщить об этом?

— Не надо, милый... В ее голосе слышались чуть ли не слезы.

«Ах, ты болван!» — выругал он себя. Ведь это она пришла к тебе просить прощения. А если бы она не пришла?

Ему стало вдруг страшно. А что, если бы не пришла...

Волошина легко спрыгнула с постели — кофе закипел, — взяла джезву за длинную ручку, взболтнула пену и гущу, чтобы все перемешалось, разлила в чашки. Она опять

чувствовала себя хозяйкой в этой холостяцкой комнате, и уже никакой жалобы не было в ее голосе, только радость и еще, может быть, некая женская властность, опять-таки властность хозяйки, когда она сказала:

— Ну, садитесь...

Она сняла плитку со стула и опять забралась с ногами на его постель. Он сел и неуверенно налил рюмки.

Но выпила она охотно. Как охотно пила и кофе. И он опять испытывал к ней ту нежность, которая приходила только по ночам, как будто днем он видел ее иначе. Впрочем, наверно, днем она и была иной. Холоднее, рассудочнее, жестче. А сейчас стала нежной, заботливой. Такой, какой он ее любил.

Ее горячая рука с тонкими пальцами все время встречалась с его холодной грубой рукой, когда она брала рюмку или чашку или подавала их ему, и эти короткие прикосновения были как призыв. И он не удивился, когда услышал:

— И ты все равно хочешь оттолкнуть меня?

— Нет...

— Вот-вот, — уличила она. — Ты даже говоришь неуверенно...

— А если снова появится Малышев?

— Я тебе уже сказала: это давно кончилось.

— Точно так же ты скажешь и обо мне: это давно кончилось...

— Тебе очень хочется обидеть меня?

Он сам не знал, чего же ему хочется. Но разговаривать о Малышеве было то же самое, что бередить рану. Больно, но копаться...

Продолжение следует.

ТУРНИРНЫЙ ЭПИЗОД

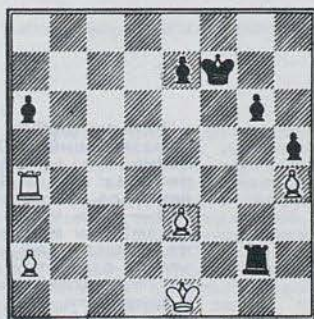
Михаил БОТВИННИК

После поражения в матче с Украиной (4:6) в финале IV Спартакиады команда Москвы потеряла почти все шансы на золотые медали — уверенно лидировала сборная России. Однако от московской команды все можно было ожидать, ибо звезд шахматных здесь было собрано более чем достаточно!

Действительно, москвичи сумели задержать лидера, отобрав у него 6½ очка, но решающий матч нам предстоял с ленинградцами. Это был, по сути дела, наш последний шанс наверстать потерянное...

Мне пришлось встретиться со старым партнером Марком Таймановым. Старым, конечно, в кавычках, поскольку он моложе автора этих строк почти на 15 лет, но все же старым партнером, так как, если мне не изменяет память, первую нашу партию мы сыграли лет 30 назад. Тогда маленький Марк играл в сеансе одновременной игры во Дворце пионеров в Ленинграде и партия закончилась ничью. И на этот раз, после взаимных ошибок, несмотря на отсут-

ствие пешки в ладейном окончании, мой партнер должен был бы добиться ничейного исхода. Увы! Последовала еще одна неточность, и в позиции, изображенной на диа-

грамме (белые — Тайманов: Крe1, Лa4, п. a2, e3 и h4. Черные — Ботвинник: Крf7, Лq2, п. a6, e7, q6 и h5), положение белых можно было оценить как безнадежное. После хода Лq2—q4 черные завоевывают пешку h4, и две связанные проходные пешки на королевском фланге должны обеспечить выигрыш. И вдруг последовало:

36. Крe1 — f1!
Вместо того, чтобы взять пешку a6 и создать себе проходную, белые делают, казалось бы, бессмысленный ход — ведь после 36... Лq4 они все равно должны будут уничтожить черную пешку на ферзевом фланге?

Оказывается, нет! Мой партнер нашел хитрый путь — он ищет спасение в пешечном эндшпиле. В случае 36... Лq4 37. Лq4 hq 38. Крq2 q5 (единственная надежда на выигрыш партии: после 38... Крf6 39. Крq3 Крf5 40. e4+! Крe4 41. Крq4 e5 42. Крq5 Крd5 43. Крq6 e4 44. h5 e3 45. h6 e2 46. h7 e1Ф 47. h8Ф Фq3+48. Крd2 Крf3 49. Крd3 e5 48. e4 Крd4 49. Крd2 Крe4 50. Крe2 Крd4 51. Крd2 Крc4) 39... Крq7 40. Крq3 Крh6 41. Крq4 не

белые, а черные должны потерпеть поражение!

Дело в том, что черные оказываются в цугцванге и теряют пешку q5, например, 41... a5 42. e4 a4 (или 42... e5 43. a4!) 43. e5 e6 44. a3!

Итак, положение осложнилось, и пришлось черным придумать спасение. Вместе со мной эту позицию обдумывали и те мастера и гроссмейстеры, которые уже закончили игру или у которых над очередным ходом думали партнеры... Но что же делать? Ничья так ничья, хотя ½ очка команде Москвы нужны были, как говорится, до за-

резу!
Однако минут через 10 — хорошо, что в запасе было около 30 минут времени, — черные, к общему удивлению, пошли на этот, казалось бы, бесперспективный пешечный эндшпиль.

36... Лq2—q4
Единственный путь. В ладейном окончании белые добиваются ничьей, если они сохраняют пешку h4.

37. Лa4:q4 h5:q4

38. Крf1—q2 q6—q5

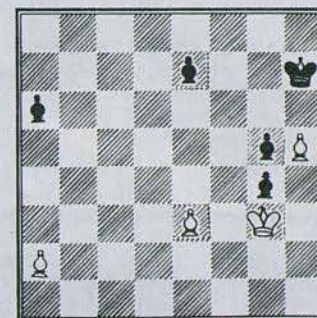
Эффект этого хода был исключительным. Очевидцы передают, что даже один весьма именитый гроссмейстер сокрушенно качал головой по поводу этого ошибочного хода, обращая внимание двух других гроссмейстеров на положение, которое возникло на демонстрационной доске: два его собеседника также понимающе закивали головами... Дальнейшее не заставило себя ждать!

39. h4—h5 Крf7—q7

40. Крq2—q3 Крq7—h7!!

Вот где зарыта собака! Оказывается, что не черные, а белые в цугцванге... Лишняя пешка хотя и сдвоенная, но скрывается. Если черные могут маневрировать королем перед неприятельской пешкой h5, передавая очередь хода противнику, то белые лишены этой возможности (маневрировать относительно пешки q5), поскольку пешка q4 контролирует поля f3 и h3.

Мой партнер не учел этой тонкости, когда решился на свой 36-й ход, но разве можно ставить это М. Тайманову в вину? Замысел был весьма хорош, и объективно это было наилучшим решением.

41. Крq3:q4

Иного хода нет.

41... Крh7—h6

Здесь мой партнер записал свой ход, запечатал его в конверт и отдал конверт судье. Далее М. Тайманов выразил желание посмотреть партию, и ход за ходом мы приблизились к позиции, которая изображена на диаграмме.

— Марк Евгеньевич, — сказал тогда автор этих строк, — мне не трудно было найти решение в этом пешечном конце, так как 30 лет назад Г. Я. Левенфиш выиграл у меня партию аналогичным способом...

Действительно, в одной из наших матчевых партий 1937 года в ладейном окончании у меня недовостановлено пешки, и я не сумел спастись, так как не мог перевести игру в пешечный эндшпиль.

— Так как же вы собираетесь играть? — последовал вопрос, на что и было продемонстрировано следующее:

42. a3 (записан был, как потом выяснилось, ход 42. e4, но дело сводится лишь к перестановке ходов) 42... a5 43. a4 e6 44. e4 e5 45. Крf5 Крh5 46. Крe5 q4 47. Крf4 (или 47. Крd4 Крh4 пешка проходит в ферзи с шахом) Крh4 48. e5 q3 49. Крf3 Крh3 50. e6 q2 51. e7 q1Ф 52. e8Ф Фf1+ 53. Крe4 Фe1+ и белые теряют ферзя! М. Тайманов пожал мне руку, и на этом партия закончилась.

Команда Москвы прибавила в свой актив после матча с Ленинградом еще 7½ очка и практически обеспечила себе победу на Спартакиаде.

«Рост благосостояния обеспечивается у нас, во-первых, путем повышения заработной платы рабочих и служащих, ...во-вторых, за счет расширения общественных фондов для бесплатного удовлетворения нужд населения или предоставления льгот в получении образования, медицинском обслуживании, социальном обеспечении, отдыхе».

Из Тезисов ЦК КПСС к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

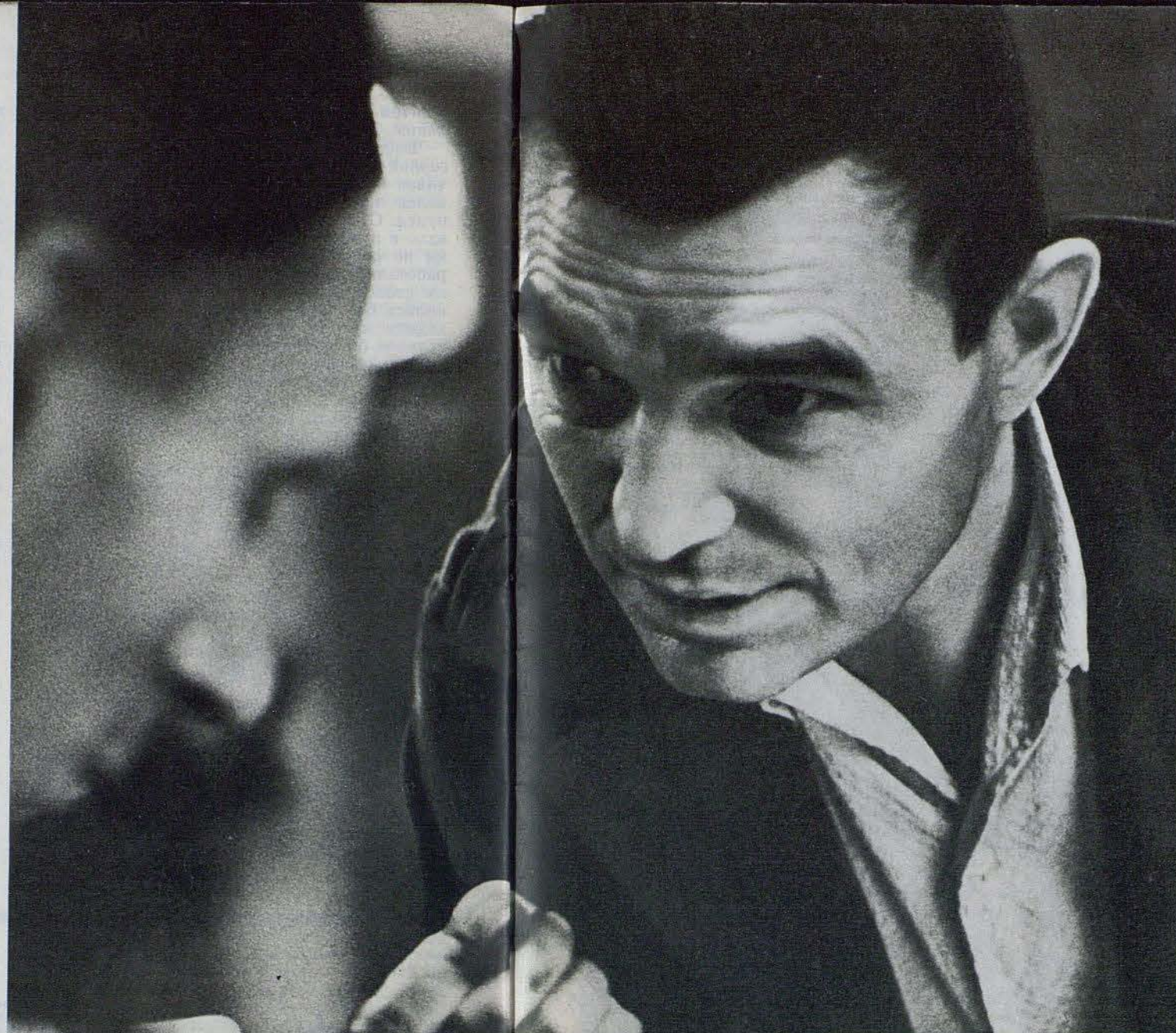
ЗОЛОТОЙ ФОНД

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото А. БОЧНИНА.

РАССКАЗ О СЕМЬЕ МИНСКОГО РАБОЧЕГО НИКОЛАЯ БЫКОВА С ЛИРИЧЕСКИМИ И СТАТИСТИЧЕСКИМИ ОТСТУПЛЕНИЯМИ

Софья Константиновна Быкова — машинист подъемного крана.

Глава семьи Николай Федорович Быков.

Уильям Дюбуа, видный ученый и общественный деятель, приехавший в Советский Союз из США, писал, что население тут «...избаловано от тревог, которые гнетут американца: как он будет жить, когда состарится? Как он будет лечиться, когда заболит? Как дать образование своим детям — ведь стоимость образования растет не по дням, а по часам? Как можно позволить себе отпуск, когда в доме нужна каждая копейка?.. Советский гражданин знает, что во всех этих вопросах его защищает государство». Блага, перечисленные нашим зарубежным гостем, не заносится в ведомости и не записываются в расчетные книжки советских людей. Блага эти поступают из общественных фондов потребления и растут из года в год. В 1966 году они выражались весьма солидной цифрой — 45,2 миллиарда рублей; наполовину больше, чем шесть лет назад. А в юбилейном году эта цифра будет еще более внушительной: за первую половину 1967 года советские люди уже получили из общественных фондов 24,1 миллиарда рублей. Так сообщило Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР. Это общий итог. Сколько же получает один человек? 417 рублей в год в пересчете на одного работающего. Или 185 рублей на душу населения. А если задать еще более конкретный вопрос: какое место занимают общественные фонды в бюджете самой обычной советской семьи? Не среднестатистической, а конкретной семьи Ивановых, Петровых или Сидоровых?

...

Этот отдел ведет огромную научно-исследовательскую работу. На протяжении многих лет со скрупулезной точностью, вплоть до копеечки, изучаются бюджеты тех самых семей. Это семьи рабочих и колхозников, инженерно-технических работников и служащих. Живут они в разных краях нашей страны.

Теперь уже выбрать самую обычную семью просто. Пусть это будет рабочая семья. И живет, ну, скажем, в Минске. Состав ее должен быть опять-таки самым обыкновенный, типичный: двое взрослых, двое детей. Профессия главы семейства пусть будет одна из самых распространенных, массовых.

Например, электрослесарь. Электрослесаря можно встретить в любом цехе, мастерской любого колхоза, даже в ЖЭБе. Наконец мне назвали человека, который отвечал всем этим самым требованиям. Фамилия его Быков, Николай Федорович Быков. Работает он на рессорном заводе, поставщике рессор для тяжелых МАЗов. Бюджет его семьи в Статистическом управлении Минска значится под № 117/6.

Вместе со старшим статистиком Юзефой Леонидовной Харкевич садимся на «семерку». Трамвай долго колесит по улицам, бежит по мостам над Свислочью...

— Ну и далеко же живет ваш подопечный! Вероятно, на самом краю города?

«Край» оказывается широченной магистралью, которая не уже Ленинского проспекта в Москве. Большие, недавней постройки зда-

ния, магазины, очень много зелени. Квартира Быковых на втором этаже. Двухкомнатная, уютная, с современной мебелью. Дома сама хозяйка, Софья Константиновна.

— У меня сегодня выходной, а работаю я вон там, видите, стрела плывет над деревьями?

Софья Константиновна — машинист 12-тонного козлового крана на том же рессорном заводе, что и муж. Завод — по другую сторону шоссе, чуть наискосок от дома. Но сразу и не подумаешь, что там завод: со стороны трамвайной линии — стена густого сада.

Николая Федоровича нет дома. Вчера выписался из больницы, пошел оформлять на завод бюллетень, а заодно и очередной отпуск.

— Долго ли болел?

— Долго, почти два месяца...

ОТСТУПЛЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ. Тут же с помощью Ю. Л. Харкевич перевозжу два больничных месяца в рубли: день пребывания одного человека в больнице обходится государству в пять рублей. В месяц, следовательно, сто пятьдесят, два месяца — триста рублей. Быков, конечно, не платил больнице ни копейки, наоборот, получит еще по больничному листу девяносто процентов зарплаты. Заработная плата у Николая Федоровича 110—115 рублей в месяц. И еще пособие...

— Какое пособие? Что случилось с вашим мужем?

Случилось давно. — Софья Константиновна села на софу, приготовилась рассказывать, но в это время в коридоре хлопнула дверь. — А вот и он сам.

Знакомимся. Крепкий, черноволосый человек средних лет подает руку, и я замечаю, что у него на левой нет двух пальцев.

Володя Быков — электрослесарь, как и отец, и заядлый футболист.

Валя Быкова еще учится в школе.

Статистик Юзефа Леонидовна Харкевич (слева) — свой человек в доме Быковых.

Лицо у Быкова открытое, приятное. Хочется узнать об этом человеке побольше.

ОТСТУПЛЕНИЕ ЛИРИЧЕСКОЕ. В 1944 году сын зилковского столяра, радист Николай Быков участвовал в боях за Минск. Когда город освободили, его воинская часть осталась здесь. Из подвалов, уцелевших под развалинами, из сараюшек и бомбоубежищ выходили люди, радостные, взволнованные: «Свои! Наконец-то!» Зеленые лужайки превращались в танцплощадки. На одной такой импровизированной танцевальной эстраде возле парна Челюскинцев старший сержант Быков встретил статную светло-русую девушку Соню. Было ей всего шестнадцать лет... Поженились, когда демобилизовался. И москвич стал минчанином.

Быков пошел на рессорный завод, тогда он назывался еще заводом металлоконструкций. Жили в бараке, в лесу, в ту пору тут кругом стоял лес. В сорок восьмом родился сын Владимир. А когда появилась дочь Валентина, перебрались в кирпичный дом, правда, еще не в отдельную квартиру, пока только в комнату, но в дом со всеми удобствами. Квартиру, в которой живут сейчас, завод предоставил в шестьдесят втором...

— Сколько платите за нее в месяц?
— Одиннадцать рублей.

ОТСТУПЛЕНИЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ. Одиннадцать рублей, или четыре процента от дохода семьи Быковых. Но это не полная стоимость эксплуатации квартиры. Государство дает дотацию. Тридцать копеек за один квадратный метр. В месяц около девяти рублей. За год 104 рубля. Кстати, не каждый жилец государственной квартиры это знает.

— А что случилось у вас с рукой?

— Ну что тут рассказывать? Сверлил деталь на станке, придерживал ее левой рукой. А деталь сорвалась, руку сверлом подтащило и прямо по пальцам. Хорошо еще, левую. Отсюда все последствие. С тех пор со здоровьем похуже стало. Почти каждый год бюллетеню. Инвалидность дали. Третью группу. И пособие. Если заработаю меньше 120 в месяц — государство доплачивает.

— Вот вам и еще один общественный фонд, так сказать, видимый, на руки получаете, — вступает в разговор Юзефа Леонидовна. — А что, если нам подбить общий итог вашему бюджету?

Николай Федорович достал приходо-расходную тетрадку, в которой он записывает каждый день все до копейки: сколько истратили на питание, что купили, где — в кино или театре — были. В статистическом управлении города он даже благодарность и премию за такое образцовое ведение бюджета получил. Ю. Л. Харкевич достала свои документы и записи за 1966-й и прошлые годы, и начался подсчет дохода семьи Быковых.

ОТСТУПЛЕНИЕ, на сей раз самое большое и самое главное, в виде таблицы и других статистических выкладок.

Кроме того, в 1966 году семья получила выплаты и льготы из общественных фондов, не учитываемых в бюджете семьи:

1. Стоимость обучения Владимира (в вечерней школе рабочей молодежи) и Валентины в средней школе — 237 рублей;

2. Стоимость лечения за 23 дня пребывания в больнице, посещение поликлиники (19 раз) — 138 рублей;

3. Другие выплаты и льготы от государства на просвещение и культурно-просветительные нужды — 40 рублей;

4. Расходы на содержание жилого фонда, не покрываемого заработной платой, — 104 рубля;

Итого: 519 рублей.
Все выплаты и льготы из общественных фондов потребления в бюджете № 177/6 за 1966 год составили 1 160 рублей, из них 641 рубль учтен в бюджете семьи и 519 рублей, не учитываемых в бюджете.

Если к денежному доходу семьи за 1966 год добавить выплаты и льготы из общественных фондов, не учтенные в бюджете, то есть 519 рублей, то общий доход семьи

составит 4 068 рублей. Доля всех выплат и льгот из общественных фондов за 1966 год составила 29 процентов в общем доходе семьи.

Естественно, что некоторые статьи общественного фонда: оплата отпусков, премии — возрастают соответственно увеличению заработной платы. А общая зарплата в семье Быковых неуклонно повышается.

...Подросток, выучился сын и стал, как отец, электрослесарем. Работает Владимир в прессовом цехе автозавода. К сорокалетию со дня рождения матери, Софьи Константиновны, которое отмечалось очень торжественно, купил в рассрочку сервант. Сейчас Быковы собираются купить «Нистру», стиральную машину, на очереди — холодильник. Чаще стали ходить в кино, театры, музеи, больше стали выписывать газет и журналов. Почтальон уже знает, что и кому несет он в квартиру № 32: отцу — «Известия», матери — «Работницу» и «Киноделю», сыну — «Знамя юности», а дочери — «Пионерскую правду».

Как распределяются в семье деньги, каковы расходы?

ЕЩЕ ОДНО СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. ПОСЛЕДНЕЕ.

	1960 г.	1965 г.	1966 г.
Весь денежный расход семьи	2 203	3 104	3 595
В том числе:			
На покупку продуктов питания (включая общественное питание)	902	1 264	1 417
На покупку непродовольственных промышленных товаров	730	1 095	1 053
Расходы на театры, кино и другие культурно-просветительные цели	39	54	78
Расходы на оплату бытовых услуг	130	288	428

	1960 г.	1965 г.	1966 г.
Весь доход — рублей	2 296	3 131	3 549
В том числе:			
Заработная плата	2 069	2 236	2 759
Поступления из общественных фондов потребления (учтенные в бюджете семьи):			
Пособия по социальному страхованию	88	290	252
Стипендии	—	282	151
Пенсии	—	49	94
Другие поступления от государства	46	153	143
Прочие поступления	93	121	150

Накапливается и своя библиотека. В ней еще немного книг, но зато в заводской — кстати, вот еще одно использование невидимого общественного фонда — у Быковых самый пухлый формуляр.

Отдыхают Быковы обычно в Подмоскowie, у старинов. Дети любят деда и бабушку, и не было еще лета, чтоб не погостили у них.

А зимой — однодневные дома отдыха. Прошлые зимние каникулы Валя провела в санатории. Помог местном, и снова из средств общественных фондов.

Так живет семья обычного минского рабочего. И, как у всех семей нашей страны, помимо зарплаты, которую они получают два раза в месяц на своих предприятиях, есть у них еще один доход — из общественных фондов, незбылемых фондов, не подверженных ни времени, ни курсу валюты. Поистине вечный, золотой фонд!

Минск. Обычная рабочая улица. Здесь живут Быковы.

Ю. Кугач. СЕЛЬКОР.

С. Дудник. КОМСОМОЛЬЦЫ 20-х ГОДОВ.

ХУДОЖНИКИ МОСКВЫ-ОКТЯБРЮ

Г. НИССКИЙ,
народный художник РСФСР

Еще ни разу московские художники не выступали так широко, так полноправно перед своими зрителями, как на выставке, посвященной пятидесятилетию Октября.

Диапазон этой выставки значителен во всех смыслах. Здесь расположились работы совсем молодых художников и известных академиков. Здесь были живопись, графика, скульптура, монументальное и декоративно-прикладное искусство, театральная и кинодекорация. Здесь были произведения, посвященные революции, гражданской войне, мирным пятилеткам, Отечественной войне, борьбе за мир и самым различным проявлениям сегодняшней жизни Страны Советов.

Многие художники посвятили свои работы Владимиру Ильичу Ленину. Это живописцы В. Буланкин, М. Никонов, М. Суздальцев, скульпторы Г. Нерода, Л. Кербель, графики Д. Бисти и В. Щеглов...

Наверно, это закономерно, что целая группа живописцев — люди одного поколения, ровесники Октября, которые росли и мужали вместе со своей страной, — в этот юбилейный год обратились к теме революции, к первым послереволюционным годам: А. Плотнов пишет «Зимний взят», Н. Горлов в «Поэме о Революции» рассказывает о дружбе солдата и матроса, Ю. Кугач — о гибели селькора.

С. Дудник обладает образным видением и в своей картине «Комсомольцы 20-х годов» сумел найти интересное композиционное и своеобразное пластическое решение. Его герои едины в своем мужестве и в соблюдении принципов чести, но характеры их различны, образы их индивидуальны.

Ленинская тема отражается на выставке во многих произведениях, потому что ленинская тема — это наши дела и наша жизнь сегодня.

Каждый посетитель найдет на этой выставке что-нибудь наиболее близкое для себя. Он сохранит в своей памяти одно-два произведения, которые вызвали у него особенно теплые чувства. Мне дороги работы, в которых художник искренне рассказывает о жизни, хорошо знакомой ему и любимой им. Так, А. Суханов, взяв самую обычную тему — портрет рабочей семьи, создает подлинное произведение искусства. С полотна глядят прямо на зрителя люди разных возрастов, разных характеров — это образы поколений. В композиции есть привлекающая меня достоверность, непосредственность и простота. Картина исполнена с нежным чувством художника, чувством личным к хорошо знакомой ему, а, может быть, и родной семье.

В. Нечитайло знает деревню. Он написал картину «В гостях у молодых». В этом полотне есть та же достоверность и жизненность композиции. Художнику ничего не пришлось придумывать, он пишет то, что знает и любит, и, наверное, от этого так щедро его живописная палитра.

Большой цикл работ, посвященных людям Сибири, и картину «Псковские кузнецы» выставил художник П. Оссовский. Рассматривая произведения Оссовского, невольно вспоминаешь героев русских сказаний, были. Художник ищет собственный путь в искусстве. Он тяготеет к монументально-эпической живописи, героизации образа. Живопись его «Кузнецов» кованая, чеканная.

Самое главное в искусстве — это способность художника найти что-то свое: свою тему, свое видение, свою манеру выражения. Только тогда мы запомним этого мастера. Только тогда мы будем с интересом разыскивать его работы на выставках и с радостью с ними встречаться.

Это может быть репортажная зарисовка или «литературное» сюжетное произведение, это может быть философская композиция. Но зритель заинтересуется ими только в том случае, если художник сможет сообщить что-то дополнительное, кроме известных прописных, знакомых истин, что-то собственное, свое, продуманное и пережитое.

Индивидуальность разнообразна. Мы отмечаем ее в острых рисун-

ках Л. Сойфертиса. В этих рисунках виденные много раз уличные сценки переосмысливаются нами благодаря удивительному взгляду художника. Эти сценки становятся и очень смешными и очень трогательными. Великолепна своеобразная пластика иллюстраций В. Горяева.

Мы видим индивидуальность в спокойных, мягких натюрмортах Ю. Пименова из серии «Вещи людей». Художник рассказывает нам о человеческих характерах и ситуациях при помощи изображения вещей, которые несут на себе еще теплый след человеческого прикосновения или, наоборот, холод и безразличие вещи.

Пейзажи В. Сидорова написаны в своеобразной манере. Его зеленое Подмосковье с холмами, дачами, качелями оставляет у зрителя светлые, радостные чувства. Мы уже запомнили и всегда узнаем суровую живописность Севера в полотнах В. Стожарова.

Но как бы ни было обширно разнообразие творческих индивидуальностей, на больших выставках всегда можно отметить существующую в искусстве тенденцию. На этой выставке «Художники Москвы — 50-летию Октября», как мне кажется, четко обозначился новый поиск в творчестве многих художников. Это — особенно пристальное внимание к человеческому характеру, к человеческой индивидуальности.

Рассказывая об одном своем современнике, раскрывая его духовный мир, задумываясь о его ответственности в жизни, о личности именно этого своего героя, художники стремятся решить публицистические задачи обобщенного характера.

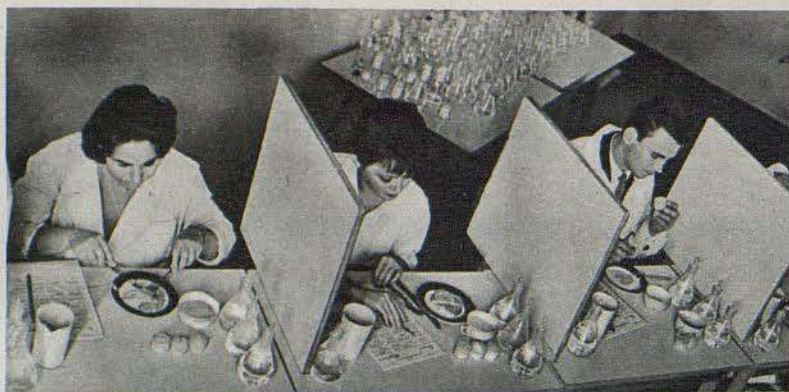
На выставке обращают на себя внимание пять полотен Г. Коржева. Серия картин называется «Опаленные огнем войны». Мы помним героев Коржева по прежним выставкам. Его герои всегда действовали. Действовали благородно, стремительно, мужественно. Теперь его картины внешне статичны. Его герои как будто неподвижны. Они обращены к зрителю — с глазу на глаз.

Художник сам захотел разобраться в их внутреннем мире, исследовать душевный настрой своих героев. И психологические характеристики действующих лиц его картин — это каждый раз глубокая повесть о людях, опаленных огнем войны и выстоявших в испытаниях.

Картины Г. Коржева наиболее характерны для публицистического, психологического направления в живописи. Впрочем, он не одинок. В этом же направлении работают С. Дудник и П. Оссовский в жанре, И. Попов — в портрете, внимательно рассматривают героев своих картин А. Алексеев и А. Папикян. Стремление «остановить» своего героя, чтобы проникнуть в его внутренний мир и дать возможность зрителю ближе познакомиться с ним, свойственно художникам Н. Терещенко и В. Гаврилову. По-моему, это правильный, современный подход в живописи к теме гражданской войны. И мне представляется, что те художники, которые терпят неудачи, терпят их именно потому, что не идут дальше назидательности, дальше поверхностного «тематизма» и не углубляются в область исследования.

На выставке присутствует жизнь многих наших республик и многих стран. Живой и наблюдательный рассказ о рыбаках Азербайджана ведет В. Цигаль в большой серии цветных акварелей. С Каспия же привез свои наполненные ветром и влагой марины Я. Ромас. Приятной торжественностью наполнены декоративные северные пейзажи Д. Космина. Дальним двум поездкам посвящены две большие серии монотипов Н. Пономарева — «Дорога к Асуану» и «Вьетнам». Красивый, свободный рисунок, смелые и уверенные, порой неожиданные композиции привлекают внимание к этим произведениям.

Хорошо, что теперь на выставках мы стали чаще встречаться с теми обыкновенными людьми, с которыми мы встречаемся на улице, на работе, в быту. Мне бы хотелось, чтобы художники еще чаще и глубже запечатлевали их душевный мир, их мысли и видели в этом прекрасное...

Институтские дегустаторы: Галина Динариева, Людмила Лебедева, Николай Скалкин...

Фото А. Бочинина.

К НАШЕМУ СТОЛУ

Летом нынешнего года Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по дальнейшему развитию производственно-технической базы мясной и молочной промышленности».

Что нового будет предложено к нашему столу в ближайшее время? Об этом рассказали нашему корреспонденту М. Ходакову видные специалисты пищевой промышленности.

Рано утром вся страна садится завтракать. Съедаются миллионы булочек, яиц, тонны колбас, масла и сыров, выпивается целая молочная река. Впрочем, может быть, молоку вы предпочитаете кефир или ацидофилин, ряженку или сливки, творожный сырок или сметану? Не хотите ли баночку йогурта? А пробовали ли вы кумыс из коровьего молока? Зерновый творог со сливками? Белковое молоко? Почти триста видов вкусных и питательных продуктов разработал Всесоюзный научно-исследовательский институт молочной промышленности.

— К сожалению, многие из этих продуктов просто напросто неизвестны покупателям. Почему? Плохо рекламируем, плохо информируем, — признает директор института доктор технических наук Н. Липатов. — Думаю, что большинство читателей, наверно, даже и не слышали об йогурте или белковом молоке. Хочу воспользоваться случаем и сообщить, что такое йогурт и с чем его едят. Это простокваша, сброженная различными молочнокислыми бактериями. Очень вкусно и полезно. А едят йогурт обычно с хлебом, но можно выпить и так.

Вернемся, однако, к реке молочной, о которой шла речь в самом начале. Увы, на этой реке еще существует немало высоких порогов, и самый высокий из них — разрыв между сырьевой и производственно-технической базой. Иначе говоря, промышленность просто не справляется с рекой, которая год от года становится «полномолочней». Вот и получается из-за этого разрыв: вместо того, чтобы расширять выпуск различных молочных продуктов, консервов, сыров, вырабатывают масло. А побочные высокопитательные продукты, получаемые при его производстве, часто идут только на корм скоту.

— Однако не за горами время, —

говорит Н. Липатов, — когда этот разрыв будет ликвидирован. Залог тому — недавнее постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Постановление это очень остро ставит вопрос об улучшении качества молока и продуктов из него. Сейчас уже утверждены новые государственные стандарты на молоко заготавливаемое и на то, которое поступает в продажу.

В ближайшее время мы расширим свои работы по изучению состава и качества молока в самых различных зонах страны. Мы считаем, что в нашей стране нужно принять специальный закон о молоке, закон, который будет регламентировать все, что связано с получением, транспортировкой, переработкой и реализацией этого продукта. Проект нового закона сейчас разрабатывают ученые нашего института.

Институт решает и важные производственно-технические проблемы. В недалеком будущем большие перемены произойдут в техническом оснащении молочной промышленности. На смену устаревшему оборудованию придут высокопроизводительные машины-автоматы. Группа ученых занята созданием новой технологии производства стерилизованного цельного, сгущенного молока и творога. Разрабатываются технологические линии для производства быстрорастворимого сухого молока и сухих детских молочных продуктов. Совместно с Всесоюзным научно-исследовательским институтом холодильной промышленности уже создано... сухое мороженое. Это специальная смесь, из которой в кафе, ресторане, столовой можно очень быстро приготовить необычайно вкусное мороженое.

А теперь обратимся к мясу и колбасе. По производству мяса и мясoproductов наша страна занимает первое место в Европе и второе в мире.

Приглашаем вас к столу, дорогие читатели, к рабочему столу дегустаторов. Он протянулся во всю длину специального зала Всесоюзного научно-исследовательского института мясной промышленности. Занимают свои места двадцать членов дегустационной комиссии во главе с известным советским ученым-мясоведом, директором института, доцентом В. Горбатовым. Перед каждым — дегустационный лист, в котором по пятибалльной системе надо оценить товарный вид, цвет, аромат, консистенцию, вкус и сочность изделия. Испытание новинок здесь проходит торжественно и в полном молчании. Вверху дегустационного листа — предупреждение: «Во время дегустации мнениями не обмениваются».

Сегодня сдают экзамен различные колбасы и сосиски, в которых натуральные специи заменены высушенными экстрактами этих специй, названными «микрон». Заключение авторитетной комиссии гласит: специи «микрон» можно рекомендовать при изготовлении колбасных изделий.

Недавно в этом зале единодушно был одобрен «Завтрак москвича». Это палочки из мелко нарубленной свинины или говядины, обжаренные в тесте или сухарях и затем быстро замороженные. Стоит положить их на сковородку, и через пять минут ваш завтрак готов. Вкусно, удобно, но, к сожалению, недешево. Коробочка весом 300 граммов стоит 78 копеек. В дегустации нового изделия приняли участие тысячи москвичей. Ко всем коробочкам опытной партии были приложены открытки: «Уважаемый покупатель! Просим сообщить, понравился ли Вам «Завтрак москвича»? Читаете ли Вы необходимым постоянно выпускать его?» Ответы были единодушными: «Очень понравился. Обязательно выпускать. Только поменьше перца...»

Каннимы еще новыми изделиями порадует нас мясная промышленность в юбилейном году? — Можно было бы привести целое меню, разработанное нашим институтом, — говорит Василий Матвеевич Горбатов. — Но поговорим о самом интересном.

Во-первых, сырокопченая колбаса «Столичная», которая уже успела завоевать популярность у покупателей. Колбаса необычная. Она не коптится по несколько суток в дымовых камерах, а просто в нее добавляют специальный жидкий копильный препарат, который и придает «Столичной» ее оригинальный вкус. Новая технология уже внедрена на 14 мясокомбинатах.

И еще новинка: сосиски без оболочки, упакованные по несколько штук в целлофановый пакетик. Новый метод позволяет выпускать значительно больше сосисок, чем сейчас. Экспериментальный образец автоматической линии, производящей такие сосиски, вы скоро увидите на ВДНХ. Появятся и быстрозамороженные вторые блюда: гуляш из говядины, говядина тушеная, тефтели в красном соусе с луком, рагу из свинины, бифштекс рубленый, почки в красном соусе, говядина жареная, язык отварной в белом соусе с овощами.

Надеемся, что понравится покупателям и хаши — вкусный суп грузинской кухни, который будет выпускаться в консервированном виде.

Давайте заглянем в недалекое будущее. О нем рассказал нам С. Кротов, начальник Главного управления по проектированию предприятий мясной и молочной промышленности.

— Все, как известно, познается в сравнении. Поэтому позволю привести несколько цифр. По сравнению с 1956 годом в текущем пятилетии почти втрое увеличится выпуск деликатесных мясных консервов, в 1,7 раза — сосисок и сарделек, в 2,7 раза — твердокопченых колбас. Мощности по производству сыра возрастут вдвое, по переработке молока — на 60 процентов, мяса — на 20 процентов.

Только в 1968—1970 годах будут введены в действие 660 новых предприятий мясной и молочной промышленности. Новые мясокомбинаты построят в Омске, Ташкенте, Каменец-Подольске, Котовске и других городах. Новые молочные заводы появятся в Перми, Уфе, Оренбурге, Челябинске, Ульяновске. В грузинском поселке Бзыби специально для тех, кто будет отдыхать на новом курорте «Пицунда», построят мясомолочный комбинат.

Ваш

корреспондент

В издательстве «Молодая гвардия» вышла новая книга с очень «журналистским» названием: «Ваш специальный корреспондент встретился...». Ее автор — Генрих Боровик.

Журналист и писатель Г. Боровик едва ли нуждается в особом представлении читателям «Огонька». В качестве специального корреспондента журнала он немало поколесил по свету. Вот уже почти пятнадцать лет его очерки, репортажи и статьи регулярно появляются на огоньковских страницах, а на прилавки книжных магазинов ложатся книги о Бирме, Индонезии, Кубе...

Но о новой книге Г. Боровика хочется сказать особо. Она тоже о зарубежных поездках, точнее, о встречах с людьми из других стран. Иногда появляются такие книги «о заграничье», где автор, попав в чужую страну, неизвестно почему начинает чувствовать себя Колумбом и принимается описывать все подряд, что попадает ему на глаза — на улице или в путеводителе. И тогда читателю становится очень скучно наедине с таким автором. Можно с уверенностью сказать, что, взяв в руки книгу Г. Боровика, читатель скучать не будет. Этот автор относится к нему с уважением, не затрудняя его открытиями Америки. Есть у Г. Боровика счастливый талант — он умеет находить свои темы в круговороте мировых событий, умеет идти своим путем. И при этом он наблюдательный, умный и интересный рассказчик. И то, о чем он рассказывает, интересно и ему самому. Может быть, в этом и заключается секрет того, что его книга читается с увлечением. Но главный «секрет», конечно, кроется в высоком журналистском профессионализме автора, подкрепленном писательским дарованием.

С разными людьми встретится читатель в очерках Г. Боровика — с президентом Тито и с Эрнестом Хемингуэем, с сыном Черчилля и с Джеймсом Мередитом, с радистом Рихардом Зорге Мансом Клаузендом и с человеком по имени Степан-Американ. Кстати, в книге есть — но в хорошем, подлинном смысле этого слова — открытие Америки. Добрая половина ее посвящена Соединенным Штатам, где уже второй год работает Генрих Боровик, представляя там агентство печати «Новости». Американские очерки посвящены сложной и противоречивой жизни главной страны капитализма, которая шлет своих солдат на поля вьетнамских сражений и сама по логике истории становится полем битвы, на котором ее граждане сражаются за права человека. Но тут уже начинается пересказ книги, и незначая лишать читателя удовольствия самому прочесть ее.

А. СЕРВИН

«Вся мудрость — в душе, ее нельзя доказать, она сама есть свое доказательство».

(У. Уитмен. «Листья травы»).

БЕЛОЕ МГНОВЕНИЕ

Юрий ВЛАСОВ

Рассказ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Я слишком долго ждал эти соревнования. И, наверное, поэтому так много раздумывал о том, что не успел «наработать» в тренировках.

Особенно угнетали мысли о трехлетнем перерыве в выступлениях. «Не окажусь ли жалким? Вдруг от волнения нарушится координация и на сравнительно малых весах начну бестолково дергаться? И на жадный интерес публики ничем не отвечу, кроме виноватых, растерянных улыбок...» Я до мельчайших подробностей представлял эту тягостную тишину, в которой кажешься себе чрезмерно громоздким. И не ведаешь, как держаться. А зал молчит. И это молчание, как пощечина.

Если за плечами почти два десятилетия тренировок и побед, невольно вспоминаешь о таком конце. Иначе из спорта редко уходят.

Вмиг рушится целая жизнь, склеенная из сотен напряженных поединков. В ней мне нет уже места. И ни следа, кроме обветшалых газетных полос. И горечь в памяти. Не победы, а горечь.

И недоумение: труд велик, а легкость крушения поразительна.

Сегодня я рискнул заново испытать счастье. Мечтал снова почувствовать себя сильным. Потому что счастье для меня, когда я сильный. Не грубой мощью мускулов.

Мне претила собственная расхлябанность. Другая жизнь не удавалась. В ней не было побед — одни поражения. И я киснул, теряя уверенность. И лишь в спорте видел последнюю надежду возродить веру в себя и перенести на работу в литературе. Потому я «горел» больше, чем на первом чемпионате мира в Варшаве.

Теперь от обыкновенной победы зависела моя судьба.

Теперь мне казалось, что прежде я напрасно стремился сохранить счастье. Теперь я знал: оно в том ослепительном мгновении, которое я назвал «белым». Не в продолжении и наслаждении им — в завершении цели. Счастье невозможно удержать, как невозможно вечно жить.

С дивана я видел серое низкое небо с лохмами туч, похожими на острые верхушки елей. Под порывами ветра стройные ели раскачивались, беспокойно кружа колючими зелеными юбками. Гудела фанерная кухонная пристройка. И воздух из нее прохладной волной прокатывался через все комнаты.

В клетке на бревенчатой стене долбила клювом прожорливая сойка. Я поймал ее недели две назад в лесу с перебитым крылом. Изредка она чутко вскидывала голову из кормушки и подозрительно таращила на меня выпуклый желтоватый глаз.

Я взглянул на ходики — подарок моего друга Чепракова, чемпиона страны в полутяжелом весе. Соревнования открывались в два. До Москвы при самой умеренной скорости полтора часа езды. Сейчас одиннадцать.

Скрипнула дверь. Я услышал голоса жены и Дмитрия, а погода — звонкий голосок дочери: «Дядя Митя! Дядя Митя!..»

Я вышел. Поздоровался. Спросил:
— Как дорога?
— До колодца терпима. — Дмитрий скинул плащ, повесил на гвоздь. — А тут... — Он безнадежно махнул рукой. — Ручьи заболотили.
Жена взяла его шерстяную шапочку. Сказала: — Какая грязная! Сейчас же постираю. Высохнет до отъезда на калорифере. — И с решительным видом скрылась на кухню.
Я вернулся на диван. Дмитрий развалился в кресле у печки.
— Папа! — Дочка подбежала к окну. — Наш дядя!

По сосне с опилками нижними сучьями и зимней кормушке рывками передвигался пестрый дятел.

— А синицы сало силевали, — сообщила дочка, пританцовывая.

— Пусть по весне сам пощипет вкусненького, — сказал Дмитрий, позевывая.

— Дятел похудел, папа, — сказала дочка.

Охотничий пес Илим выдрался из густой лещины и сделал на птицу стойку. Ветер забросил длинное коричневое ухо на голову, раскрыв бугристую светлую изнанку.

Дочка забарабанила в стекло:

— Нельзя, Илим!

Дятел сился и улетел в молодые елки. Пес озадаченно завертелся, вынюхивая землю.

Дмитрий блаженно вытянул ноги.

— А тут отлично весной. Как спал?

— С двух до шести вроде бы спал, — сказала с кухни жена.

— Папочка! — наставительно сказала дочка. — Убери свою противную сойку. Она закидала вторгом всех моих дочек. У дорогой Катрины выходное платье в крошках. Противная сойка!

Катрин — любимая кукла моей дочери. Я привез ее из Канады, с острова Ньюфаундленд. И, как иностранке, ей присвоили имя Катрин.
— Унеси сойку на веранду, — заметила с кухни жена. — Мне она тоже надоела. Счадет, счадет...

За спиной сухо постукивали ходики, отмеряя мое время. «Только бы не получить нулевую оценку», — думал я.

— Стол накрыт, — сказала жена, отвязывая передник. — Давайте пообедаем.

— Папа, когда ты снова прочтешь Людмилу? — строго спросила дочь и тихонько прибиала: — А суп есть не буду.

«Руслан и Людмила», — догадался я, вспомнив необыкновенно солнечные и голубоватые январские дни. Больную дочку. Я и жена поочередно читали ей Пушкина. Я сам едва оправился от тяжелой болезни. И задыхался от слабости, бродя по комнатам. Мы перебрались из Москвы в этот лесной поселок, чтобы я смог лучше подготовиться к соревнованиям. Нас почти не знали здесь. Да и кто помог бы, когда все взрослые с утра уезжали на работу. И в заваленных снегами домах оставались дети да старухи. Едва спала температура у меня, заболела дочь и жена. И некому было принести воды и дров. И если бы не Дмитрий и врач Родичев — мой старинный училыщный приятель, — нам пришлось бы туго. Они ночевали десять дней, выполняя всю работу по дому и привозя продукты...

— Не думай о соревнованиях, — сказал Дмитрий мне.

— А я и не думаю, — сказал я и пообещал дочке. — Завтра вечером прочитаем твою «Людмилу».

— Слава богу, — сказала дочка, робко отодвигая тарелку.
Все засмеялись.

— Ты опять в носках? — сказала жена дочке. — А где туфли? По холодным полам в носках! Накажу... Ешь первое!

— А в сиворечнике на большой березе так никто и не поселился, — сказала дочка, уныло помешивая ложкой суп.

— На будущий год приколотишь повыше, — сказал я, с отвращением принимая за еду. Предстартовая лихорадка уже завладела мною.
— Папочка, ты вечером пощипи шмелей, — обижено сказала дочка.

— Обязательно, — улыбнулась жена. — Залет толстая шмель и громко жужжал все утро. Я проснулась, она не спит. Накрылась одеялом и всхлипывает.

После обеда мы поболтали еще минут двадцать. А потом я и Дмитрий оделись. По старой примете жена не ездила на соревнования. Три или четыре раза, когда она отъезжала, я выступал неудачно, а на чемпионате мира в Будапеште едва не проиграл американцу Норберту Шеманскому. Мы сели. И замолчали.

На прощание я подмигнул дочке. В ответ она стала закрывать глаза, старательно жмурясь. Она подмигивала мне.

В дверях жена обняла меня. Обычно она ничего не говорила.

— Я сразу вернусь, — пообещал я. — Не волнуйся. Буду цел. Как обычная тренировка.

На крыльце Илим преданно ткнулся в мою ладонь мокрым, холодным носом. Нос был в глине.

— Опять ловишь мышей, — сказал я. — Увидели бы тебя правые охотники, ох, и взвесьлись бы: «Портите подружнюю собаку! Вам бы шпиза, а не легавую!» Ну, что молчишь, подлиза?

Я шагнул за Дмитрием. Он нес сумку с моими спортивными вещами. Я мямл ухом Илима. Он трусил сбоку. Ухо было теплое, бархатистое.

— Молчишь, подлиза? — снова спросил я.

Пес вырвался. Забегал вперед. Сел перед налиткой, заскулив. Он просился в лес. Последние

дни я мало ходил, оберегая ноги. И пес засиделся.

— Гуляна, — сказал Дмитрий, открывая налитку.

Под ногами чавкала жирная грязь. Ветер рябил лужи, обламывая хвою с елей. Короткими нисточками она осыпала дорогу. За гнилыми заборами вставали тощие деревенские собачки. Чем кормились они — для всех составляло тайну. Здесь было не принято делиться хлебом насущным с четвероногими сторожами.

Дмитрий сел в автомобиль, свесив ноги наружу. Илим вспрыгнул на место рядом с шофером, которым всегда был я, а сегодня — Дмитрий.

Пегое брюхо пса залепило грязь, сосульками склеив шерсть.

Пес деловито высматривал дорогу через лобовое стекло.

Дмитрий обтирал тряпкой ботинки и с усмешкой носился на Илима.

— Бог с ним, — сказал я. — Чехол отмою. — Взял у Дмитрия тряпку и начал вытирать ботинки. «Интересно, — думал я, — удастся ли жим сто девятю килограммов?» Подоткнул тряпку под сиденье. И, показывая назад, приказал псу: — Место!

Илим поднял морду. Я прикрикнул. Он прыгнул. И с укоризненным кряхтением разлегся на заднем сиденье.

Я сел к Дмитрию. Он включил двигатель.

— Поезжай потише, — попросил я. — Невольно стану следить за шоссе, а забот и без того хватает.

Дмитрий кивнул.

С километр мы ползли на первой скорости по жидкому глинистому проселку, сдавленному могучими елями. И свернули на бетонку.

— Началось, — сказал я о соревнованиях. Перед нами бежала ровная дорога на Москву.

Дмитрий поносился. И, улыбаясь, стал рассказывать о своих любовных похождениях. Он был холост. И свято верил: единственное, что способно отвлечь человека от самых тяжелых дум, — женщины.

Только в Химках, когда мы в колонне грузовиков съезжали на кольцевую дорогу, я вспомнил неуютный зал «Шахтера», в котором предстояло выступить. «Мне всегда в нем не везло, — думал я. — Все решили, что я три года прятался, чтобы тайком набраться огромной силы. А в самом деле я очень ослаб. Я порвал со спортом, всерьез боясь, что он засосет меня и лишит воли к другой жизни. Я стану рабом «железа», рабом своего успеха. И после, когда сила уйдет, превращусь в приживальщика от спорта. Буду ныть. Жаловаться на неуважение. Добиваться почетных должностей».

Боязнь такого позорного конца и любовь к литературе заставили меня решительно порвать с «железом», когда я был еще полон сил.

И я месяцами не заглядывал в зал. Похудел. Костюмы висели на мне, как с чужого плеча. В редкие тренировки мой позвоночник уже не выдерживал даже незначительных тяжестей. Мышцы опали и обрыхтели. И голова кружилась под разминочными нилограммами. Я с ужасом думал о былых рекордах. Они казались мне чудовищными.

Вернуться в спорт, в прежние свои измерения стоило огромного труда. Но сейчас мне не хотелось об этом вспоминать. Я стал глядеть в окно, рассеянно слушая Дмитрия.

В деревьях палили листву. И голубые дымы размывал ветер. Лопнули почки, и нежная зелень обметала березы и кусты. Коровы, ошалевшие от зимнего стояния по сараям, вынюхивали воздух и ревели. Высыпали на тропинки куры. И пес часто дышал над моим ухом, завистливо разглядывая их.

Я отвлекся и теперь не мог заставить себя слушать Дмитрия. Я вспомнил усталость последних лет. Черной пеленой она прошла через меня, вызвав слабость и дремоту. Я подумал об усталости, которую нужно пережить, чтобы нарастить результат вровень с победным. И тогда снова вспомнились строки о Гамлете из статьи Белинского. Они преследовали меня все годы в большом спорте: «...на каждом шагу падает под тяжестью подвига, предпринятого не по силам!»

Я знал, и каким мыслям приведут эти раздумья. И они промелькнули угасающей тенью: «...усталости чуждая правда...»

А в ушах громко зазвучал голос друга.

— ...в страсти нет пороков, — возбужденно говорил Дмитрий. — Есть восторг, упоение! И глупо чваниться своей стыдливостью и якобы неспорченностью. В любви нет пороков!

Мы свернули с кольцевой дороги. Дмитрий сказал:

— Через десять минут «Шахтер»... Так вот, Юра. Я никогда не обманывал женщин. Никакой лести или грубости. Женщины для меня единственное, ради чего стоит жить...

...Впереди надрывно ревел дизель, выбрасывая клубы черного вонючего дыма. В лобовое стекло таранились толстые срезы бревен. Грохоча, они подпрыгивали на ухабах и снова мерно покачивались.

Мы въехали на стоянку сбоку зала. Я вылез из машины. И увидел тренера. А с ним ребят. Мы закрыли машину, оставив щелку для пса.

А дальше все происходило, как в бреду. Слово мир подернула душная, жаркая завеса.

С тренером и ребятами мы вошли в вестибюль. Говор публички, запах растений с арены оглушили меня. Я думал, что навсегда распрощался с ними, а они, оказывается, ждали меня. Я механически следовал за тренером, здоровался, пожимал руки, шутил, улыбался, заново переживая давно забытые ощущения.

Я узнавал тренеров, атлетов. За три года многие изменились. И во всех глазах читал жадное любопытство. Не доброжелательство, а любопытство. И от этого волнение усиливалось.

Я думал: «Где бы ни был, а снова возвращаюсь к «железу». Что же это за прочные связи? Неужели никогда не порву их? Как плен. «Железный» плен. В эти минуты мне была горька и унизительна зависимость от спорта. Я не выдержал поединка с новой жизнью и бежал в спорт, в привычное и надежное. Пусть тяжелое.

Тренер переживал не меньше. Он что-то пояснял мне, а я спрашивал. Восточное лицо его отливало нездоровой желтизной. Большие глаза ввалились, и на чистом лбу не расходились сухие горькие морщины.

— Вот сюда направо, — буркнул тренер, с опаской поглядывая на Дмитрия. Он боялся излишней суеты, а Дмитрий здесь новичок.

— Главное, не отставай, — сказал я Дмитрию. — И никто не придерется.

Мы вошли в узенькую комнату. Чужие остались за дверью.

Тренер поспешно разложил раскладушку. Я разделся. Надел спортивный костюм. Тренер придирчиво оглядел меня, сказал, хмурясь:

— Взвешивание через две комнаты отсюда.

Пришел Родичев. В трудной восстановительной работе, когда я готовился к соревнованиям, он был одним из немногих, кто не покинул меня. Сейчас у него под мышкой тонометр. И лицо без обычной ехидной гримасы.

— Привет! — сказал я, стараясь назваться беззаботным.

Родичев взял мою руку. Пощупал пульс. Промолчал, поджав тонкие красивые губы.

Пришел Борис Брагин, мой постоянный товарищ по тренировкам. Застенчиво заносаплил на месте, краснея. Он помогал мне в «соленых» тренировках, свято веря в успех даже тогда, когда я сам сомневался. Без солдатской формы Борис выглядел совсем мальчишкой. Я сказал ему об этом. И это неожиданно задело его. Я заметил, как дрогнуло у него лицо.

Тренер напрасно тревожился. Ребята знали свое дело. Родичев копошился в лекарствах и склянках, поглядывая на меня, словно примериваясь. Потом старательно прикрывал портьеры щели в широких окнах. Борис сторожил у дверей. Дмитрий скручивал мои бинты и не докучал вопросами.

— К черту все! — сказал Родичев на очередной стук. — Держись, Боря!

— На два слова, — взмолился голос за дверью. Борис вопросительно посмотрел.

— Бурылин, — узнал я. — Из газеты. Пусты.

Борис нехотя отпер дверь.

Бурылин поздоровался, будто мы всегда были самыми близкими друзьями. И он никогда не подличал.

Тренер враждебно напустился.

— После соревнований, — сказал я. — Отвечу на любые вопросы... Что? Нет, Алексей Николаевич, я не помышляю ни о каких рекордах. Это обычная черновая работа. Надо заново приучать себя к помосту.

Бурылин кивнул и вышел. За дверью его дождалось несколько репортеров.

— Где ты был эти три года? — презрительно заметил в дверь Родичев. — Борис, никого не пускать! Обойдемся без этих «друзей».

— Пора на взвешивание, — Тренер встал.

Я вытащил из сумки плавки и начал переодеваться. Какая-то странная тяжесть наваливалась на меня. Я погружался в дремоту. Действовал, разговаривал, а сам терял всю остроту восприятия. Все доходило, как сквозь толстую ватную преграду. Я непрерывно зевал. И сомневался в своей силе, думая: «На кой черт гоюсь?! Развалина, а не атлет».

На весах я неожиданно потянул сто двадцать девять. Тренер повеселел:

— Молодец, мало «горел». — И, похлопывая по плечу, увел меня в раздевалку, заглядывая мне в глаза и спрашивая: — Ты что? Да не волнуйся! Чепуха все это. Обычные соревнования.

Я тупо соображал. Я все позабыл за три года. Нарочно вышибал всякую память о спорте, чтобы не травить сердце, когда стали исчезать из таблицы мои рекорды и в репортажах меня не упоминали, будто я никогда не выступал. И я добился своего. Все, что делалось потом в спорте, мало трогало меня. И вот теперь я оказался совсем беззащитным под напором забытых чувств.

Я лежал на раскладушке и думал о своих друзьях. После ухода из спорта я долго был одинок. И остерегался верить, во всем угадывая пользу. А потом незаметно появились Дмитрий, Борис, Родичев... Они помогли вырваться мне из плена злобы и обид.

Протиснулся массажист. Он тоже был новичком в нашей компании. Из старых массажистов никто не соглашался работать со мной. Я оставался прежним. Не изменился. Только не чемпион. И, оказывается, к этому нужно было мучительно привыкать.

— Пора в зал! — приказал тренер.

Я уже не раз испытывал мертвящую усталость и равнодушие на пороге цели, но с подобной одеревенелостью столкнулся впервые. Я едва волочил ноги по помосту, разминался. Вяло воспринимал указания тренера. Штанга отрывала руки своей тяжестью. Я никогда не вдыхал столько нашатыря в надежде прояснить сознание.

В голове упрямо роилось несколько тоскливых мыслей: «Я давно не выступал, и все ждут

сенсаций. А я вовсе не «загадка». И сто девяносто весьма далеки от рекорда. Если нулевая оценка, — опозорюсь. Оставят!».

Опыт научил не верить отчаянию, хотя бы весь был отравлен им. И я бубнил себе: «Ты должен взять свое. То, к чему готов, — обязан. А если понадобится, и больше». И оставался тупым и холодным. И разминочные тяжести по-прежнему мяли меня.

Я клял простуду. В последние недели она смешила планы.

Аплодисменты моим товарищам заставляли меня ежиться и жадно нюхать нашатырь, переспрашивая: «Скоро мой подход?»

Это был барьер. Незримый барьер. Я ощущал его в усталости, в щемлении сердца, в каждом шаге и слове. И я медленно переваливал через него. Понимал: в следующий раз будет легче, я просто отвык...

Я механически выполнял упражнения, пока не услышал по трансляции свое имя.

Массажист подsunул вату. Я задыхался от колющего нашатыря, ища в нем спасение. Ребята помогали раздеваться.

Я знал: чем дольше готовишься, больше времени остается трюсовым мыслям. Я шагнул на арену, на ходу приглаживая волосы. Шагнул, как три года назад, как шесть лет назад, как впервые четырнадцать лет назад...

Стоило хоть чуть-чуть усомниться в усилиях, и я терял власть над штангой. Иногда в самый последний момент, но терял. И я отучил себя от сомнений на помосте. Я как бы замораживал мысли, сосредоточивая внимание на чисто механических действиях.

Гулом встретил зал мое появление. Я всегда побаивался этого преждевременного восторга.

Я прошел к ящику с магниезией. Зал не унимался. Меня давно не видели, и теперь обсуждали все перемены во мне: мышцы рук, ног, ширину плеч...

Я не раз горячился, поэтому привычно, но тщательно натер ладони магниезией, давая время угмониться публике. Долго сушил пот на груди магниезией, чтобы гриф плотно пристал к ней и позволил расслабить руки. Тогда срыв получался высокий и могучий.

Я помнил: в собранности — залог победы. И добросовестно, по-школярски исполнял заученные движения.

А душа была равнодушна. Нельзя было разом подавить усталость неистовых тренировок последних месяцев. Я был беспощаден к себе. «Надо!» — и брался за «железо». На подоконнике стояли валидол, валокордин, цистенал, валялись тугие бинты для изомочаленных, натруженных связок.

Я бился не за рекорды. Лишь в последние месяцы стал смутно догадываться, что требовательная настойчивость людей — это не только жажда развлечений. Силы отдавались гораздо более значительному. И это значительное сходилась не только во мне. И заключалось не в доказательстве чьих-то заблуждений или жестокостей. И я утверждал не просто свое превосходство.

Я еще не подобрал четкого определения. Но прочно усвоил: некоторым людям будет легче с моими победами. Им те, которым жизнь — право выразить себя.

И тогда пусть на тренировке стерегут меня лекарства и на скамейке грудой насплавляются сырые, замыленные рубашки. И тренер ощупывает взглядом и пальцами мои загрубевшие мышцы, прикидывая, на что они еще способны. Организм не мог столько вынести, а я настаивал: мало. Потому что хоть своими рекордами я смыкался с теми людьми.

Я предан мальчишеским девизам. В них много чести. И, направляясь к помосту, я шептал: «Выше знамена, капитан!»

«Выше знамена!» — повторял я над штангой, раскрывая плечи и устанавливая покрепче.

Первый вес — сто восемьдесят килограммов — я выжал одними руками, без срыва, опасаясь за равновесие. Выжал коряво, но с достаточным запасом, завовав сомнение и усталость властными командами. Этот маленький успех блеснул первой обнадеживающей искрой в череде тоскливых приготовлений.

За три минуты отдыха я изменился. Я почувствовал силу. Она была, и большая. И от этого мир стал четче. И усталость не досаждала.

Я решил поднять сто девяносто килограммов — все, на что был готов.

С помоста я несколько раз слышал сдавленный голос тренера: «Не забудь ноги!».

«Значит, правильно расставь ступни», — подумал я, тщательно прилаживаясь к грифу.

Этот вес я взял еще легче. И мир обрел необыкновенную резкость. Усталости не было.

— «Заказал» рекорд, — как бы незначай буркнул тренер. — Выжмешь двести. Работает молодецком.

Ребята действовали без суеты. В нужный момент в руках у меня оказывались полотенце, сухая майка и бинты, чашка с густым кофе, вата с нашатырем. Массажист на короточках растирал колени. Растирал как нужно. Без излишнего торможения и неглубоко...

Я вошел в тишину. Громоподобная штанга таилась в ногах. Я знал, какая она тяжела. И какая податлива, ежели забыть, сколько на грифе килограммов, забыть все боли от нее. И суметь в минуты величайшего напряжения держать нужные мышцы расслабленными, а в срыв с груди впиться, воссоединиться. И самое главное — поверить, что это пустяк, выдумка запуганных людей, а на самом деле ерунда, не тя-

жесть. И в будущем ты не раз «задавишь» ее, силы — вагон.

Все это вошло в меня разом, обволакивая, когда я ныкнул над «железом» и когда оно лежало на груди, в кровь изодравшее.

Сухой щелчок судейский хлопок-разрешение. Плавно переключая усилие с одних мышц на другие, не поднимая и не закрепощая плеч, я давил руками гриф. На миг левая рука отстала. Я уже заколебался, выведу ли ее. Но вдруг потолок надо мной — а я видел потолок и краешек зачерненного трибуны, искаженных зыбью, — лопнул и раскатился грохотом...

Трибуны топали, свистели...

«Неужели выжал рекорд? — Кровь разрывала сосуды в голове. Скулы свела судорога. — Но ведь в руках огромная тяжесть. И распрямлю ли их?»

Зал сотрясали возгласы, и каждый из них отзывался во мне.

Я распрямил руки.

И мир неожиданно выцвел, побелев. Будто набросили на него снеговое покрывало. Странное посветление всех предметов и мыслей.

Это было мое белое мгновение.

Долгожданное белое мгновение! Белый свет заливал арену, трибуны, мой мозг.

И вера в то, что я все смогу, если заупрямлюсь, не породила с трюсовостью, жаром охватывала меня, сжигая мусор обид и уныния.

Всхлипывая от волнения, мальчишка — ассистент при штанге тряс мою руку. Потом навалились друзья. А за ними и все, что не уважал меня, — холушское племя приспосаблиенцев. Даже в собственном унижении впереди всех. И были среди них те, кто был близок мне, но потом с легкостью вычеркнули меня из памяти. И все светилось радостью. Дружески хлопывали. Хвалили.

И над всеми нами было очень бело. И вокруг очень бело. Я невольно подумал, что, вероятно, у «солоней» радости такие глаза...

Я не мог выбраться из толпы, чтобы подойти к тренеру. И только в разминочном зале мы, друзья, обнялись по-настоящему. Я водил рукой по молодым крепким щекам и думал: «Без вас не бывает белому мгновению. В одиночку ни за что не зажгет его!»

В душе не осталось ни одной горькой мысли. Я умылся победой, впитав ее сок — волю к сопротивлению.

Времени на отдых перед рывком не было. Нас выступало мало — десять. Тренер наспех вытер меня полотенцем. Я сменил майку на сухую. И присел на минуту, размякнув, закрыв глаза. Я уже не знал поскорее конец соревнований. И то время, когда я лягу. Вытанусь. И буду очень долго лежать не шевелясь. Я ощущал большую усталость, но она не походила на ту черную, отупляющую пелену...

— У тебя дрожали пальцы, — сказал Борис. — Ты шел к штанге, а пальцы часто-часто вздрагивали. — Он сел рядом.

— Как святой, — пошутил Родичев. — Бледный лик с тенями под глазами.

— Какой там святой! — сказал Дмитрий. — От такой работы и со стороны не по себе. — Он опустился на скамейку. — Лицо мертвое, в холодном поту.

Я открыл глаза. Плотной стеной стояла публика и репортеры. Несколькими минут я отвечал на беспорядочные вопросы.

Тренер грубовато заявил:

— Нам некогда. Прощу не мешать!

Публика и репортеры разочарованно разбрелись.

— Во «пожал» рекорд! — Борис восхищенно оттопырил большой палец. — Одними руками. Чисто-чисто!

Родичев накапал на кусочек сахара валокардина и незаметно положил мне в рот.

— Отдыхай. Не слушай никого. Ну и душно здесь! Парная! И шляются все, кому заблагорассудится.

С соседнего разминочного помоста улыбался рослый Соломахин. Лет пять назад мы выступали вместе. Теперь он водит самосвал и потихоньку приваживает сына к любимому «железу». Я помахал ему и белоглазому парнишке, радуясь старинному приятелю.

— Сиди спокойно, — прошипел Родичев.

Массажист встряхивал мне мышцы на бедрах. Тренер придирчиво следил.

Сбоку настойчиво пытался заговорить приземистый кудрявый тренер Чувиков. Какая-то липкая готовность услужить с одновременным презрением ко всем, кроме начальства, свисала в каждом его жесте. Бывший знаменитый чемпион радушно улыбался, а крупные водянистые глаза холодно ощупывали меня, словно выискивали трещины.

Чувиков встал.

— Не буду надоедать. Успеха, старина! — смял мое плечо жаркой, цепкой ладонью.

— Спасибо, — сказал я, стараясь не смотреть на его неряшливые ботинки.

Тренер хмуро кивнул и отвернулся.

А в глазах у меня разворачивались строки чувиковской статьи, напечатанной в мае, вскоре после моего ухода из спорта. В ней, не называя моего имени, как и некоторых моих товарищей по сборной, он лгал, ловко извращая факты. Чувиков укреплял свое новое служебное положение.

Тренер проворчал:

— И еще хватает совести здороваться! — Тренер размышлял о том же самом.

Родичев заметил ехидно:

— Голос, как из ржавой трубы.

Рывок и толчок я закончил на заурядных весах. Для первого выступления большего и не требовалось...

И снова гудел ветер в стеклах. И руль подрагивал в руках. Управлял машиной я. И долго ничего не различал, кроме контуров дороги и спящих огней автомобилей.

В машине было пусто. Илим спал сбоку. Я ощущал его тепло. Он норовил уложить морду мне на правое колено, но мешал руль. Он колотил пса по носу. Илим жмурился, кряхтел. Наконец, не выдерживая и сползая на сиденье, недовольно поводя сонными, остекленелыми глазами. Я легонько придавливал морду ладонью. Пес покорно терпел. Морда была теплой со сна, мягкой и трогательно доверчивой.

На Ленинградском шоссе почти не попадались встречные автомобили. Слева за мной поспевала огромная полная луна. В ее лучах призрачно голубели поля. Стыли очерченные тенями леса. Светились нити проводов, и набегающая дорога чудилась белой лентой. В ливневой яри весенних луз, затопленных полей, обильных темных ручьев вспыхивали множества лунных бликов.

Я сбавил скорость. Открыл ветровик. Ноги привычно перебирали педали.

У деревни Ржавки, опережая грузовик, я проскочил за знак «Обгон запрещен». Милицкий свисток и светящийся жезл остановили меня.

— Нарушил, — сознался я офицеру. — Но впереди грузовик с ящиками. Волочиться за ним километр? А шоссе свободно, и видимость отличная.

Глубокая деревенская тишина окружала нас. Лунный свет застревал в узловатых ветвях старых грузных деревьев. Мертво сияли оконные стекла, обеленные узорчатыми наличниками. И глухо погромыхивал удаляющийся грузовик.

— Талон проколю. — Офицер протянул руку. — Ваши права.

— После соревнований хотелось побыстрее домой...

Лейтенант боком сидел на мотоцикле и, подсвечивая фонариком, вчитывался в мое удостоверение. Он быстро взглянул на меня.

— Это тот самый... спортсмен?..

— Самый, — ответил я и подумал: «Глупо все как!»

Он погасил фонарик. Глядя на меня в темноте, сказал насмешливо:

— Наверное, везде и всем заявляете об этом, а разъезжаете как угодно. Козыряете имечком. — Отдал мне документы. — Поезжайте. Проще.

Пес встретил меня горячим дыханием. Лизнул меня в ухо.

— Досталось нам, старина, — сказал я.

И снова гудел ветер. И ноги караулили педали. И машина осаживалась на выбоинах. И, медленно смежаясь, маячили огни над башнями города-спутника. Правда, уже не столь ободрающе. И в капоте, отражаясь, скользили лунные тени. И впервые после зимы пахло влажной землей и лесной залежалой сыростью.

И белое мгновение радостными чувствами пронизывало меня.

Мы ехали по местам, искоженным с Илимом. Он уловил знакомые запахи. Протяжно, со стоном зевнул, стряхивая сон. И заснул в окно.

Никакого торжественного ужина не получилось. Есть я не мог. И бутылка вина осталась непотой. Я только долго и жадно пил воду. Потом мы прошли в большую комнату, чтобы не разбудить дочку. Я поставил кувшин с водой на пол и рассказывал жене о соревнованиях. Она слушала и целовала меня. А я жадно пил воду. Высушенное напряжением тело всасывало ее очень быстро. Я не ощущал никакой тяжести и пил, пил... А потом снова рассказывал...

Еще через час я остался один. И огромным подарком была «Повесть о жизни» Константина Паустовского. Я листал книгу и радовался, что так мало прочитано. Это было счастье — знать, что впереди столько чудесных страниц! Я листал книгу и благодарил автора за то, что он разбудил во мне столько чистых и дорогих образов, помог обрести чувства, которые я позабыл или считал безнадежно утраченными.

Временами четырехглавую мышцу бедра схватывала судорога. Я откидывался на спину. Расслаблялся. И долго лежал, наслаждаясь покоем, еще студеным весенним воздухом из полуоткрытого окна, маленькими синими примулами на столике рядом с кроватью. Они цвели под кустом жасмина, и жена сорвала их, когда я уехал.

На неуклюжей деревянной подставке письменного стола, сколоченной мною, где я держал шариковые ручки, скрепки, и клей и прочую канцелярскую мелочь, раскинув тонкие руки с лавровыми венками, рвалась вперед металлическая женщина. Приз с далекого венского чемпионата мира — моя неизменная привязанность. Сейчас металлическая женщина казалась мне стройнее и движения ее стремительнее.

Было очень тихо. Только за лесом на окружном шоссе изредка шумели грузовики. И длинный заросший овраг гулким эхом приносил этот шум к моему окну. И по железной дороге с глухим лязгом проносились поезда. И тогда дощатые стены комнаты мерно вздрагивали.

Спать не хотелось. И я не жалел. Поворачивался к свету и читал. И воспоминания о соревнованиях проходили через меня светлой радостью.

В эту ночь я был по-настоящему счастлив.

ДАЛЬНИЙ, ДАЛЬНИЙ

Так далеко, как будто в звездной яме...
Там солнце светится, окрестность ледяна.
С потушенными внешними огнями,
Зеленый, затаенный свет храня,
Забитый богом, движется Нептун...
А впрочем, бога нет.

Не обнаружен.

А звездный углерод —
потоки звездных струн —

Цветам
и нашим елкам
тоже нужен.

Кто ночью в поле собирал цветы,
Был одинок, и о любви ушедшей
Грустил, и, словно с дальней высоты,
Смотрел в старинный пруд,
Кувшинками процветший,
Не будет спорить с Гейне:

Пальма... Кедр...

Поззи пророческие вспышки...

А что ж Нептун?

В далеком далеке
Морских легенд межзвездный бог
глядит на наши вышки.

ЧИТАЙТЕ ЖУРНАЛ «МОСКВА»

Три последних номера журнала — и завершится юбилейный год. До конца года мы опубликуем роман В. ТЕВЕКЕЛЯНА «РЕКЛАМНОЕ БЮРО ГОСПОДИНА КОЧЕКА», роман ГЕННАДИЯ СЕМЕНИХИНА «ЛУННЫЙ ВАРИАНТ» (вторая книга романа «Космонавты живут на земле»), лирическую повесть ВЛАДИМИРА ЦЫБИНА «КЛАД», поэму СЕРГЕЯ СМЕРНОВА «СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ САМ».

А что предлагает читателям «МОСКВА» в новом, 1968 году? В портфеле редакции повесть В. ТЕДРИКОВА «КОМНАНА», рассказывающая о колхозной жизни, о людях новой деревни, их сложных судьбах и характерах, в которых необыкновенно полно отразилось своеобразие эпохи.

Геологам Севера, трудной профессии разведчиков «черного золота» посвящен новый роман АЛЕКСАНДРА РЕКЕМЧУКА «СКУДНЫЙ МАТЕРИК». Автор остро ставит проблемы науки и нравственности.

В основу нового произведения А. АЛДАН-СЕМЕНОВА «КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ» положены события гражданской войны, страницы боевой жизни одного из первых советских полководцев — В. Азина.

Кроме того, мы предполагаем напечатать роман А. ПАНТИЛЕВА «БЕЛАЯ ПТИЦА», повести Д. ЕРЕМИНА «ТИГРОВЫЙ КРУГ», И. ИРОШНИКОВОЙ «ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПАНИ КАТЕРИНА», А. ЛЕВИ «ЗАПИСКИ СЕРОГО ВОЛКА».

Журнал ждет стихи от поэтов В. ФЕДОРОВА, С. СМЕРНОВА, Е. ЕВТУШЕНКО, С. ВАСИЛЬЕВА, Д. КОВАЛЕВА, Б. АХМАДУЛИНОЙ, М. БОРИСОВОЙ, Л. ВАСИЛЬЕВОЙ, К. ВАНШЕНКИНА, Е. ВИНЮКОВОЙ.

Надеемся, что читателей заинтересуют наши проблемные очерки, посвященные становлению новой экономической системы, а также писательские раздумья о колхозной деревне — земле, быте, хозяйстве хлеборобов.

Новые интересные работы журналу представит большой отряд критиков и литературоведов — В. ПЕРЦОВ, Е. КНИПОВИЧ, Н. ПОТАПОВ, Л. ФОМЕНКО, А. ДЫМШИЦ, Б. СОЛОВЬЕВ, В. ДЕМЕНТЬЕВ, Г. БРОВМАН и другие.

«НАУКА И РЕЛИГИЯ»

единственный центральный атеистический журнал, научно-популярный иллюстрированный ежемесячник общества «Знание».

В 1968 году журнал продолжит публикацию статей, рассказывающих о том, как люди, исследуя мир, преодолевают заблуждения и суеверия, доставшиеся нам в наследство от прошлого, о научных открытиях, утверждающих материалистическое мировоззрение.

Журнал продолжит разговор о нравственности, духовном мире человека, моральных ценностях, добре и зле, цели и смысле жизни, нравах, обычаях, верованиях народов мира и о многом другом.

Будут публиковаться исследования социологов о причинах религиозности, путях отхода людей от веры в бога.

Читатель найдет в журнале привычные рубрики: «СПОРЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ», «НАЕДИНЕ С СОБОЙ», «ЧТО ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ?», «ЛЕГЕНДЫ И ФАКТЫ», «НОВОЕ В МИРЕ ДРЕВНОСТЕЙ», «ЦЕРКОВЬ И МИР», «ПО ВЕКАМ И СТРАНАМ», «СТРАНИЧКИ ЮНЫХ», «БЫТ И НРАВЫ НАРОДОВ», «СО ВСЕГО СВЕТА» и другие.

В каждом номере журнал печатает новый рассказ или повесть, статью по искусству, рецензию на театральный спектакль или кинофильм.

Подписка на 1968 год на журнал «НАУКА И РЕЛИГИЯ» началась. Подписаться на него можно без всяких ограничений в любом почтовом отделении и у общественных распространителей печати.

Стоимость подписки на год — 3 р. 60 к.

ИГРУШЕЧНЫЙ СЛОН

Перед вами не живой слон, а механический, сконструированный англичанином Френком Стюартом. Его высота — около трех метров.

АВТОМАТИКА НА СЛУЖБЕ БОРОВ

Окна некоторых зданий в США открываются автоматически при нагревании извне. Этим новшеством воспользовались грабители. Они ставили перед стеклом свечу, и окно открывалось...

— Пьете!

— Не откажусь!

Рисунок Н. Калинина и Н. Станиловского.

БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЙ

Судя по снимку, мышонку чувствует себя весьма прилично на лбу царя зверей.

МОДНЫЕ ОЧКИ

Видимо, такие очки можно назвать слоновыми. Их выпустила в продажу одна французская оптическая фирма.

СУДЬЯ В ПАРИКЕ

Судьи футбольных состязаний в Бразилии часто подвергаются нападениям со стороны недовольных болельщиков. Арбитр Пауль Бежа обратился к властям с просьбой разрешить судьям вне стадиона носить парики. Такая мера не только спасла бы арбитров от неприятностей, но и освободила бы полицию от необходимости охранять их.

Вчера еще здесь были молодые дубки...

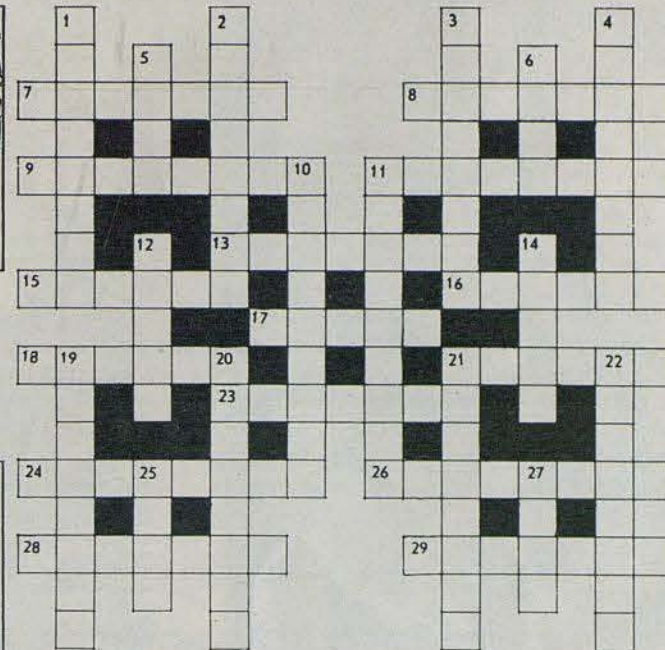
...а сегодня — один «дубняк»...

Рисунок А. Шварца.

— Так это ты говорил, что есть шанс убить медведя!

Рисунок Н. Калинина и Н. Станиловского.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Стихотворение в восемь строк. 8. Государство в Европе. 9. Русский живописец-пейзажист. 11. Шведский физик XIX века. 13. Лента для измерения длины. 15. Жанр народного поэтического творчества. 16. Сельдяной кит. 17. Метрическая мера веса. 18. Плетевая мышка. 21. Название ряда хребтов в Средней Азии и Сибири. 23. Вереница судов. 24. Вьющееся плодородное растение. 26. Русский композитор. 28. Сочетание цветов на картине. 29. Приток Колымы.

По вертикали:

1. Порт на Кременчугском водохранилище. 2. Первое представление. 3. Прибор для распыливания краски сжатым воздухом. 4. Ярлык, вид товарного знака. 5. Река в Грузинской и Азербайджанской ССР. 6. Пушной зверь. 10. Областной центр в РСФСР. 11. Сорт яблок. 12. Участник соревнования, идущий впереди. 14. Сооружение для самолетов. 19. Штат в США. 20. Зодиакальное созвездие. 21. Датский писатель, сказочник. 22. Человек, готовящийся к научной деятельности. 25. Роман Э. Л. Войнич. 27. Черноморский курорт.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

3. Ципа. 5. Кедр. 7. Квазимодо. 8. Сана. 10. Пуша. 12. Кобра. 14. Кантата. 16. Лазарев. 18. Бульвар. 19. Барокко. 21. Планшет. 22. Какао. 23. Чита. 25. Сейф. 27. Ионосфера. 28. Азот. 29. Ирак.

По вертикали:

1. Косатка. 2. Синодаль. 3. Пейс. 4. Арка. 5. «Клоп». 6. Рота. 9. Натюрморт. 11. Уравнение. 13. Вальзак. 15. Тюбик. 17. Аврал. 20. Окнава. 21. Повесть. 23. Чуна. 24. Аист. 25. Сани. 26. Фрак.

На первой странице обложки: Фрагмент картины Ю. Титова «РЕВОЛЮЦИЯ» (Выставка «Советская Россия».)

На последней странице обложки: Москва. Красная площадь. Фото Дм. Бальтерманца.

ЭПИГРАММЫ И КОРОТКИЕ БАСНИ

НЕУДАЧНИКУ

Пусть
Первый Блин твой
все же
вышел комом,—

Не унывай,—
Дари его знакомым.
Для них твои подарки
Будут любы,—
Ведь даровым Коням
не смотрят в зубы.

ИНДЮК-ГАСТРОЛЕР

Не достиг
в столице
видной роли.

Но отсель
Он ездит на гастроль,
Развлекает публику свою

И живет —
Дай боже Соловью!

ЭТОТ МЕТОД

Спросил
глупец Теленок
у Медведя:

— Что
означает
Метод волевой?
Подсел.
Развесил уши при беседе.
И тут же
поплатился головой.

ЖУК-ГУРМАН

Жук
нажужживает,
что:
— Мед — типичное не то,
Сахар — тоже не того...
Мне,
Жуку,—
подай Навоз!

АГНЕЦ В АПОГЕЕ

(Или кто над чем работает)
Едва-едва
освоил

«Бе-e!»,
А извещает о себе,
Что в перспективе

Не только «Бе-e!»,
Но даже
«Ме-e!».

и в уме —

СУПРУГИ ТОПТЫГИНЫ

Их Максимум
до Минимума

Оформлен брак.
Обставлена Берлога.
Теперь они
рожают медвежат.
Чтоб не платить
Бездетного налога.

БЛЕСТЯЩЕЕ НЕ ТО

(Поэтам — любителям сенсаций)
Удар —
с налета,
с разворота!

И мяч
Влетел
В... свои ворота.

НА КЛЕВЕТНИКА

(Эпитафия)

Он всеми видами чернил
Писал
и нашу жизнь чернил,
Но сам
от собственного яда
Скончался...
Так ему и надо!

РАЗБУЖЕННАЯ ТИШИНА

Иван СТАДНЮК,
специальный корреспондент «Огонька»

В ряду многих событий, вызывающих особый интерес у народа, временами происходят такие, которые на всю глубину потрясают человеческие души. Нечто такое происходит сейчас на Украине и в Белоруссии. В воинских гарнизонах на самых отдаленных окраинах республик в одну из ночей, согласно плану боевой и оперативной подготовки, трубачи сыграли «тревогу». Многие воинские части всех видов Вооруженных Сил Прикарпатского, Белорусского и других военных округов пришли в движение. Приказ гласил: марш-броском преодолеть сотни километров навстречу «противнику».

Застонали шоссе, грейдерные, полевые дороги, загудели рельсы под тяжеловесными составами, глухо задрожали в городах и селах дома, вдоль которых пролегли боевые маршруты. Высыпали на улицы встревоженные люди, но тревога тут же улеглась. «Большие учения», — объяснили им.

Народ увидел свою армию на могучих машинах, увидел многокилометровые моторизованные колонны самой современной, грозной боевой техники, увидел советских воинов при ратном деле — уверенных в своих силах, задорно-бодрых, готовых выполнить любой приказ Родины.

Армия еще и еще раз ощутила любовь народа к себе в самом непосредственном проявлении. Люди шпалерами стояли на улицах, забрасывая машины цветами, предлагая воинам угощение — все, чем богата их щедрая земля. Многие колхозники, бывшие фронтовики, надели боевые ордена и медали. С глубочайшим волнением смотрели они на младшее поколение воинов и украдкой смахивали счастливые слезы.

Можно рассказать тысячи эпизодов, в которых всеми теплыми красками сверкает сердечное единство советского народа и его Вооруженных Сил. На летучих митингах произносились искренние слова любви и восторга, гордости и надежды.

Но время не ждало. Войска спешили по своим маршрутам. Вряд ли история знает другие примеры скоростей, при которых целые армии столь стремительно покоряли бы пространство. Ракетная часть полковника А. Павлова, преодолев более полтысячи километров, точно в назначенное время вышла к намеченному рубежу. Прославленная Самаро-Ульяновская «железная» дивизия, которой командует генерал-майор Г. Яшкин, невиданно быстрым темпом прошла с полным боекомплектном и сложнейшим хозяйством свыше восьмисот километров. Еще совсем недавно такие скоростные переходы были немыслимы. В их обеспечении отличалась комендантская служба, регулировавшая движение, саперы, наводившие переправы через водные преграды.

Нам с Николаем Грибачевым повезло. Случилось так, что мы побывали по обе стороны «фронта» — в расположении «западной» группировки войск, а затем — «восточной». Мы увидели действия обеих сторон, участвующих в этих грандиозных по размаху и сложности учениях.

В штабе одного из фронтов «западной» стороны нас принял член Военного Совета генерал-лейтенант Е. Мальцев. От него мы ушли, вооруженные ясным представлением того, чем в данный момент занимались войска и где они располагались. Картина, нарисованная генералом, свидетельствовала: операция развивается четко по плану.

Из штаба фронта едем в соединение, которое знаменито в наших Вооруженных Силах тем, что в Великую Отечественную войну участвовало в семнадцати наступательных и тринадцати оборонительных операциях, пройдя с жестокими боями путь в две с половиной тысячи километров. Этому соединению двадцать шесть раз салютовала Москва. Сейчас оно высоко держит свои боевые знамена. Только за последние годы десятилетия ее воинов награждены орденами и медалями за высокие показатели в боевой учебе, освоение новой техники и за обезвреживание мин, оставшихся со времен войны.

Мы побывали в подразделениях ракетной части полковника А. Павлова, беседовали с солдатами и командирами, присматривались к оружию и боевой технике. И нет слов, чтобы выразить восхищение. Мы, старые солдаты, прошедшие в строю всю войну, ничего не видим привычного, знакомого по тем грозным годам. Новое оружие, новые машины, сложнейшая техника. Во всем ум и та-

лантливость наших ученых. В лесу звучит музыка из транзисторов, поступающих в подразделения. Даже воспетый поэтами котелок уже не тот! Вот разве что поварской черпак не претерпел заметных изменений.

И ценнее самой умной техники — люди, рядовые солдаты, сержанты, офицеры, генералы. Они заставляют с почтением относиться к их культуре, опыту, сплоченности, к их панибратству со сложнейшими механизмами.

В ракетном подразделении майора В. Кривского мы наблюдаем, как четко и слаженно работают у ракетной установки батарейцы инженер-капитана А. Сапожникова, офицера с академическим образованием. Да и весь ракетный коллектив, обслуживающий грозную установку, хорошо подготовлен. Большинство воинов пришло в Советскую Армию после десятилетки. И не удивительно, что подчиненные офицера А. Сапожникова намного перекрывают нормативы подготовки ракеты к пуску. В недавних боевых пусках ракетчики показали высокую точность поражения целей.

От ракетчиков не отстают воины и других родов войск. В мотострелковом батальоне майора В. Воробьева мы встретились, казалось бы, с невероятным явлением. Здесь каждые девять человек из десяти стреляют на «отлично». В батальоне двадцать два спортсмена первого разряда, а все остальные воины имеют второй и третий разряды. На занятиях с боевой стрельбой подразделение показало высокую выучку.

Уезжали мы в расположение «восточной» стороны в праздничном настроении. Мы увидели армию, которую победить невозможно, познакомились с людьми, которые готовы в любую минуту отразить нападение агрессора.

На «восточной» стороне — те же впечатления. Впрочем, нет, оказывается, предела совершенства выучки войск. Командование отдало приказ навести переправу через Днепр, по которой можно было бы одновременно пропустить железнодорожные эшелоны, колонны танков, автомобили и тягачи с техникой. Выполнить задачу было поручено воинам офицера М. Рылова. И меньше чем через час наплавный мост с железной дорогой и проезжей частью для гусеничного и колесного транспорта перекрестил Днепр. Меньше чем через час на переправу въехал воинский эшелон, а вслед за ним — колонны машин и танков.

Наступил день решительных военных действий. Армии «восточной» стороны перешли в наступление.

Мы находились в полосе действий гвардейской мотострелковой дивизии, которой командует генерал-майор М. Зайцев. Дивизия, развернувшись, с ходу устремилась на «противника», предварительно нанеся сильные огневые удары по его боевым порядкам и тылам. Наступление наземных войск непрерывно и весьма активно поддерживала авиация. Полки, двигаясь в хорошем темпе и ведя в движении огонь, сбали обороняющихся с занимаемых рубежей и начали теснить их в направлении Днепра.

«Противник» вел себя тоже активно. Он стремительной контратакой влился на двух участках в боевые порядки дивизии генерала М. Зайцева. Но тут же вступил в «бой» танковый резерв наступающих, обрушила мощные удары по контратакующим авиация, и положение было восстановлено.

Наступление «восточной» стороны продолжалось до подступов к оборонительной полосе, которую «противник» подготовил заблаговременно. Здесь начался очень интересный этап учений. На заранее подготовленной местности действовал «противник» уже условный, и войска «восточной» стороны продолжили штурм с боевым применением всех видов оружия и средств: артиллерии, противотанковых управляемых снарядов, реактивных минометов. Одновременно наносила ракетные удары с воздуха авиация. Заполыхала стена огня, взметнулись и небу гигантские клубы дыма, вспыхнули от прямых попаданий управляемых снарядов «неприятельские» танки. А после перенесения огня на вторую линию оборонительной полосы «противника» снова двинулись вперед мотострелковые и танковые части с «восточной» стороны... К исходу дня «противник» отошел за Днепр.

Район учений, сентябрь 1967 года.

Снимки из района учений специальных фотокорреспондентов «Красной звезды» К. Куличенко, В. Куняева, Е. Удовиченко и корреспондента Фотохронки ТАСС М. Редькина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00456

Подписано к печати 27/IX 1967 г.

Формат бум. 70×108 $\frac{1}{8}$.

Усл. печ. л. 7,0.

Тираж 2 000 000 экз.

Изд. № 1536.

Заказ № 2707.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

